

Олег Мащенко

**Сказки
нерожденных детей**

Симферополь
2014

ББК 84 Р
М 22

Олег Мащенко
М 22 Сказки нерожденных детей. – Симферополь,
2014. – 272 с.

ISBN 978-5-7221-0928-6

ББК 84 Р

ISBN 978-5-7221-0928-6

© О. Мащенко, 2014.

Книга первая

КЛЮЧ

Об авторе

Творчество Мащенко Олега – новая русскоязычная проза, впервые издаваемая в крайне сложное для всего мира время. Но, вы не найдете в его книгах чернухи, политики, словесной пачкотни. Все произведения автора объединены все лишь двумя словами – человек и любовь. Человек – скорее в чеховско-достоевском понимании глубокого психологизма, внутренней работы души и сердца. А вот любовь рассмотрена даже не под углом зрения М. Булгакова, хотя вы найдете и мистический полет героини одной из повестей, да и не только его. Любовь рассмотрена и показана в виде силы, движущей силы, созидательной силы, силы, которая создает миры. И написаны все эти произведения для тех, кто предан идеалам любви и добра.

Стоит еще добавить, что автор является неоднократным номинантом и финалистом конкурса «Писатель года» в Москве, его произведения уже звучат со сцены. В планах кинематографическая реализация некоторых произведений.

Предисловие

Ключом к творчеству любого писателя служат тексты. Те тексты, которые он оставляет после себя.

Как это ни банально, но произведения сродни цепочке следов, оставленных сочинителем в этом мире. И все текстовое многообразие книги, которую вы сейчас держите в руках, по своей сути является именно такой цепочкой рельефных следов, ведущих к одной единственной двери.

Давайте приглядимся к следу Олега Машенко. И попробуем и найти ту заветную дверь.

В этой книге вы найдете следующие строки. Сразу признаюсь, что я заменил слово «бог» в нижеприведенном тексте на «сочинитель». И да простит меня автор!

«Трудно ли быть сочинителем? Наверняка, непросто, но и ничего такого особого в этом нет. Просто твои возможности разрастаются практически до бесконечности. Равно как и знания. И тогда ты можешь творить. Можно начать с простого – создать, вернее, если посмотреть на еще более ранний период работы сочинителя, для начала подумать. Подумать, а в чем собственно дело? Почему ты уже сочинитель? Как плохо воспитанный ребенок, ты можешь разрушать – с удовольствием, быстро или, наоборот, медленно и со вкусом рушить деревья и горы, замки и хаты с соломенными крышами, высушивать моря, разламывать луны, стирать галактики ластиком, убивать вселенные, сдувая их пыль с маленьких ладошек».

В этих немного адаптированных строчках, как мне кажется, заключено отношение Олега Машенко к собственному творчеству.

Вы спросите, а почему? Попробую доказать.

Да, действительно, во фрагменте прослеживается аллюзия на произведения Стругацких. Но это не «перепев» известных мотивов, не использование растиражированных приемов, нет и еще раз нет! Ведь на страницах данного издания читатель

встретится не только с идеями великих братьев-фантастов, но с классиком Лермонтовым, и с неисправимым романтиком Грином, и со многими другими литераторами, оставившими свой несмываемый временем след в искусстве.

Мащенко в своих текстах словно переосмысливает их творческие идеи, переносит исходные постулаты в нашу, современную среду.

Как пытливый исследователь, он, используя проверенные читателем методы, пытается понять, а изменились ли те самые «проклятые» вопросы, волновавшие не одно поколение писателей?

И каждый раз находит какой-то необычный ракурс, оттенок, нюанс, позволяющий по-новому взглянуть на события. Таковы, например, герои миниатюры «Герой нашего времени».

Были такие детские книжки-застежки. Красочно изображенный персонаж при сдвигании картонного клапана приобретал новые качества. Он мог улыбаться, грустить, у него появлялись усы, борода, шляпа и т.д. Не знаю, делают ли такие игрушки сейчас, а в моем детстве было очень интересно забавляться, самому меняя облик героя произведения.

Конечно, многое зависело от мастерства и фантазии художника, который готовил иллюстрации. Но всегда казалось, что наиболее успешны те книжки-застежки, где фон непримечательный, серый, мало привлекательных деталей, а герой сказки, наоборот, выписан тщательно, использованы наиболее яркие краски. Контрастность персонажам придавал фон произведения.

Читатель миниатюры «Герой нашего времени» попадает в обыденную атмосферу самолета, где яркими сдвигными картинками расцветают современные персонажи (героиня с копной каштановых волос и полупьяный мужчина с золотой цепью на малиновой шее).

Хаос, казалось бы! Эkleктика, скажут некоторые.

Однако самое удивительное, что нет!

Текст миниатюры Машенко абсолютно структурирован. Использование Лермонтова и упоминание Хемингуэя переводят миниатюру из разряда бытовых зарисовок в категорию раздумий о самом человеке. Придают глубинный, философский смысл тексту. Автоматически выстраивая произведение, придавая ему законченный вид.

Впрочем, дорогой читатель, прочитай книгу и составь собственное мнение и об этой миниатюре, и о других текстах. Пусть некоторые работы Машенко выглядят спорными, на грани «фола», но я уверен, что ты не разочаруешься, поскольку везде ощущается динамика мысли.

После чтения текстов Машенко остается ощущение, что автор сумел рассказать о героях все, ну, или почти все.

Читатель бок о бок проходит вместе с ними по жизни, почти физически чувствует повороты, где ток жизни замедляется, и ускоряется там, где персонажи волею обстоятельств испытывают перегрузки. И настолько зримы и представляемы ситуации и образы, что, кажется порой, автор управляет не только героями, но и читателем.

Нет, читатель, ты не будешь пассивным зрителем, совсем нет, во время чтения ты станешь сопричастен событиям. Словно все перипетии происходят не там, за рампой, на казенной сцене, на пространстве текста, а рядом, здесь, вокруг тебя, на расстоянии вытянутой руки. Учти только, что тексты эти полны символов, для полной расшифровки которых потребуется время, знание и желание понять.

И я верю, что многие тексты Машенко писались быстро, поскольку в них присутствует наряду с мыслью и острое чувство, которое всегда стремится убежать, его надо уметь зафиксировать, перевести в буквенную форму, надо очень и очень постараться успеть это сделать.

Машенко успевает. И в этом заключается его цепочка следов, о которой говорилось в начале этого небольшого предисловия.

Но самое удивительное, что автор уже определил для себя и ту дверь, к которой он протаптывает свою тропинку. Вот, что можно прочитать в миниатюре «Жаль».

«Я рад всему. И прежде всего, рад окружающему миру. Ведь он так красив и необыкновенно прекрасен, в нем бесконечное количество очень разных, интересных существ, событий и вещей. И мне это нравится. Все нравится. И облака, и солнце, и лес, и вы – каждый из вас. Я могу подать вам руку. Улыбнуться, пропустить вас, если вы спешите».

И, опережая все вопросы, следует достаточно неожиданная концовка.

«Единственное, о чем я жалею, – что я никак не могу пойти с вами. Почему? Все очень просто: я – дверь».

И я завидую тебе, читатель. Перед тобой дверь, которую ты откроешь на страницах этой книги. Дверь в интересный и самобытный мир писателя Олега Машенко.

Удачи тебе, читатель!

Василий Логинов,
*доктор медицинских наук,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова,
действительный член Международной академии астронавтики,
член Московской городской организации Союза писателей
(МГО СП) России,
член Чеховского общества при Союзе писателей-переводчиков
МГО СП России*

Холодные серые волны Балтики, да и всех ледяных океанов вместе взятых, не могут заставить нас сказать, что мы чужие. Никогда... Я буду рядом. Ветром. Звуком. И никогда не буду лгать...

А мы знакомы?

- А мы знакомы?

Венок, свитый умелой рукой, упал в штормовую черно-зеленую воду. Ветер рвет лепестки, раздирает сплетенные стебли.

- Нет, что вы, конечно, мы не знакомы. Уже.

Венок сплетён из разных, казалось бы – несовместимых цветов. Вот белый влажный крокус, прикрывающий лепестками нежную глубину.

- Ты помнишь список? Тот список «дел для двоих», который ты написал?

Рядом ошетибилась желтая роза, переплелась с запахом чердака старого дома. Того, что напротив. Со сломанной старой антенной и разбитым чердачным окном.

- Я ведь не писал никакого списка. Не додумался. Даже до той фразы – «просыпаться с четким ощущением счастья» просто бы не додумался.

Хризантема и ландыш. Герберы жгут волны. Волны злятся, пенят пасть и не отступают.

Она сидит в кафе. Чашка эспрессо пуста. И тут в отражении на хромированной емкости для сахара начинают расплываться чашки и чашечки, кружки и кофе-маги, филижанки и прочие их братья и сестры, заполненные свежесваренным кофе. С карамельной. Или черной. Или коричневой пеной. А мокрый булыжник мостовой отражает позеленевший шпиль с приколотым маленьким облачком. Вздрагивает от крика чайки.

Бабушка умела плести кружево из тонких белых ниток. А она старается вплести в кружево луч солнца, неожиданно проникший в сумрак сонной спальни, прохладу блюда в ладони, шорох листьев, пену волн. Вплести жемчужины его глаз, обернуть хрустящими льдинками и хриплым звонком старого телефона. Разложить это кружево на влажном песке. Кружево редкостной красоты. И волна, нагло скручиваясь, с застывшей рыбкой внутри, замрет на месте от страха повредить этот ранимый фантастический венок.

- У тебя кровь на лице.

- Мне кажется, что я так выгляжу лучше. С прокушенной губой.

А кровь сочится. Она проступает, как в детстве, на сбитом колене. Мельчайшими капельками сквозь содранную кожу, рисуя капиллярную сеть, рисуя сладко пахнущей красной гуашью на стенах. Красной масляной краской на облаках. Кровью из сердца на волнах океана.

- А что там, за дверью? Ты же уже была там?

- Там ты.

Жадно схватить мгновенье, затолкать в сумку, огромную, неподъемную сумку памяти. Осенней ночью просеивать тяжелый груз через дрожащую от напряжения сердечную мышцу. Чтобы потом вплести в нервное, голое кружево аксонов и дендритов все то, что так надо отдать. Полив кровью венок, свитый умелой рукой, бросить его в штормовое море. И спросить:

- А мы знакомы?

И я не стану врать. Я отвечу

— Да, конечно. Еще нет.

Суть новеллы

Новелла должна быть как удар шилом ноябрьской ночью в подворотне.

Маленькая церковь при реанимации принимает посетителей каждый день. В ней видели многое, и многое сумели дать. Кому – надежду, кому – веру. А кто-то получит жизнь.

Пасха

В шесть тридцать утра из больничной палаты опираясь о стены осторожно вышел мужчина. Он спустился по лестнице с третьего этажа, делая остановки в конце каждого лестничного марша. Перила запачкали ладонь серой пылью, он оттер ее и вышел на улицу. В руке он держал пасхальный кулич в упаковке соседнего супермаркета, в который он дошел еще позавчера. Мужчина окунулся в сияющее утро, заполненное птичьим щебетом, восторженно смотря на яркое утреннее небо и изумрудную траву газонов. Шел он в маленькую церквушку, тут же, за углом здания института хирургии сердца имени академика Амосова.

Мужчина открыл деревянную дверь, блестящую свежим лаком, вошел внутрь и окунулся в медовый аромат горящих свечей и запах ладана. Медные подсвечники масляно блестящие, в них отражалось и плыло пылающее отражение огней. Он поставил четыре свечи. Ставил каждую медленно, поправлял, и после того как свеча была установлена, смотрел как она горит, чуть шевелил губами, как бы проговаривая какие-то слова. Слезы дрожали на его глазах.

Молодой статный батюшка подошел к мужчине, окропил кулич и раннего гостя святой водой. А мужчина смотрел на двух встревоженных женщин, одетых в темное, которые тихими голосами просили второго священника помолится за мужа и отца, о котором уже четыре страшных часа нет никаких известий из реанимации.

Священник со святой водой в ведерке деликатно спросил мужчину:

- У вас что-то случилось?

Мужчина перевел взгляд с просящих женщин, вытер рукавом теплого больничного халата глаза.

- Болею, – сухо ответил он, но голос предательски дрогнул и оба почувствовали это. Статный батюшка очень внимательно посмотрел на мужчину. Потом перекрестил быстрым движением его лоб и повернулся к женщинам.

Мужчина зажег еще одну ярко-желтую свечу и вышел из храма. У него не хватило сил сказать «похоже, я становлюсь человеком». Слезы текли по лицу. Горячий воск застывал на добела сжатых пальцах. Перед входом в больницу он остановился передохнуть, положил освященный кулич на зеленую скамью, свеча продолжала гореть в руке. Он смотрел на язычок пламени и думал о том, что же скажут тем женщинам врачи. Пламя раскачивалось на легком утреннем ветерке. Внутри мужчины разгоралось ответное пламя. Он вошел в здание и начал неуверенно, но целеустремленно, подниматься по лестнице на свой этаж. Это была его первая попытка за два месяца. И в промежутке между подъемом ноги на ступеньку лестницы и следующим шагом он вмещал только одно слово. Сквозь сжатые от боли зубы он повторял:

- Жить!

Ценность подарка в том, из чего он сделан? Или в том, кто его сделал?

Золотых дел мастер

Сотворил золотых дел мастер чудо. Золотой дворец, усыпанный камнями и жемчугами, высотой в аршин. Принес он чудо Принцессе. Та всплеснула руками, покраснелась; и так рассмотрела, и этак. Молвила:

– Чудо-то какое!

– Да, Принцесса. Для тебя чудо чудное.

– Ох, здорово как! Наверное, килограмм восемь золота будет?

Что строишь ты? Барьер? Чтобы дотянуть, вяло дотащиться до крестика в последнем столбце? Может, стоит строить дорогу, а не забор...

Барьеры

Я строю забор из вещей. Аккуратно складываю коробки и тюки на меже. Причем, межа ограничивает только мое тело, мое существо. Было бы логичнее, если бы она ограничивала, предположим, мою семью, мой круг близких людей, но...

Межа прочерчена, барьер растет. Цветные коробки, перевязанные ленточками. Маленькие – детям, по кирпичику в стену; побольше – жене. Еще побольше – мне. Все там – в коробочках. Воспоминания о сауне с проститутками, поездка в Болгарию, роман на семинаре в Сочи. Машина и зимние шины. Полотна Дали в Кёльне. Совместная поездка в парк развлечений после очередного скандала. Казалось бы, причем тут поездка? Ведь это не вещь. Нет, милая моя, это вещь, взятка – одобряемая взятка, материальное выражение подлости. Машины, квартиры, дома, бриллианты, гуашь в детский сад, деньги учителю, золотые часы, Барби дочке и «Лего» сыну, – то, что символизирует успех лишь показывает, как ты откупаешься от всех, закладывая кирпичики в барьер.

Но не все поступают, как я, да, не все. Есть те, кто строит не только с умом, но и с сердцем. Таких не много. Их барьеры выглядят по-другому, да и материал для них совсем не такой.

Вот только я так не умею. Я строю забор вокруг себя. И через какое-то время случайный прохожий заглянет через этот барьер. Посмотрит внутрь.

И никого не увидит.

Если порвались сапоги, нужен клей. И если ты разбила вазу, без клея не обойтись. Какой клей нужен для самого тонкого и хрупкого мира, уже начавшего разваливаться на куски по вине ошибившегося ученика? Достаточно ли честности, смелости, самоотверженности и преданности, чтобы спасти волшебный город?

Клей для карусели

Мне стал часто снится очень приятный сон. Там, во сне, я гуляю по городу. У меня нет тела – ни рук, ни ног, – и тем не менее я себя чувствую просто прекрасно во время неспешных прогулок. Меня не удивляет то, что город из моего сна игрушечный. Он не пластмассовый, не картонный. Он максимально упрощен: дорога – серый фон с белой полосой разметки, крыши домов сияют чистыми красками, трава – зеленый тон с яркими пятнышками обозначенных цветов, в небе плывут облака с четкими плавными контурами. Деревья – коричневые палочки с зелеными шариками крон. А в домах живут игрушечные люди. Именно живут. Они двигаются по улицам, сидят на скамейках в парках, стоят у игрушечных печей кондитерских, выгуливают игрушечных собак. И этот городок сильно напоминает мой город. Я даже нашел в нем свой дом, похожий на мой настоящий и цветом стен, и формой крыши. Заглянув внутрь, я обнаружил игрушечный стол с компьютером, стоящий так же, как и в моей комнате. Во двореке – такие же качели и кадка с цветами. Да и собака на месте – в будке у качелей. Там нет только меня. Ни разу мне не удалось обнаружить «игрушечного» себя этом странном месте.

Некоторое время назад я ощутил там чье-то присутствие. Несмотря на то, что городок и его обитатели живы, я никогда не воспринимал их как по-настоящему живых, как себя. А тут... Появился кто-то. И я стал чувствовать его внимательный взгляд каждый раз, как попадал в город.

Стояла осень, газоны были раскрашены пятнышками желтой и красной краски, шарики крон стали ярко желтыми. Иногда на сером фоне асфальта попадались голубые лужи. Я стоял на набережной и рассматривал белый кораблик на синей воде. И услышал тихий шепот:

– Вам понравилось?

Шепот был как шелест папиросной бумаги, тихий и спокойный.

– Очень понравилось! Очень красиво.

– Я рад. Не понимаю, как вы тут смогли оказаться... Приходите еще...

– Спасибо. Простите, а кто вы?

– Мне очень сложно ответить на ваш вопрос... Если сильно упростить, я конструктор этого места. Приходите, до свидания...

– До свидания...

Я продолжал свои визиты в городок периодически разговаривая с незнакомцем. Мы здоровались, он спрашивал, как мне нравится новый цвет воды или форма деревьев. На этом все общение и заканчивалось. Незнакомец никогда не отвечал на мои вопросы о том, кто он, где находится этот город, почему он наполнен такой странной жизнью. Незнакомец учтиво просил прощения за отсутствие возможности ответить на мой вопрос.

Городок рос, на улицах становилось больше машин и людей, появились новые парки и высотные здания, росли кварталы многоквартирных домов, строились новые мосты через реку. Прошла зима. На белой краске начали проступать пятна зелени, река стала снова голубой. Мой незнакомец пропал куда-то на время – я перестал его чувствовать. И вот в начале лета он появился с вопросом:

– Вам все еще нравится?

– Да, конечно, – ответил я. – Тут самое замечательное место из всех, что я видел. Мне тут легко и светло.

– Спасибо. Значит, с частью работы я справился.

– Какой работы?

– Ученической работы.

– Скажите, а где так учат? Где учат строить такие города, вернее, строить такую жизнь? Мир такой строить?

– К сожалению, не могу вам ответить, – прошелестел он.

– А еще вам скоро нельзя будет приходить сюда. Хотя я до сих пор не понимаю, как вам удастся бывать тут каждый день. Может, вы из комиссии?

– Нет, я не из комиссии. А попадаю я сюда во сне. Погодите, как это – я не смогу сюда попасть? Что-то случилось? Что случилось с городом?

– Во сне... Интересно... Да, да... случилось... Моя работа подошла к концу. Теперь, коль скоро вы находитесь здесь, вы все увидите сами. Смотрите на небо.

Я посмотрел вверх и увидел быстро растущую черную тучу. Она затягивала небо, на реке появились пирамидки волн, они опрокинули кораблик. Деревья в парке начали падать на газоны.

– Что происходит?! Зачем вы все ломаете? Так нельзя! Не делайте, прошу вас! Пожалейте этот город!

– Я сдаю свою работу комиссии. Лучше посмотрите сверху.

Меня подбросило вверх, и я увидел город, который начал медленно вращаться, как огромная карусель. Но это была не веселая карусель – дома падали, скатывались в реку, парки рассыпались, игрушечные человечки катились по радиальным улицам. Я был в ужасе:

– Что вы делаете? Это же катастрофа! Я очень люблю это место, умоляю вас, пожалейте его! Остановитесь!

– Вы не видите суть, мой гость! Смотрите!

И я увидел, что происходило внутри домов, там, где жили маленькие человечки. Конечно, там все валилось и падало, но

я обратил внимание на то, что в некоторых домах фигурки людей не только не упали, но стояли плотными кучками среди хаоса. Так было не в каждом домике (и даже не в каждом десятом), но так было.

– Теперь вы все увидели...

– Я не понимаю, что это было? Что произошло? Город же рухнул...

– Город рухнул, но комиссия приняла мою работу. Спасибо и прощайте.

– Пойдите же вы! Что это за работа?

– Хорошо, пару слов я вам скажу. Вы знаете, что такое клей?

– Да.

– Перед тем, как нас начинают учить строить настоящие миры, мы сдаем работу по клею, который будет держать мир при испытаниях, который не даст миру развалиться. Вы поняли?

– Нет.

– Материальный мир прочен, а вот человеческий – тонок, и его надо склеивать. Я для работы выбрал классический рецепт: честность, смелость, самоотверженность, преданность. И заварил клей, добавив туда изрядное количество еще одного ингредиента. Но я ошибся в расчетах, и комиссия ни за что не приняла бы мою работу. Но вы все спасли.

– Я? Как?

– Вы дали этому городу существенную дозу того, чего я не досыпал.

– Чего же?

– Любви, мой милый гость. Теперь город будет жить. Пусть он вам снится. Приходите, он будет вам всегда рад.

Если отломить почку каштана зимой, то кажется, что держишь в руке камушек. Начинай, слой за слоем, сдирать смерзшиеся чешуйки-лепестки. И найдешь внутри то, что не мог ожидать...

Почка

Я – почка. Сейчас я чувствую холод. Он пробирается через тонкие лаковые части меня. Он хочет захватить меня целиком. И мою маленькую, самую внутреннюю часть. Ярко-зеленый зародыш. Я не позволю. Крепко держусь за родителя. От него уже нет смысла ждать чудес. Потому, что чудо – это я. Мне сложно понимать происходящее вокруг меня и я почти ничего не вижу. Только наличие или отсутствие света. Чувствую только наличие или отсутствие тепла. Сейчас – отсутствие. Но, это не страшно. Я жду.

Я умею ждать. Моя жизнь – ожидание. И я точно знаю, что оно скоро закончится. Как и знаю, что когда оно закончится – я перестану быть почкой. И смогу сделать то, что не по силам моему родителю. Я точно знаю, что произойдет вскоре. Тонкий зеленый лепесток внутри меня будет наливаясь жизнью, разрастаясь и сворачиваясь петлей. Он покроется тончайшим пухом, окрепнет и разорвет меня. И я опадю в прошлогодние листья липкими чешуйками. Постепенно исчезну, растаю в темноте, медленно буду частями течь в стволе родителя, собираться снова воедино, только для того, чтобы защитить тебя и стать разорванным тобой.

Светлой памяти великого романтика и знатока несбывшегося, решившего конфликт внешнего и внутреннего миров в пользу внутреннего.

Снова не дали аванс!

Тень высокого мужчины, быстро спускавшегося по лестнице, перепрыгивая сразу через три ступеньки, скользила по ободранным стенам парадного. Несколько секунд назад этот мужчина, одетый в черное затертое драповое пальто, черный костюм с крахмальным воротничком, гневно кричал на другого мужчину – в серых нарукавниках поверх клетчатого пальто, в очках на резинке и с химическим карандашом в прокуренных коричневых пальцах. Первый кричал, размахивая руками, его лицо заливал нездоровый румянец. По комнате от него растекался крепкий сивушный дух. После того, как мужчина понял, что своей цели не добьется, он решил: в следующий раз. В следующий раз... Выскочил на лестницу, громко хлопнув дверью, и помчался домой.

Свинцовый вечер рождал оловянные тени. Сырой плотный воздух обхватил мужчину, и тот поежился в его ледяных объятиях. Натянул ниже шляпу, зашагал быстрее в сторону проспекта. Черные тени домов, черные облака, еле тлеющие огоньки в поскрипывающих, будто скулящих на ветру фонарях, и люди, – все вызывало в нем омерзение. Оскальзываясь на мокро блестящем льду, чувствуя, как снег начинает таять внутри рваного ботинка, он торопился с плохими новостями домой. Он мог бы пойти и в другое место, но морозный туман и роящиеся в голове мысли вели его именно туда. Он взбежал по лестнице, обстучал ботинки у двери, вошел в паркий мрак и прокричал на весь коридор: «Золотко, милая! Снова мне не дали аванса! Черт бы их побрал! И я этому кретину Миловзорову чуть рожу его мерзкую не раскрыл!»

Мужчина грел замерзшие длинные пальцы у печи. Карие глаза загорались безумным искрящимся огнем, когда новая щепка вспыхивала среди угольков. Согревшись, он достал с антресолей обувную коробку с бумагами. Снял с печи разогретую чернильницу, зажег огарок свечи. Подняв воротник пальто, которое даже не собирался снимать, он обмакнул перо и продолжил писать монолог:

«Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберется народу, удивляясь и ахая: и ты будешь стоять там. Корабль подойдет величественно к самому берегу¹...»

¹ А. Грин, «Алые паруса».

Встречи с собой. Такое бывает раз в пять жизней...

Встречи

Бывают разные встречи. Одни пусты и бесполезны, как если летом в сарае берешь в углу старый мешок, забираешься в него рукой, и пыль кружит в лезвиях солнечного света. Ты ша-ришь в мешке, но кроме поблекшей луковой кожуры ничего не находишь. Бывают встречи грязные – после них торопишься вымыть руки и лицо. Бывают встречи с оборотнями: открываешь дверь знакомцу, а вместо него перед тобой нечто мерзкое. А бывают, но крайне редко, встречи неожиданные, необычные. Ценой дороже золота. И ты готов все отдать за одну такую, – сидишь, рисуешь ее, обдумываешь, ждешь, одевшись в чистое. Потом вдруг понимаешь, что вот-вот все потеряешь, – вылетаешь на улицу и видишь лишь Ее спину. Бросаешься вдогонку, хватаешь за рукав невероятного одеяния, что-то кричишь, и... Она оборачивается, и ты в ужасе видишь все ту же спину.

И совсем редко, раз в пять жизней, ты идешь по улице один и видишь оброненную игрушку. Домик. Поднимаешь рассмотреть и вдруг узнаешь свой дом – не тот в котором ты сейчас, а настоящий. Его-то ты всегда узнаешь. И пыль, и грязь облетает с игрушки; она оживает, течет в пальцах, превращается во что-то невероятно сложное, в сплетение золотых и серебряных нитей, света, облаков и тумана. Оно окутывает тебя, словно радушный хозяин, влечет, затягивает в себя. И ты понимаешь, что нашел целый мир – огромный, яркий, сияющий, шелестящий травой, сверкающий закатным солнцем на золоченых шлемах героев. Он растет в твоих руках, показывая себя и так, и этак. Ты горд, ведь ты его нашел! И вдруг видишь себя на рыночной площади у дворца. Только себя не такого. А другого, настоящего. Того, кто мудрее, смелее, честнее, справедливее тебя. Того, кто готов в бой, кто не будет выжидать за кустами, того, кем ты так и не стал. А рядом с тобой стоит *Она*, хозяйка этого мира. Хозяйка всех лазоревых драконов и синиц, рыцарей и заходящего солнца.

Как рассчитать счастье и любовь? Неужели нет такого способа? А если взять за основу расчета легкость шагов или солнечный луч? Можно... Кто-то сможет рассчитать «коэффициент Николаева». И не ошибется.

Коэффициент Николаева

Утро выдалось просто замечательным. Легкий ветерок доносил с улицы великолепный запах наступающего лета. В прозрачном, напоенном солнечным светом небе плыли легкие пуховые облака. Ночью прошел дождик, лужи на асфальте были заполнены острыми коричневыми ракушками тополиных почек. Горький и клейкий свежий запах новых листьев разливался по городу.

– Наташенька, солнышко, ты не забудешь?

– Что ты, бабуля! Я сейчас, бегом. Ты не переживай. Как говоришь, оно называется?

– Нитроглицерин, золотко. Маленькие такие таблетки.

– А, помню. Сейчас схожу.

Настроение отличное. И даже не отличное – оно еще более замечательное, чем это замечательное утро. В два раза. А может, в три. Такое не измеришь. Как это посчитать? Можно, например, по легкости шагов. А еще – по количеству людей, с которыми хочется поздороваться. А еще – по количеству цветов, которые хочется собрать. И подарить. Вот. Много разных методов. Новый еще какой-нибудь было бы неплохо придумать. Какой? Умножить блеск глаз на длину шага, добавить коэффициент в виде квадрата, взять в скобки, прибавить количество белых облаков минус количество черных ворон, отнять сумму глубоких луж... И потом это все умножить на эмпирический коэффициент солнечности внутри головы. Вот. Прекрасный получился метод. Просто отличный. За-ме-ча-тель-ный! Вот.

Цок-тук-цок-тук. Белые босоножки скользят по ступеням. Пальцы руки едва касаются коричневых бугристых перил. Свет от окон чередуется с полумраком возле дверей соседей. Цок-тук-цок-тук. Пока проскакиваешь мимо окна, успеваешь почувствовать тепло солнышка, коснувшегося левого локтя. Цок-тук-цок-тук. Муха пролетела. Кошка посмотрела. Цок-цок-тук-тук. Ждем на ручку – дверь открывается. Ух... Солнце желтым языком облизнуло лицо. Ух... А небо отражается в луже. И там летают тополиные лаковые почки. Теперь понятно, куда они исчезают! Их уносят зеркальные облака. Ух... Цок-цок-тук-тук. Тонкой веточкой надо вытащить из лужи этого длинного розового червяка. И на травку его. Вот. Молодец какой. Цок-цок-тук-тук.

– Доброе утро, Зинаида Яковлевна!

– Наташенька, и тебе доброе!

Цок-цок-тук-тук. Солнце брызжет искрами из лужи, в которой купаются воробьи. Солнце теплым покрывалом ложится на плечи. Цок-цок-тук-тук. Ощущение счастья начинает просачиваться сквозь кожу. Счастье, легкое и прозрачное, обтягивает руки и плечи, мягко стучится в затылок. Счастье покрывает тело тончайшей пленкой, которая начинает пузыриться в бриллиантовых лучах. Цок-цок-тук-тук. Если присмотреться, то можно увидеть эти мельчайшие пузырьки, невесомую пену этого невыразимого словами, необыкновенного утреннего счастья. Невидимые пузырьки срываются с кончиков пальцев, их подхватывает ветер, уносит, уносит, уносит... Пузырьки. И меня уносят с собой. Ведь можно же идти или бежать, не касаясь земли? Можно. Никто не запрещал. Можно рассматривать невероятные невидимые пузырьки, которые так сияют? Нужно! Цок-цок-тук-тук. Красный. Ждем. Водитель ошарашено посмотрел. И ему – немного пузырьков. Пусть. У него их мало. Я же вижу. Пузырьки тянут вверх, заставляют взлететь. Но пока не буду. Еще по дождю. Мои улыбки, наверное, можно грести совковой лопатой.

И еще останется. Ух... Зеленый. Цок-цок-тук-тук. Мир сочится сквозь меня. Робким дыханием он втягивается сквозь подошвы босоножек, через кожу, волосы, глаза... Движение мира становится более напористым, он наполняет меня. Мир значительно легче, чем моя картина мира. Мир, вошедший в меня, тянет вверх. Он может помочь взлететь. Парить. Как вот то облако. Или перышко. Или нестись, раздирая упругий, будто резиновый воздух. Или растечься и стать парком. Улицей. Городом. В котором никто не споткнется и не упадет. В котором ни одна машина не будет попадать в аварии. В котором не будут болеть дети. В котором будет много-много всего, хорошего и нужного. Вот Цок-цок-тук-тук.

– Привет, Николаев!

– Доброе утро, Наташа. Я тут...

– А чего ты такой, при параде? В гости, что ли, идешь?

– Я, это, Наташка... я к тебе собирался. У тебя пара минут есть?

– Ну, пара – есть.

Сессию только сдали, а он как на праздник снова. Смешной. Ко мне? Интересно... И правда, интересно. И приятно. Ко мне. Зачем?

– А ты летом что делаешь?

– В стройотряд еду, в Нерюнгри². Строить много там. Через неделю. Наташ, я...

– Погоди, а чего так далеко? Там же сейчас еще снег, наверное?

– Улетали квартирьеры в пятницу, – да, последний снег лежит и тает.

Не могу представить: тут лето, там – зима. Здорово было бы сейчас слетать туда: раз – в снег плюхнуться, – и сразу назад. Сюда. Греться. А может, еще куда полететь.

– Наташа, я тут тебе принес что-то.

² Город в Якутии, Россия.

Покраснел как. Станный. Чего краснеть-то? Коробочка. Еще бы в газету завернул. Смешной. Сейчас... Плохо открывается... А, вот! Ой. Ой-ой-ой... Мамочки, что же это делается! И что теперь думать? И что делать?

– Николаев, что это?!

– Наташа, ты же сама видишь...

– Николаев, последний раз спрашиваю, что это значит?!

– Просто кольца.

– Какие?! Какие кольца, Николаев?!

– Наташ, выходи за меня замуж. Пожалуйста. Давно вот собирался, собирался... А тут... уеду и еще долго не буду тебя видеть. Вот. И тошно так стало.

Ты смотри, только что еле-еле мог полслова из себя выдавить, а сейчас уже как по писаному чешет! Ух ты!

– Я и подумал: а чего мне ждать? пока ты случайно, это, ну, не встретишь кого-то? Пока меня не будет. Вот и решил. Ты, правда, подумай. Будет хорошо, я обещаю. Вот увидишь, как здорово будет! Ты же меня с первого курса помнишь – ну, может, не сильно отличник. Это правда. Но тебе же не оценки нужны рядом? А я справлюсь. И квартиру, и может, машину. Ты не переживай: если, конечно, у тебя любовь там с кем-то есть, так я перетерплю, ну, или пережду. Правда, поженились бы – и точно тебе говорю, все будет отлично! Знаешь как? А так, что утром просыпаешься и думаешь: «Вот ведь как все здорово! Просто солнце в голове прямо с утра!» Много солнца и радости. И ожидания чего-то еще лучшего. Вот.

Ничего себе. Вот дела! Никогда бы не подумала. Да и думать как-то не получается. Вот странно как все выходит. Ох. И что делать? Сразу согласиться – тоже нельзя. А через неделю уедет. Вот утро-то какое! И почему я так расстроилась? Ведь все, наоборот, просто замечательно. Отказать? Зачем? Чтобы он психанул и совсем пропал? Ох... Что делать, что делать? А вот что!

– Николаев. Честно говоря, я не ожидала. От тебя не ожидала. Сейчас могу тебе сказать вот что... Лучше... Нет. То есть, не тебе «нет». Да, черт побери. Что-то не соображу. Так, Николаев, обними меня. Так будет правильно.

Вот это да... да... Как давно... Какая разница! Только не отпускаяй. Еще немного. Да, да, и еще раз, да. И рукой по волосам – погладить, поерошить. А тепло-то как! Так бы и держалась. А пусть! И все становится таким понятным и ясным. Как там этот криволинейный коэффициент счастья? пусть будет коэффициент Николаева! Вот! Ой, как же здорово... Мамочки... Будто так и надо... Будто так и было... Кто бы сказал еще вчера... Ох... И в ухо ему – так тихонечко, только губами, чтоб даже волос не шелохнулся:

– Николаев, я подумаю. Обещаю тебе серьезно подумать. Пару дней. Так идет?

– Да. Очень буду ждать. Только не забудь, Наташенька. Очень прошу, не забудь, сделай, как обещала... Пожалуйста...

И не отпускает. Уф... Да, именно так и было нужно. Только так. Я вроде его не крепко держу, но тоже не отпускаю. Пусть так...

– Николаев!

– Да, Наташ?

– Отпускай. Вот решу по-твоему, тогда надержишься еще! А если нет, тогда и не надо. Отпускай...

А сама не отпускаю... И он тоже. Смешно. Так и будем стоять? А можно и постоять. Почему бы и нет. Тем более, что я так давно не стояла. Хм... Еще настоюсь. Хотя отпускать первой не буду. Наверное, он тоже первым не отпустит. Утыкаюсь носом в шею. Ничего так шея! Крепенькая. Видно, что не только матанализом занимается. И в стройотряд – не куда-то на юга, а в Якутию, туда, где лета нету и работы столько, что за жизнь не переделаешь.

– А ты знаешь, что такое коэффициент Николаева?

– Нет, Наташка...

– Я все тебе расскажу...

Казалось бы, пора «героев и героинь нашего времени» прошла. Пропали герои, превратившись в казнокрадов и лжецов. Но иногда то тут, то там замечаешь яркий отблеск, – это он, герой нашего времени. Вернее, она.

Герой нашего времени

В самолете было шумно. Кто-то рассерженно заталкивал сумки в багажное отделение, косясь на соседей: это же они так насовали туда свои тряпки! Стюардессы в алой форме «Аэрофлота» следили за порядком и регулировали поток людей. Было душно и суетно.

Девушка с копной каштановых волос и небольшим колечком с бриллиантом аккуратно сняла кожаный пиджак и положила его себе на колени. Глянула мельком на соседей, взяла сумочку и вынула из нее планшет.

«Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем³».

– Николаич, а хрена мы тут делаем? – раздался совершенно пьяный громкий голос. Мужичка, коротко стриженного и сильно выпившего, толкали по проходу трое таких же пьяных красавцев. Четверка мужиков с малиновыми лицами лет по сорок – сорок пять, одетых как делки средней руки, с золотыми цепочками на красных шеях, в золотых часах, продиралась к своим местам. Они орали на весь самолет, толкали кого-то, хватали стюардесс за руки.

«К утру бред прошел; с час она лежала неподвижная, бледная, и в такой слабости, что едва можно было заметить, что она дышит; потом ей стало лучше, и она начала говорить, только как вы думаете о чем?..»

³ М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени».

– Ты меньше умничай, а водки нам дай! Давай! Николаич купил «Инфинити», двадцатку сэкономил, а ты водки жлобишь! Серёня! Де тот Крвазьё? Чё стала? Водку неси!

– На нашем рейсе никакие алкогольные напитки не предлагаются.

– Ты чё, охренела? Водку давай!

Малинового от злости и пьяни дружка троица оттащила к креслу, понимая, что они все нарываються на крупные неприятности.

«Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам – гладко!..»

– Ты ко мне в Черкасы приезжай, Николаич! Там я тебе охоту и рыбалку, и выпить всегда будет что... И бабы... Ты только приедь! Давай прям щас! У меня машина в Борисполе – садимся и едем! Через два часа на месте! – горячим шепотом булькал один из пьяных ездоков.

«Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ».

Девушка выключила планшет и стала смотреть в иллюминатор на приближающиеся волшебные огни Киева. Борт из Шереметьево заходил на посадку. Через пятнадцать минут девушка прошла таможенный и паспортный контроль, вышла в ночную прохладу, глянула вскользь на пьяную четверку, уже тащившую пиво и водку в отекавших красных лапах, и подумала: «Завтра буду дальше читать Лермонтова, а вечером – Хэма. Под настроение».

Сказочные качели в супермаркете, линкоры и якоря, римские носы и тонкие пальцы... В Мире возможно решительно все. Если суметь договориться со временем. Это возможно? Да. Если ценить каждый миг.

Качели

Сергей въехал на парковку строительного супермаркета, закрыл машину и набрал номер Даши. Ровно через пять гудков та отозвалась.

- Привет, Сережка!
- Привет, привет, милая барышня. А ты еще в магазине?
- Да, смотрю розетки.
- Выходи, поболтаем, уважаемая.
- Иду.

Сергей стоял и смотрел на автоматические двери магазина, из которых выходили люди с покупками – пакетами, тележками, коробками. Даша все никак не появлялась в пестром потоке счастливых обладателей уцененных товаров для среднего класса, к которому он причислял и себя. Кто-то рядом с ним громко сказал: «Привет!», Сергей обернулся и никого не увидел. И повернувшись обратно, он чуть носом не уткнулся в Дашу. Горячая волна стыда поднялась внутри: он ее проглядел. Слова застыли в горле, уши и щеки залило краской.

- Привет, Сережка. Что ты как рыба?
- Это как – как рыба? Привет...
- Открываешь рот и молчишь – вот это: «как рыба».
- Да это я из-за того, что тебя пропустил. Проглядел. Стыдно какой.

Даша внимательно смотрела на Сергея сквозь легкую дымку солнцезащитных очков. Волосы, забранные в плотный хвост; коричневые сандалии и голубые джинсы-стрейч; легкая сумка, переброшенная через руку, – загорелая ладная девушка,

которая всегда пристально смотрела на собеседника, вводила Сережу в легкий ступор. Он все время терялся и путался в словах, очень переживал из-за возможной ошибки в своем поведении, которая может, пусть даже потенциально, нарушить неуловимое равновесие их отношений.

– Сережа, проснись! Ты зачем меня вызванивал? Курить? Так пойдем!

– Даш, извини, пожалуйста, что-то я задуренный такой, жара еще эта, кондиционер не работает. И вообще... – что именно «вообще» Сережа не уточнил, а подхватил девушку под руку и повел поближе к обозначенному месту для курения у входа. Даша выудила из сумочки пачку тонких яблочных сигарет, Сергей поднес ей зажигалку. Мгновенье, когда пляшущий огонек коснулся белой, чуть отливающей перламутром бумаги, он обозначил «номером первым».

Мгновенье «номер один» растянулось мягким ковром. Он смотрел на аккуратное ухо девушки с маленькой золотой серьгой, щеку, покрытую тончайшим, практически детским, пушком. Смотрел жадно и вдохновенно. Его коснулся запах ее кожи, причем волосы и кожа пахли совершенно по-разному. Дашины плечи обгорели на жарком солнце, краснота проступала сквозь немного ненатуральный загар солярия. Левое обгорело сильнее; сзади на шее кожа была заметно краснее, чем на плече. Несколько прядок темно-русых волос выбилось из-под резинки, и одна из них развевалась на теплом ветру, остальные спускались вдоль уха на обгоревшую кожу шеи. Сергей чувствовал, что Даше эти волосы мешают. Чуть втянув щеку с небольшой и крайне привлекательной ямочкой, она подняла голову и выдохнула дым.

– Я ужасно рад тебя видеть, Дашка! Как будто сто лет не видел, и сегодня ты просто замечательно выглядишь. Прямо загляденье.

– Спасибо. Знаешь, а я удивилась. Тому, что ты позвонил и приехал. Да и комплименты... Я ведь правда, выбежала только

розетки посмотреть. Я же ремонт делаю. Вот ругалась сегодня с мастерами из-за дверей: всего две межкомнатные поставили. А должны были три.

Даша продолжала говорить, а Сергей смотрел на ее солнцезащитные очки. В них он видел себя, плывущего на фоне голубого неба с яркими облаками. Один Сергей стоял на раскаленном асфальте, а два его зеркальных близнеца синхронно двигались в такт движениям головы девушки. Они внимательно следили за третьим, стоявшим на земле, пристально глядя ему в глаза, словно пара телохранителей на страже, всем своим видом как бы говоря: «Не ошибись!». В то же время Даша продолжала рассказывать о ремонте и розетках. Сергей не вникал в детали – он вслушивался в голос, следил за движением необыкновенных элегантно очерченных губ, всматривался в то, как мелкие морщинки то появляются, то исчезают на кончике носа девушки в такт ее словам. Мгновенье «номер два» текло спокойной рекой мимо знойных барханов из тюков теплоизоляции и паллет кирпича, мимо караванов, несущих доски, обрезки труб и коробки. Оно не иссякало, ведь Даша все еще говорила, а может, это мгновенье было бесконечным. И бесконечно отличалось от окружающего мира. Сергей, как линкор на рейде, расставлял якоря. Два из них уже были брошены – в оба нумерованные мгновенья и вошли в них плотно и прочно – так, что практически никакая непогода не сможет уже вырвать эти жадные до жизни метки из кладовых памяти.

Даша выбросила сигарету и посмотрела на Сергея. Двое зеркальных телохранителей чуть качнулись и синхронно повели рукой в сторону входа в магазин.

– Не возражаешь, если я с тобой пройду? Эти розетки посмотреть, да и мне нужно батарейки купить. Идем?

– Идем, – ответила девушка.

В мгновение «номер три» Сергей взял ее под руку. Бесконечно долго, по своим внутренним часам, он скользил ла-

донью по ее длинным пальцам, вкладывая Дашину ладонь в свою. Ощущения лились быстрым ручьем сквозь зной последних дней мая, залившего город дрожащими потоками раскаленного воздуха. Ее пальцы были мягкими, и в какой-то момент они немного сжались на Сережиной ладони, как бы запоминая или фиксируя ощущения. Даша согнула руку в локте и повернула ладонь так, что рука ее спутника оказалась под ее, наподобие подлокотника кресла. При этом предплечье девушки было чуть длиннее Сережиного, и она чуть поерзала локтем, устраивая руку поудобнее. Но держать локоть с внешней стороны от Сережи было неловко, поэтому она сдвинула его в пространство между правым боком и рукой мужчины. Тот чуть прижал ее руку к себе. Третий якорь, гремя могучей цепью, рухнул вниз.

– Хочешь, расскажу тебе что-то? – спросил Сергей.

– Давай. А о чем?

– Скорее, о ком. О девушке. Рассказать?

Даша чуть смутилась, ее кисть немного напряглась и тут же расслабилась. Сергей осторожно накрыл ее пальцы своими и заговорил:

– Я недавно встретил девушку, должен сказать тебе, совершенно необычайную.

– Чем необычайную?

– Ну... многим – в ней много всякого разного. Если посмотреть впервые – обычная девушка. С красивой фигурой, стройная, спортивная. Светлоглазая. Но ты же знаешь, фигуры есть у многих. А вот у нее... У нее есть необычайный нос – очень красивый. Как по мне, так самый замечательный нос в мире: с малюсенькой горбинкой и будто резными крыльями неписаной красоты. Ты видела римские статуи?

Даша кивнула. Рука выдавала ее волнение. Один из телохранителей в зеркале очков плавно двигался вдоль стеллажей отдела «Сад и огород».

– Я не понимаю, откуда у этой девушки такой нос. Подобные носы перевелись еще две тысячи лет назад. Он необыкновенно красив. Но это лишь часть... У девушки еще необыкновенно красивые губы. Они не полные или там какие-то оттопыренные. Нет. Ее губы словно нарисованы художником, великим мастером. В них нет надменности Давида, равно как и деревенской простоты. Они – творение, ждущее и зовущее. Причем, ждущее очень спокойно и без суеты.

Они медленно свернули в сторону от рулонов линолеумов и ковров, похожих на гигантские скалки. Мгновенье «номер четыре» начало сгущаться в воздухе от движения пальцев девушки. Они стали очень медленно выбираться из-под Сережиной ладони, и освободившись, обхватили его запястье. И каждый из них, будто живя собственной жизнью, отдельной от остальных, сначала ощупывал запястье и ладонь мужчины, а потом легонько гладил ощупанное место. Затем чуть сдвигался и снова ощупывал и гладил. И теперь Сергей с Дашей шли, ловя ощущения от этих прикосновений. Он продолжал рассказывать о таинственной незнакомке, рисуя фантастический портрет, не жалея красивых сравнений и ярких красок. Якорь «номер четыре» ухнул в лазурную глубину, оставляя длинные змейки рвущихся вверх дрожащих пузырьков воздуха.

Пара вышла в отдел «Цветы» и остановилась у садовых качелей. Они были разные: маленькие пластиковые, огромные с чугунными спинками; с цветными навесами-зонтами и без, на цепях и на веревках. В ряду не было ни души – ни покупателей, ни продавцов. Мужчина и девушка встали перед качелями с похожим на диван сиденьем и уложенными на нем длинными полосатыми подушками. Он кивнул:

– Садись!

– А если увидят?

– А если увидят, то мы проверяем, будет ли нам удобно качаться. А как еще проверить? Садись.

Даша присела на краешек висящего в воздухе дивана. Тот качнулся, и ей пришлось сесть поглубже. Сложив руки на коленях, она чуть раскачивалась и смотрела на своего спутника. Зеркальные телохранители улыбались. Сергей уселся рядом с девушкой и оттолкнулся ногой от пола. Качели пришли в движение. Он склонил голову на бок, в сторону Даши, и смотрел, как мимо них проплывают и возвращаются обратно стволы искусственных пальм, стойки с резко пахнущими домашними цветами, гипсовые мальчики и пластиковые гномы. Даша повернулась к нему:

– А дальше?

– А дальше – самое важное. Когда я встречаю человека, я всегда смотрю ему в глаза. Помнишь, кто-то сказал что глаза – зеркало души. Так вот, я умею смотреть в это зеркало и понимать, кто стоит за ним, кто живет внутри. И должен тебе сказать, что с той стороны глаз у той девушки стоит напуганный, обманутый, уставший, но замечательный, чуткий, нежный и добрый человек. Очень нужный и желанный. И ты, если вдруг встретишь эту девушку, ты-то ее узнаешь. Если встретишь, передай ей... Скажи ей, что ее очень ждут. И любят... И что у нее необыкновенный нос...

Девушка внимательно посмотрела на него. Якорная цепь «номер пять» начала тяжело разматываться. Зеркальные телохранители медленно стали клониться к Сергею, придвигаясь вплотную, до тех пор пока от них не остались только зеркальные изумленные глаза. Даша мягко поцеловала Сергея в губы. Якорь номер пять взорвал дрожащее зеркало воды...

Они всегда рядом. Они считают себя хозяевами жизнью, судеб, душ. Кто они? Они - творцы или тени на грязной стене?

Творцы

– Коллега! Прошу вас! Разделите со мной радость творчества!

– Конечно, милый мой творец! Конечно! Мы же с Вами, дорогой друг, просто созданы, чтобы творить великие – воистину великие! – произведения, несущие счастье и радость нашим меньшим братьям... Как они без нас? Без наших цитат, запутанных сюжетных ходов и описаний природы? Как бедна и скучна их блеклая жизнь... Кто, как не мы, обязаны судьбой нести любовь и свет... Кто, как не мы?

Двое обменивались фразами, ликовали, сетовали, многозначительно улыбались и попивали крепкий кофе. Они сидели по разные стороны стола, заставленного чашками и пепельницами, хрустальными графинами с густо-медовым бренди, чернильницами с гусяными перьями, заваленного чистыми листами и грудями мятых черновиков. Там же стояли и лампы с зелеными абажурами, подсвечники, песочные часы и прочая запыленная мелочь.

Неожиданно в помещении погас свет, творцы замерли. Женщина средних лет, с большим родимым пятном на левом плече, в простом платье и с тяжелой сумкой в руке захлопнула книгу и поставила ее на полку в книжном магазине.

– Снова ни о чем... – грустно прошептала она и вышла на улицу.

Сказка о том, как ядовитая жабка спасала больного аиста или кто такой друг.

Сказка о белой жабке

Жила-была маленькая белая Жабка. Глазки у нее были красные, зубки острые, когти твердые, и была она очень-очень ядовитой. Кроме того, она была язвительная, всегда с плохим настроением, очень недовольная миром и собой. Хотя Жабка воспринимала себя совершенно нормально, она не понимала до какой степени она злобная и противная. А считала себя несчастным одиноким зверем (так и было), лишенным друзей и врагов (так и было), грустным существом (так и было). Друзей и врагов у нее не было по одной простой причине: Жабкин яд был настолько силен, что мгновенно убивал все живое, включая траву, по которой она ползала. Только деревья оставались живы – они-то вон какие большие!

Иногда Жабка любила мечтать. Проползая по мгновенно засыхающей траве к лужице за водой, она представляла себя очень нужной и полезной, похожей на птицу, реющую над лесом, помогающей даже сильным, не то что слабым. Но в жизни все было проще – все, к чему она прикасалась, тут же умирало. Быстро и неотвратно. Чик – и нет уже.

Жабке сильно надоело такое существование, она даже как-то собрала свой яд и объелась им. Ничего не случилось. Как у нас говорят, у нее был иммунитет к собственному яду. Утонуть она не могла, убивать ее никто не хотел. Так она и ползала по лесу, истекая смертельным ядом и отравляя всем настроение и жизнь.

Однажды утром на большой поляне Жабка увидела кучу белых перьев. Она подползла ближе и разглядела лежавшего там мертвого аиста. Она никогда не видала близко мертвых аистов, поэтому решила рассмотреть его. И в тот момент, когда

она рассматривала клюв, аист раскрыл глаз. Кроме боли этот самый глаз ничего не выражал.

– Что с тобой, Аист?

– Умираю, Жабка. Заболел, и теперь мне осталось жить самую малость.

– Точно умираешь? – оживилась Жабка.

– Точнее не бывает. Что за болячка, не знаю. Не учили нас лечить. Как змей и лягушек ловить – да, а вот про болячки ничего не знаю.

– Слушай, раз ты умираешь сам по себе, может, ты мне можешь?

– Чем? – удивился аист.

– Я очень ядовитая – такая ядовитая, что даже трава сохнет. За всю жизнь я не смогла сделать ничего хорошего – только убивала зверей и траву, портила все. Понимаешь, надоело мне. Очень плохо и одиноко. Устала. Понимаешь?

– Понимаю. А дальше?

– Вот я и подумала, может, ты меня, это... ну, съешь, например. Или клюнешь в сердце. И я – умру. И ты сам мучиться не будешь: раз – и помер. Тебе же болеть тоже надоело?

– Да, надоело. Даже очень надоело. Слушай, а хорошая идея. Я тебе помогу, а ты мне? Правда?

– Точно!

– Так тебя клюнуть или съесть?

– Наверное, лучше клюнуть. А то, может, не успеешь меня проглотить, и я застряну в горле еще живой. Надо же действовать наверняка. Так что клюй меня, я покажу, куда. Согласен?

– Да. А может тебе надо с кем попрощаться, там, или что-то сделать перед этим... перед... ну... как бы это так сказать...

– Перед тем как я сдохну? Нет... Никого нет и не было, кому я хотела бы что-то сказать. Только тебе буду благодарна. Так что? Делаем?

– Давай! – сказал аист и клюнул Жабку изо всех сил в место, которое она ему показала. Тут же и сам уронил голову на траву. Так они и лежали оба – Жабка с открытыми счастливыми глазами, и аист.

Настал вечер, затем ночь, а там и утро наступило. Аист открыл глаз и увидел мертвую белую Жабку. Он вспомнил вчерашний день. Потом удивился тому, что все еще жив. Потом удивился тому, что почти выздоровел. А еще позже он подумал:

– Раз я лежал тут и болел, значит, лежал я не один. Лежал я, и лежала болячка. Было нас двое. Так... И Жабкин яд убил не меня, а болячку. Вот здорово! Спасибо, Жабка! Ты была молодцом! Очень хорошо придумала, а результат получился еще лучше! Спасибо!

И аист улетел. Мертвая Жабка лежала в траве. Она не слышала, что ей сказал аист. Она и так знала, что в самый последний момент выручила товарища. Первого и последнего товарища в своей жизни. Можно даже сказать - друга.

Иногда, знакомства с людьми страшнее, чем знакомство с неодушевленными числами. Девочка познакомилась с цифрой шесть, и это знакомство изменило весь ее мир. Каков твой номер?

Числа

- Скотина, занимайся! Математикой, а не дрянью всякой!

- Мама, я уже иду...

- Ты медленно идешь! Бегом, со стола убрала и начала! Будешь сидеть пока, не сделаешь три страницы! Скотина! Я все проверю! Ошибешься хоть раз – голову оторву, зараза!

Девочка спешно прибирала тарелки с кухонного стола, торопилась, суежилась в попытке побыстрее убрать крошки, роняла чайные ложки на пол. Вечер был испорчен окончательно – конечно, девочка ошиблась. Мать лупила ее тапком и орала так, что собака забилась в свой бокс и не высовывалась до утра.

Девочка ночью не плакала и не спала. Смотрела в потолок, ловя случайные отблески от проезжавших по улице машин. Под утро она задремала и ей приснилась шестерка. Цифра сидела на пеньке посреди поляны и грустила.

Дни и вечера проходили как обычно – скандалы из-за учебы и просто спокойные моменты, когда можно было немного почитать или посмотреть мультфильм. Математика не давалась, числа мешались в голове, наползали друг на друга, мельтешили. Но, каждую ночь на пеньке посреди поляны сидела шестерка. Она была красива – черный блестящий лак, завершенность формы, плавность линий, грациозность осанки. И в конце марта шестерка поднялась с пенька, плавно подплыла к девочке и взяла ее за руку. Утром, проснувшись в хорошем настроении, не обращая особого внимания на очередные крики матери о том, что надо быстрее одеваться и заплетаться, девочка собралась и вышла на улицу. Первым уроком был урок математики. Она открыла учебник и увидела цифру шесть. Цифра привет-

ственно помахало ей маленькой ручкой, девочка улыбнулась. И вдруг шестерка начала увеличиваться, распухать, заполняя своей типографской чернотой все вокруг.

В конце апреля мама привезла ее домой из больницы. Девочка подошла к окну, отдернула формулу гардины, и стала смотреть сквозь нелинейное уравнение, преломляющее волновые функции, на фантастическую картину. Сияющую и блистательную. Вверху клубились могучие физические функции, преобразующие все типы материи в волновое излучение. Сложнейшие функции деревьев таили в себе нагромождение непередаваемой красоты дифференциальных уравнений, находящихся в постоянном движении изменений порядков и величин. Нелинейные матрицы еще более сложных уравнений высших порядков управляли сравнительно более простыми процессами внутри живых существ.

- Теперь все хорошо, ты уже дома, доча. Ты передохнешь и снова будем заниматься...

Волновой процесс в газе обернул девочку коконом из угасающих колебаний. Она не пошевелилась и не ответила. Смысла в ответах уже не было. Все вокруг заливал свет, служащий основой для развития уравнений. Девочка подняла руки и растворилась в этом свете.

Незначительное событие становится последним толчком к изменению всего мира...

Трясогузочка

Снег сошел неделю назад. Мужчина открыл заднюю дверь припаркованного автомобиля и подал руку девочке. Она крепко схватилась за руку мужчины, ловко соскочила на тротуар и вытащила объемистый школьный ранец розового цвета. Ее отец взял ранец, и они неторопливо пошли к школьному зданию через небольшой сквер. Земля влажно пружинила. На утренних лужицах кое-где сверкали тончайшие кружевные корочки льда.

- Папочка, а что это за птица?

Мужчина подслеповато щурясь несколько секунд смотрел на пичугу, перебегающую от одной лужицы к другой. Повернувшись к дочери он наклонился и как-то необыкновенно внимательно, в то же время, печально и отстраненно посмотрел девочке в глаза.

- Это трясогузка, милая. Когда она прилетает, сходит лед на реках. Видишь, как она бьет хвостиком по земле?

- Да, пап.

- Раньше говорили: прилетела трясогузка и хвостом лед расколола.

- Она же такая маленькая, как она может лед расколоть?

- Так говорили... Была примета такая.

Через три часа мужчина оставил машину на парковке в старом районе. Шагая вдоль пятиэтажного красного кирпичного здания он думал о трясогузке, которая расколола лед. И этот лед теперь мягко покачиваясь плывет по черной холодной воде. И скоро он станет такой же водой. Был белым – стал черным. Твердым – жидким. А потом он превратится в пар, в облако, и

выпадет снегом на сквер. А трясогузка будет бежать снова и снова, год за годом, ломая лед.

Он открыл пластиковую дверь районного ЗАГСа и спросил у сидевшей в приемной девушки:

- Подскажите пожалуйста, где найти форму заявления о разводе?

*Великое предназначение, которое обязывает ждать. Верить.
Быть.*

Ожидание

Они приходили несколько раз. Может быть – много раз. Затрудняюсь ответить. Они появлялись всегда с одними словами: «Уходи! Бог уже умер». Высказавшись, они тут же превращались в песок. И они, и черты их лиц, и форма тел, и блестящие глаза, и заломленные руки – все осыпалось мелким серым песком. Вокруг меня расстилалась бескрайняя пустыня серого, мелкого как пыль, песка. Они уже не приходят.

Мне очень сложно работать с такими терминами, как «много» или «мало». Слова «давно» и «недавно» потеряли свое значение еще до прихода первых вестников. Теперь, когда пустыня исчезла, когда почти не осталось воспоминаний не только о ней, но и о самом мире, в котором она была, слово «место» для меня тоже потеряло значение. Все, что я помню – как ты поручил мне самое важное. Ты поручил мне дожждаться тебя, ведь тебе было так одиноко. И я сделал, как ты просил. Я жду тебя, мой Бог.

Всегда есть шанс дотянуться. Если не рукой – сумей дотянуться сердцем. Не бойся.

С Новым Годом!

Мать спала перед работающим телевизором. На большом елочном шаре, висящем на сосновой ветке, отражалась Эдита Пьеха и какие-то декорации, обмотанные белой ватой. Бутылка водки и несколько недоеденных салатов, нарезанный хлеб и ситро дополняли пейзаж. Маринка стояла у окна и смотрела на пустую заснеженную улицу. Рамы отчаянно сифонили, на подоконнике лежал свернутый рулоном старый коврик – та еще защита от холодного воздуха, упрямо лезущего внутрь опустевшего сердца. Два уличных фонаря, один – красноватый, второй – сине-белый, разбрасывали двойные тени на крахмальный снег.

Маринка смотрела в черную даль города и повторяла про себя: «Папочка, милый, поздравляю тебя. Поздравляю. Прости меня, дуру, прости. Поздравляю, милый. Я все отдала бы, если бы не было того вечера. Поздравляю, папочка. С Новым Годом, милый. Все бы отдала. Умерла бы, если знала. Не побоялась бы, милый. Поздравляю тебя. Никогда не прошу ни себе, ни ей, скотине. Поздравляю, где бы ты ни был. Прости, папочка, прости меня».

Слезы катились из глаз, и было трудно смотреть вдаль, в темноту. Ее взгляд переключился на ледяные узоры на оконном стекле. В школе их как-то называли. Фракталы, что ли. Не помню. Бесконечно ветвящиеся симметричные рисунки. Какая разница? Никакой. Уже никакой нет разницы. Четыре года как нет этой разницы. Очередной скандал из-за тройки по математике, продолжение скандала, он собрал какие-то вещи, он ушел в такую же ночь. Он поскользнулся на тротуаре. Он упал. И умер. Ведь это именно она спрятала зимнюю шапку, чтобы

он не пошел на мороз, чтобы остался. Именно она несет это внутри. И будет нести всегда.

- Прости меня, папочка, прости милый. С Новым Годом, милый...

Ее мелко трясло, и она вцепилась пальцами в подоконник, прижала колени к радиатору отопления и упрямо повторяла свое поздравление. Потом она ощутила внутри некое подобие тепла, схватилась за него и потянула наружу. Тепло послушалось и начало растекаться по спине, сочась через плечи в пальцы. Маринка знала, что ему сейчас очень холодно. И она потянулась незримой ниткой тепла туда, где он сейчас. Она тянулась через улицу и перекресток, через два фонаря, через моргающий желтым светофор. Она вела незримую ниточку в обход трубы котельной, через забор больницы, выше вверх, дальше вперед. Струйка тепла вилась в морозном небе, Маринка вкладывала в нее всю себя, сама превращаясь в напряженное дрожащее марево, скользила в еще не выпавшем снеге внутри облака, скользила дальше в мертвенном свете луны и ледяном безмолвии. Силы и тепло покидали ее, вынуждая вернуться в каменный склеп с замерзшим окном.

Маринка прислонила лоб к ледяному стеклу. Не получилось дотянуться. Последняя попытка. Она представила солнце, яркое, теплое, с сеткой кленовых листьев, пропускающих лучи к ней, к Маринке. Схватила эти лучи, сплела со своей ниточкой тепла, и бросилась вперед, в небо. Она неслась в звенящей пустоте, туда, где слабо тлела искорка давно умершего прошлого. Пустота гудела, зло колола и царапала ее несуществующее тело, пыталась остановить полет. Вдруг что-то схватило ее шипящим льдом и властно приказало: «Стоять! Дальше запрещено! Назад!». Но Маринка извернулась и ринулась сквозь этот лед, проламывая какие-то стены, видя только тухнущую искорку в пыльной

дали. Ее снова схватили и сжали так, что она поняла – это последнее предупреждение, но, не смотря на это, Маринка дернулась вперед, не вся, только незримой змейкой тепла. И коснулась тлеющей искры.

Видение исчезло. Маринка стояла у окна, облепленная мокрой ночнушкой. На внешней стороне окна медленно протаивал отпечаток мужской ладони. У нее получилось.

Одним из первых А. Грин применил словосочетание «власть несбывшегося»⁴. Эта власть страшнее войны и тюрьмы. Ведь война закончится. А несбывшееся всегда с тобой – стоит у двери, царапает ее когтями...

Ключ

Огрызок черного бархата с разлохмаченными краями. Такая же лохматая бечёвка. И обычный английский ключ. Бархат нестерпимо жжет пальцы. Ключ тоже обжигает, но не теплом. Он ледяной, как арктический лед. От его прикосновения сводит живот от ужаса. Вот такой подарок появляется сам по себе в моей руке. Теперь любая дверь может привести меня в Комнату. Невозможно избавиться от этого жуткого подарка. Я пробовал. Он возвращается, причем достаточно неожиданно. После того, как его пять лет назад вырезали из моей печени – с бечёвкой вместе, я перестал его выбрасывать. Нет смысла. Единственное, что не может не радовать, – все произойдет быстро: я войду в дверь парадного или маршрутки и окажусь в Комнате. Пробуду там немного – может, пять минут, может, час. Выйдя в приоткрытую дверь, окажусь в том же моменте моего настоящего – входящим в маршрутку или в метро. Просто это нельзя контролировать, нельзя предугадать момент перехода.

Что самое страшное в ключе – неконтролируемость происходящего, а не то, что он у меня есть. А вот Комната... Я могу ее точно описать. Помещение как помещение. Окон и освещения нет, внутри достаточно мрачно, но не темно. Откуда попадает свет, не понимаю. Пахнет сыростью, плесенью, но не как в заброшенном старом доме, а как ноябрьской ночью в каком-нибудь овраге. Сыро, противно, но это запах природы, а не гниющих развалин. Пол слегка пружинит и по-

⁴ А. Грин, «Бегущая по волнам»

хож на хорошо утопанную землю на сельском футбольном поле у ворот, в штрафной площадке, хотя вряд ли он земляной. Стены шершавые, на ощупь похожи на бетонные. Так ли это на самом деле, не знаю. Из обстановки – только черная офисная тумбочка со сломанным ящиком и дверцей, висящей на одной петле. Когда я однажды зашел в Комнату, у меня в рюкзаке оказались инструменты – отвертка, еще что-то. Не помню уже. Перед уходом я починил дверцу тумбочки, но через год, в следующий визит, она была в исходном сломанном состоянии. При этом я абсолютно уверен, что в Комнате кроме меня никто не бывает. Причем – никогда. «Никогда» тут означает следующее: здесь нет и не было ни единого человека, кроме меня, никого и никогда, – вообще никогда. Ни в какой промежуток времени. Я полагаю, что и времени тут тоже нет. Это так, по ощущениям. В Комнате не холодно, нет никакой вентиляции или сквознячка. Размером она четырнадцать с половиной шагов по длине и ровно одиннадцать по ширине. Потолок не очень высок, хотя я не могу допрыгнуть, чтобы коснуться. Следует сказать, что и я не сильно высок – так, среднего роста. Кроме тумбочки, стоящей по центру, в помещении нет никакой мебели или крупных предметов. Но Комната не пуста. Она залита, заполнена, закачана, запрессована настроением. Я ощущаю это настроение всем телом, вижу его муть глазами, чувствую скользкие рыбы прикосновения щеками. Бездна животная боль и панический ужас неминуемой невероятной утраты, взятые займы у всего мира специально для меня, спрессованы в Комнате. И нет никаких сил бороться с этим кошмаром. В момент, когда я вхожу в дверь, это настроение выжидает мгновение, присматриваясь, а потом властно, жестко, открыв меня как бутылку, вливается в меня. Только когда откупориваешь, к примеру, бутылку шампанского, жидкость вырывается наружу. Тут – все наоборот. Стремительным потоком в одно мгновение эта

дикая смесь вливается в меня, заполняя, раздирая изнутри, снося все преграды и запруды. Невозможно описать толком. Нет аналогов. Это переполняет меня, и я лопаюсь, вопя от ужаса и разлетаясь безвольной пеной. А потом появляется Предмет. На расцарапанной, с белыми пятнами от мокрых чашек полировке тумбочки возникает нечто. Обычная вещь, моя вещь. Правда, к ней привязана история, ключевые моменты, цепочки поступков и событий, расплзающиеся ромбики условных алгоритмов, причинно-следственных связей. В момент появления Предмет как бы образует огромную разветвленную материальную тень, с шлепком падающую на Комнату. Представьте, что тень большого дерева обвели мелом на асфальте, потом из черной мягкой резины по этой фигуре крайне аккуратно вырезали такую же. И вот в момент появления Предмета эта фигура валится на тебя. Конечно, нет никакой резиновой тени. Просто тебе дают возможность увидеть все – всю мультिवариантность развития одного единственного события, каждый поворот, каждый событийный отросток, ветвление всех возможных вариантов. И глядя на Предмет, ты мгновенно и целостно видишь всю картину от начала и до конца, во всех деталях. Это и есть самое страшное в Комнате. Нет ничего страшнее в жизни, чем это знание. Нет даже физической боли, способной сравниться с этим черным ветвящимся знанием, на котором бледной полоской вьется уже пройденный мною путь среди триллионов возможных. Все это светопредставление длится лишь мгновенье, а ровно через один микроскопический миг Комната становится пустой. Совершенно пустой. Настроение и Предмет исчезают. А я продолжаю стоять, или ложусь на пол в уголке. Дверь чуть приоткрывается... даже не так – я просто знаю, что она уже стала кем-то открыта, и мне разрешено выйти. Никто не гонит меня из Комнаты, никто не просит остаться. Жаль, что там не получается курить. Я так и не понял, почему. Наверное,

просто нельзя, как нельзя лететь внутри скалы. Физическое свойство места...

Я всегда стараюсь немного передохнуть, не убегаю. Однажды подумал, что мне могут показать что-то еще, и пулей вылетел из Комнаты. Тут меня и сбила машина при повороте на Бассейную: я выпал из двери маршрутки. Хорошо, что я был тогда не в метро.

И вот снова мою ладонь обжигает ключ. Ну что поделать? Так или иначе, придется идти до конца. Я не хочу описывать то, что происходит со мною после посещения Комнаты. Ограничусь тем, что скажу - мне очень и долго плохо. И физически, и морально. Для себя придумал версию сказочки о фениксе, которого съедает злой волк. Просто феникс случайно во сне провалился в мир, где не оказалось огня. И феникса съедает волк. И вещая птица не может восстать из пепла, приходится ему восставать из волчьего дерьма. Эта сказочка меня немного забавляет. Смешно? Ну да ладно.

Я откидываюсь на спинку стула, сцепив пальцы на затылке. Гляжу в потолок. Надо будет помыть плафоны и снять веником паутину. А то не живу – бомжую. И скатерть новую на стол положить. Медленно допиваю чай, поглядывая в окно. Снег уже тает. И это здорово, просто замечательно. Вечером воздух немного пахнет новой весной. И на том спасибо. Встаю из-за стола, ставлю чашку в мойку и подхожу к двери. Сердце проваливается на три этажа ниже. Нет. Возвращаюсь. Медленно, с расстановкой, мою и протираю посуду. Во двор въезжает желтая машина «Киевэнерго». Меня всегда несказанно удивляло наличие в некоторых машинах на крыше будки трубы дымохода. Валящий оттуда зимой дымок имеет явный запах горящих дров. Неужели там, внутри будки, сидит кто-то и смотрит на горящие в буржуйке дрова? Вот бы поглядеть. На этой будке во дворе такая труба есть, и дымок вьется. Двое здоровенных работников в желтых жилетах какими-то крюками срывают чу-

гунную крышку колодца. Один возвращается в будку с печной трубой, а второй опускает стремянку в черноту. Первый несет что-то в руках к колодцу. Ага, зажегся свет фонаря. Вторым уже скрылся под землей, первый светит вниз, присев на корточки у края. Внутри что-то ярко вспыхнуло на секунду, и вторым одним прыжком вылетел на землю. В тот же момент у меня на кухне погас свет. И во всем доме тоже. Вот дела... Запускаю пальцы в пачку сигарет – пусто. Надо взять в коридоре на полке. Делаю шаг. Еще один. Где полка?

По спине ледяной волной скользнул чужой мимолетный тяжелый взгляд. Я оборачиваюсь и вижу черную тумбочку, стоящую в середине Комнаты. Ящик сломан, дверца висит на одной петле. Я не успеваю даже удивиться, а в меня врывается ураган боли, тайфун ужаса; они взрывают меня изнутри, я начинаю падать на пол и вижу, как в жарком мареве над крышкой тумбочки появляется, слегка покачиваясь, золотое кольцо. Я не сдвигаюсь ни на миллиметр в своем падении, но кольцо успевает выпустить липкие корни и ветви событийных вероятностей. Я вижу их все сразу, до мельчайших подробностей, до вдоха, до легкого сужения зрачка. Все шестьдесят три тысячи триста два варианта возможного будущего, тянущихся из кольца, стремящихся воплотиться. Я все так же ни на миллиметр не сдвинулся, а Предмет и Настроение уже исчезли. И я валюсь на пол сплошной судорогой несбывшихся восьми тысяч шестнадцати жизней, которые могли бы быть прожиты не зря.

Да. Я знаю это кольцо. Оно осталось не надетым на ее безымянный палец.

Чего ты хочешь? О том ли ты просишь? И главное, у того ли ты просишь, у кого надо? Придется ли платить? И можно ли пересечь черту, нарисованную на полу красной краской. За чертой стоит стол с зеленым сукном и чаем в подстаканнике, почему-то с надписью «РЖД». И сидит лысеющий мужчина в военном кителе без знаков различия. Перед ним лежит раскрытая амбарная книга. А остро заточенный карандаш в руке готов поставить «галочку» в конце строки. Твоей строки.

Линия Мойры

В дверь постучали. Я знал, кто пришел. И по какому вопросу, тоже знал. Я подвинул стакан с чаем в подстаканнике в центр стола, открыл толстенную амбарную книгу в переплете из свиной кожи, отыскал нужную страницу, и громко сказал:

– Проходите!

Дверь открылась, вошла женщина средних лет, в пуховике и меховой шапке, в ворсинках которой запутались снежинки. Лицо у нее покраснелось от мороза. На носках и пятках зимних ботинок тоже был снег. Белоснежно-чистый.

– Слушаю вас, Дарья Петровна.

Женщина ступала, начала разглядывать паркет на полу возле линии. Покраснела. И начала говорить:

– Мне обещали другое. Вернее, я просила другое. Вы мне сказали, что так все и будет. Но по факту все происходит совсем не так. Вы же сами сказали. Вы же сами пообещали...

– Дарья Петровна, прошу прощения, я сказал в прошлый раз следующее: вы услышаны, и просьба будет выполнена. Однако, как вы помните, я предупредил вас об ответственности за невыполнение процедуры. Той процедуры, которая была так тщательно разработана мною и, более того, начала выполняться. А вы нарушили договоренность. Теперь для минимизации ущерба вам надлежит исправить содеянное вами в период с 12 декабря по 18 февраля, т.е. по сегодняшнюю дату.

– И как Вы это себе представляете? Вы же обеща...

– Дарья Петровна, не следует вести беседу в таком ключе. В том числе и потому, что именно вы – проситель. И вам надлежит исправить то, что вы совершили в указанные даты, причем в кратчайший срок.

– Я не понимаю, что именно я должна исправить? Как? Я просила совсем о другом!

– Дарья Петровна, берете и исправляете.

– Я тебя ненавижу! – она сорвалась на крик. – Ненавижу, тварь! Сначала одно потом другое! Чтоб ты, тварь, сдох! или кто там ты, – сдохло! Я просила счастья, гнида ты кабинетная!

Женщина с малиновым лицом рванулась с занесенной рукой к моему столу. Снежинки стайкой соскользнули с шапки и воротника. Все бы ничего, но она умудрилась заступить за линию. И я встал в полный рост. Дарья Петровна метнулась к дверям с перекошенным от ужаса лицом. Она увидела меня – конечно, только часть меня, часть нас троих, но все же...

– Ты не смеешь переступить через линию! Печать! – велел я. И каждый звук отозвался волнами дрожи в стенах и потолке. На меловом лице женщины проступил светящийся узор Печати.

– Дарья Петровна, вы совершили необратимое. Несмотря на это, вы удостоены небольшого подарка. Прощайте.

Снежный вихрь подхватил ее и вынес в дверь. В тот же момент она, стоя на углу Уткина и Либкнехта в Иркутске, посмотрела налево и увидела отца. Тот ласково улыбнулся и погладил ее по щеке. Маршрутку занесло, и она припечатала Дарью Петровну к бетонному фонарному столбу. Сбежались люди.

Я допил чай. Поставил крестик в последней колонке одной из строк толстенной книги. Никому – никому и никогда не прощается пересечение линии. Моей линии. Красной Линии Мойры⁵, проведенной на полу.

В дверь постучали.

⁵ Мойры – три богини, дочери Зевса и Фемиды, отвечающие за судьбу человека. Изображения варьируются от прекрасных девушек до уродливых ведьм.

Путь героини краток. Да, она нашла цель всей своей жизни.

Цель

Глядя на окружающую ее пустыню людей, ощущая кожей душный смрад человеческого мира, видя скользкий обман в виде нормы, пустоту как правило, нищету внутреннюю и внешнюю как образец, она не читала сказки – ведь там нет правды. Читала липкие книги, прощающие грязью грязь, объясняющие кровью кровь и дарующие тяжесть. Внутри теплился огонек надежды на то, что все не так. Не совсем так. Хоть чуточку не так. Но, скользкая мокрота лжи, вздутое пузо праздности, пустые глаза, соскальзывающие мутной водой с жирной тарелки, убеждали в обратном. И тогда она поняла, что у нее есть цель. Ее цель. Эта цель хранилась за золотой дверкой в хрустальном ларце. И она двинулась в дорогу. Крайне тяжелый путь вел ее через затхлые трясины жизни. Она брела в сладком благоухании гниющего болота, сталкивалась с другими искателями цели. Очень редко, всего пару раз среди них попадались люди с сияющими глазами, подававшие ей руку, которую она непременно отбрасывала с негодованием и злостью. Однажды она встретила человека, который предложил вывести ее из болота. Она удивилась тогда. Из какого болота? Этот весь мир – болото.

В пути ей пришлось обманывать, быть обманутой и неоднократно преданной, пришлось предавать и убивать, как людей, так и чувства. Пришлось стать надменной, научить свой взгляд быть пустым и скользким, смотреть не на суть, а на маски, рассматривать потерявшие силу шаманские побрякушки, молиться им, растить больше чужих, а не своих детей, жить без страсти, стремления и любви – ведь ее ждет цель. Ее цель. За золотой дверью. Которая заменит все – что было и что будет. Она плавилась от жары, задыхаясь от влажности и сырости

воздуха. Учила наречья искателей целей. Мерзла и скиталась, не имея дома, переходя из одного чужого места в другое чужое место. Она забыла, откуда вышла искать свою цель, призрачный блеск которой застилал все вокруг. И вот, однажды, в мутных лучах безликого солнца, она увидела золотую дверь. Ликуя, она открыла ее. Внутри, в ярком, сияющем свете, на агатовой колонне стоял хрустальный ларец. Не без внутренней дрожи, открыла его и вынула маленькую полоску бумаги с тремя словами: «Ты нашла цель». Она снова заглянула в ларец, осмотрела листок со всех сторон, обошла комнату с колонной, заглянула под ларец.

И заплакала.

В.А. Сухомлинский утверждал, что методы, используемые в учебной деятельности, должны вызывать интерес у ребенка к познанию окружающего мира, а учебное заведение стать школой радости. Радости познания, радости творчества, радости общения. Это определяет главный смысл деятельности учителя: создать каждому ученику ситуацию успеха. Как создать ситуацию успеха длинной в жизнь? Как измерить этот труд? Только собственной жизнью...

Ситуация успеха

2007

- Папа, ты, честно говоря, перегружаешь... Зачем мне все это?

- Это – знания. Они, по определению, не могут быть лишними.

- Я это понимаю, но объясни мне, зачем мне знать про какие-то мерцающие движения каких-то ворсинок в легких? Зачем знать о каких-то писателях, которые умерли сто пятьдесят лет назад? Как мне кажется, это – лишнее. Если что надо – можно и погуглить, людей спросить и все такое. Не понимаю...

- Не мерцающие, а мерцательные. И не в легких, а в бронхах и трахее. Не путай. Это важно.

- Папа, почему это важно? Я не врач, нафиг это мне?

- Может сложиться...

- Ситуация, когда вся ответственность будет лежать на мне. Слышал, ты это говоришь всегда. Но, не было такого, не было. Ни разу.

- Будет. Всегда...

- Приходит время, когда нужно будет за все ответить! Тоже слышал. Сейчас ты мне еще расскажи про комплексность вос-

приятия, мультивариантность оценки и прочую, прочую, прочую околонаучную и антинаучную...

- Ярослав! Я прекрасно понимаю тебя! И не перебивай. Какого черта? Несмотря на свои 18 лет, мозгов у тебя – как у воробья. Почему? Нет знаний и опыта. А жизнь – штука разнообразная до крайности, и ты не в состоянии предвидеть, что произойдет с тобой и мной через три минуты, ни то что, на размахе в годы. Большинство людей ни то что на чужих, даже на своих ошибках не учатся! Почему? Да им плевать на все! Они живут, как надувной матрас – плывет себе по реке, ветер подул – вот он и побыстрее поплыл. Перестал – снова вместе с течением. А у тебя есть единственная возможность получить знания и опыт, из неплохого источника, между прочим, получить. Пользуйся! Гугл тебе в пустыне не поможет. И в горах! Руки не подаст. А узлы вязать можно только своими руками. Думаешь, что? Что я тут только поумничать вышел? Думаешь, у меня все получалось? Думаешь, да?! У меня полжизни через задницу прошло! Только по тому, что был самоуверен как бык! Типа, я – самый умный! Я, если что, вмиг все сделаю и придумаю! Черта с два! Нельзя научиться за один раз читать, или плыть брассом, или водить машину! Я понимаю, что стараюсь «подстелить соломку» практически везде...

- Мне не нужна эта самая соломка, папа! Я и сам могу...

- Ни черта ты не можешь! Дослушай! Я создаю тебе «ситуацию успеха», когда ты будешь готов к действию! К действию, а не к обдумыванию, гуглению и прочему барахлу! В нашем мире надо действовать!

- Вот и действуй! Мне это надоело! Я не хочу слушать эту фигню! Ты не думал, что я хочу, чего я сам – я, твой сын, хочу? Нет? А я скажу! Я точно знаю, чего я не хочу! Слушать этот бред!

- Стой, погоди!

- Привет, па. Давно не заходил, извини меня. Я быстренько тут... И расскажу немного... Хотя, что тут... Несколько дней назад рассказал Маринке, про твою мультивариантность. Она поняла. Ей понравилось. Еще рассказал ей о методе «квадратно-гнездовой расстилки соломы» и создании ситуации успеха. Она тоже поняла. Спрашивала только, насколько это оправдано. Я рассказал. И что оправдано, и что есть результат. И про то, что со мной было, и про то, как разделять между правильным и неправильным, про разницу между настоящим и фальшивым... Ну да ладно... Так что, я уже передаю... Показываю. Пример показываю... Как надо, как правильно. Что такое ответственность... Почему правильно – сначала тяжело, а потом – легко. Рассказываю, к чему приводит деланье и неделанье... Вот... Короче, я пойду. Пока, па. Принесу новый в следующий раз. А то этот веночек совсем выцвел... Пока.

Почему я счастлив? Почему у меня есть ответы? Могу ли я вылечить горе тех, кто ошибся? Постараюсь...

Контрадикторные корреляты

«Контрадикторные корреляты – такие противоположности, которые взаимно дополняют друг друга до целого, без переходных звеньев; они находятся в отношении привативной оппозиции.

Примеры: плохой – хороший, ложь – истина, живой – мёртвый.»

(Википедия)

К чему я это? К тому, что очень многие люди несчастны. Если обобщить - они живут в состоянии горя, грусти, несбывшейся придуманной жизни, пусть странных, но несбывшихся ожиданий, потерянной мечты, тлеющих чувств, растрченного попусту времени, не оправдавшихся надежд и утраченной любви. Как бы - все есть, а толком - не так уж много. Они продолжают хватать руками все вокруг, дрожа от нетерпения - вот, вот, вот наконец ОНО, то, что заполнит, то, чего я так жду. Это может быть что угодно - машины, деньги, секс с одной, нет - двумя, тремя, наркота, брюли, власть, позишен ... Но, снова и снова, все не то... Не то... И снова - поиск... Они пытаются *взять*... Потом, они пытаются дать... Боясь, что у них что-то отберут, они предлагают что-то ненужное, неважное, ошметки со своего богатого, но одинокого стола. Они считают, что все можно купить, всех можно напугать, заставить, прикормить. Они живут в ловушке своего горя. Это страшное горе - не знать кто ты, зачем ты, и почему ты.

Я же живу в странном домике из картона и фанеры, едва держащемся на гребне исполинской волны, несущейся в пенном вихре. Возможно, этот фанерный домик скоро рухнет в пучину, возможно - ветер поднимет его выше, возмож-

но все... И я совершенно, абсолютно, бесконечно, безгранично и бесстыдно счастлив. У меня есть ответы на многие вопросы. Я знаю кто, что, как, зачем и для кого... Не могу вылечить их горя. Но, могу поделиться. С тобой. Ответами. Счастьем. Любовью. Всем. Для меня это и есть главный ответ на вопрос «зачем?»...

Габриель Маркес умер. Но, он будет жить во мне, пока есть лес, река и собака.

Ко мне привязался тигр

Ко мне привязался тигр. Здоровенная такая дворняга песочного цвета с четкими вертикальными черными полосами по бокам. Назвать пса зеброй у меня язык не поворачивался, вот и стал Тигром. Мы вместе гуляем по осеннему лесу, где я с удовольствием нахожу грибы и засыпаю их листьями, а он ходит с важным видом кругами, убегает, потом, спохватившись, полосатым мячом вылетает из-за деревьев. Проверяет - не делся ли я куда-то. А то всякое бывает. С ним очень здорово - мы молчим. Он - не любит гавкать. Я - не тороплюсь выражать мысли вслух. Редко я рассказываю ему короткие истории или хвалю его за создание компании. Он внимательно слушает и снова уносится прочь. И возвращается. Дорога в заваленный преющими листьями лес проходит возле реки, через которую можно перейти по старому деревянному мостику всего по двум доскам. Опоры покосились, на дне в шоколадном мраке носятся быстрые тени рыбок и извиваются в танце длинные пряди водорослей. Весной на этом берегу, в лужах, оставшихся от разлива реки, было много ручейников. Есть такой великий и ужасный зверь. Маленький только... Червячок длиной миллиметров пять, которая очень страдает от отсутствия дома. Вот и начинает она собирать обрывки листьев, веточки, песчинки, и склеивает вокруг себя трубку из этой всей красоты. Красота тут упоминается не зря. Нет ни одного одинакового домика - все разные, очень красивые (как по мне) - тут песчинка цветная, а тут - кусочек рыжего лепестка, а здесь - что-то черное, лаковое... Весной рассматривал их часами. Сейчас их нет. Мотыльки уже уснули вечным сном в желудках трудолюбивых ласточек. Личинки появятся только весной, а до нее...

Сейчас поздняя осень, середина ноября. Я взял несколько дней «свободы от забот»⁶, купил в валютной «Нике» на проспекте Ленина две литровых бутылки текилы, правильный сыр, несколько палок сыровяленой колбасы, трубочного табака и сигар. Переругнувшись с водителем дорожного Мерседеса, я выезжаю в промозглость харьковской осени. Четверть часа - и я выскальзываю из города. Настроение улучшается, струйки дождя скользят горизонтально по салатным боковым стеклам, и огромный зеленый крокодил семерки БМВ несется к границе области. Забираю у брата ключи и через час уже на месте - в селе. Пустой дом, тишина, редкие, удивленные звуки. Наконец-то я один. И никто не будет мне мешать. Я буду пить. И буду читать. Почти всю офисную бумагу перевел на распечатку Маркеса. Очень надо прочесть «Сто лет одиночества». Теперь - смогу. Растапливаю печь, сижу, слежу за сполохами огня на деревянном некрашеном полу. Теперь можно по чуть-чуть. Режу лимон, запах которого оживляет тени на полу. Беру соль, текилу, режу колбасу. Открываю распечатку. *Cien anos de soledad*⁷. Не знаю почему мне так нравится это слово - соледад. Одиночество. Перекаत्याваю его внутри горла и проталкиваю в голову.

“Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндиа, стоя у стены в ожидании расстрела, вспомнит тот далекий вечер, когда⁸...”

Палящее солнце загоняет трусливую тень под каблуки, выгоревшие пятна на белом щербатом камне за спиной, маленький прозрачный паучок ищет место для новой сети... Пыльный запах полыни от земли, запах супа из гарнизонной столовой, запах оружейной смазки и тугих кожаных ремней... Я вижу каждую деталь изнутри и, одновременно, повиснув невиди-

⁶ Ссылка на Макса Фрая

⁷ Сто лет одиночества (исп.)

⁸ Г. Маркес, Сто лет одиночества

мым облаком под расплавленным солнцем, вижу все вокруг. В нашем мире номер ноль начинается дождь, он торопливо пробегает по крыше. Удостоверившись в том, что дом и сад никуда не скроются, он начинает методично поливать всех нас. Уже пора ложиться спать - и выпил достаточно, и почитал... Черт, забыл просушить одеяла, собирался же. Выкладываю одеяла на печь, продолжаю читать. Через несколько страниц переворачиваю одеяла. Теперь они практически сухие. Отлично. Вальюсь спать.

Солнце пинает и тербит меня в семь утра. Я гневно отворачиваюсь. В десять - да, уже можно. Немного еды и кофе на завтрак, и пора в лес. Там встречаю Тигра. Кормлю его самой дорогой колбасой в его и в моей жизни. И мы молча вместе идем дальше. Через несколько часов возвращаемся - мне пора читать, ему пора делать какие-то свои собачьи дела. На третий день Тигр, пытаюсь показать мне свою невероятную смелость, цапает еле живого здорового шмеля. Дикий вой и слезы... Держу морду одной рукой, второй ищу жало в десне. Нашел, вынул. Нос Тигра мгновенно отекает и напоминает желтый перезревший надутый огурец, ему плохо, даже скулить не может. Доползаем до дома, тяну его внутрь в тепло, пою водичкой, и он засыпает. На следующий день отек пропал, псина весела и жизнерадостна, но на все летающее и ползущее посматривает с большой опаской. Снова гуляем. Он рад быть рядом, и видит, что я доволен. Я рад влажному языку и запаху псины, просто потому, что зверь чертовски хорош.

Когда я уезжаю, Тигр еще долго весело скачет рядом с машиной. Потом резко останавливается, сообразив, что это не очередная игра. Смотрит вслед и один раз громко гавкает. Прощай.

Целая неделя один на один с собой. И с Маркесом. Голова слегка звенит от того, что в ней поселилось протертое осеннее небо с одинокой птицей.

В Кирилловской церкви около Бабьего Яра есть древняя фреска – Ангел, сворачивает небо перед Страшным Судом. Наверное, в какой-то персональный момент времени декорации окружающего мира развалятся на куски. И ты останешься стоять посреди... Что случится тогда? Может тогда Ангел свернет небо в рулон, а ты отправишься дальше, в новый путь.

Небо

Спотыкаясь и прилипая подошвами к раскаленному асфальту Ленка быстро шла вниз по улице Рыбалко к перекрестку с улицей Черновола. Палящее солнце успевало подсушивать слезы, льющиеся ручьем из глаз, и, тем не менее, большая часть этой проклятой соленой водички стекала по шее под белую блузку, образуя мутные грязные пятна из размытой туши для ресниц. Ленке было все по-барабану. Плевать. Совсем плевать. Пусть катится к этой стерве, пусть трижды сдохнет! Скотина! Как она купилась на слова? Сладкие, липкие, терпкие слова, которые, по факту, не значили ничего для этого грязного скота. А она... Все – это он. Мир – это он. Свет – это он. Цель – это он. Хреновая, черт бы его побрал, цель оказалась. А ведь... Нет! Про это лучше не думать. Заявление, платье, счастье. Запах счастья. Ощущение счастья. Своего! Настоящего! Когда его много! Столько, что можно резать кусками и дарить прохожим. Счастье ожидать нового, создавать новое, видеть новое! Для него! Чтоб он сдох! Двадцать раз! Тридцать раз! А туфли? Сорок раз!

Ленка подходила к светофору и пешеходному переходу. Слева через дорогу была видна автомойка с вечно открытыми дверями. У решетки стадиона на скамеечке рядом с бетонной вазой для цветов сидели три мойщика и с удивлением смотрели на девушку. Ленка, подпрыгивая, миновала военный девятиэтажный дом, возле которого стояла женщина лет пятидесяти

пяти с диатезной внучкой за руку. Женщина качнула головой, как бы стряхивая лишнее в попытке что-то вспомнить. Внучка тянулась тонкой веточкой к дохлому воробью на газоне и не обращала внимания на Ленку.

Водитель служебного «Мерседеса» ждал зеленого света на перекрестке с улицей Артема. Он спешил. Сейчас будет зеленый, сейчас... И он рванет вниз по улице Черновола прямо к Министерству транспорта. Он успеет. Черновола – широченная улица, ремонт дороги напротив нового квартала уже закончили, но ограждение не убрали. Но, если взять чуть правее к тротуару, то он не застрянет в среднем ряду. Зажегся желтый, и водитель придавил педаль газа.

Ленка быстрым шагом подошла к переходу. Мельком глянула влево – пустая дорога до самого подъема на холм, справа Черновола тоже была свободна до светофора у ОХМАДЕТа. Там, далеко внизу, на светофоре в ожидании зеленого стояло несколько машин. Лена рысью помчалась по переходу – зеленый растопыренный человечек уже начал мигать. Слева с верхней части улицы Черновола из-за красного ограждения ремонта дороги выскользнула хищная тень «Мерседеса». Водитель начал поднимать трубку телефона и его взгляд уперся в имя абонента. Ленка краем глаза заметила движение и начала поворачивать голову влево. Именно в этот момент громадная черная туша врезалась в левое Ленкино бедро. Титанический удар отбросил ее на два десятка метров, она врезалась в бетонный фонарный столб, сломав позвоночник и руки, тело отлетело на металлическую решетку институтского забора, где и произошла, как говорят медики, травматическая ампутация правой конечности. Перемазанный грязью и кровью труп лежал мешком на тротуаре. На изуродованном лице был виден один открытый и уцелевший глаз. Прохожие кричали, двое мойщиков бежали к телу, третий с позеленевшим лицом сидел на скамеечке.

Ленка поняла все в момент удара. И когда она летела, как мяч, ей не было больно. И сейчас она смотрела на пятку своей оторванной ноги, лежащей на асфальте в нескольких метрах от ее лица. Просто смотрела. И думала, что надо было одевать утром новые носки под кроссовки. Обувь слетела от удара и стала видна маленькая дырочка на пятке. Просто кошмар. Стыд духа какая...

Картинка мира расплывалась радужными пятнами, дрожала и шипела. Рядом с лицом появлялись какие-то ноги – в кроссовках, в черных туфлях, в босоножках. Джинсах. Юбках. Костюмных брюках. Ноги метались в разные стороны, исчезали и снова появлялись. Через какое-то время резко изменилась освещенность, как если бы вместо солнца начала светить ксеноновая фара. Ленка поняла, что ее нога пропала с асфальта. Снова появились чьи-то ноги. Они были обуты в крепкие ботинки черно-коричневого цвета и одеты в синие форменные брюки.

- Вставайте, девушка!

Ноги стояли прямо перед Ленкиным лицом. Уверенно так стояли. Носок ботинка немного пододвинулся к Ленкиному лицу.

- Девушка! А ну вставайте немедленно! Нам работать надо!

Ленка была очень спокойна, не дышала и не шевелилась. Ну как может шевелиться мертвый человек! Что за чушь!

- Я сейчас вас за шкуру отсюда отволоку! А ну вставай!

- Как вы можете кричать на мертвого человека! Совесть бы поимели! – Ленка проговорила это и обомлела – она может говорить!

- Да, можешь. Теперь вставай. И иди.

- Так я же умерла!

- Говорю тебе, вставай.

Девушка пошевелилась и легко встала на ноги. На две. Она

была цела. Даже не так – она была полностью цела и легка как ветер, как новая девушка, только собранная из новых запчастей. Перед нею был коротко, почти под ноль, стриженный седой мужчина в синем комбинезоне с логотипом в виде двух перекрещенных дверных ключей. Серые глаза светились необыкновенной силой.

- Ой, спасибо вам! Я же снова жива! Как здорово! Что вы сделали? Как? Так я домой пойду? – затараторила Ленка. Мужчина посмотрел ей в глаза и девушка согнулась, чуть ни упав, от невероятно тяжелого взгляда.

- Встала? Молодец. Теперь иди. Нам работать надо, – сказал он, отвернулся и пошел в сторону домов через дорогу. Ленка обратила внимание на то, что на улице нет машин и людей. Посреди дороги стоял большой желтый фургон с такими же перекрещенными ключами на борту. Рядом беседовали несколько мужчин в синем. Седой подошел к этим «рабочим», как окрестила их Ленка, и что-то сказал. Тут же рабочие начали расходиться в разные стороны, и Лена заметила несуразность – рабочий шел к дому, стоящему в метрах пятидесяти от нее, но он прошел это расстояние всего за пару шагов, при этом он не уменьшился ростом, а стал как бы выше – ростом до пятого этажа. Рабочий засунул руку прямо в дом и что-то там повернул. После этого он легко поднял дом и сложил его как газету – вдвое, вчетверо... Лена стояла с открытым ртом. Рабочий сложил дом в последний раз и засунул маленькую картонку в карман. Девушка обернулась – окружающий мир таял на глазах – рабочие складывали дома, деревья. Один из них начал скатывать улицу в рулон. На месте убранных декораций зияла чернота. Седой «прораб» снова подошел к девушке.

- Уходи. Ты не можешь тут быть после того, как я сверну небо.

- Что свернете?

- Небо. Ты глухая? Понимаю, что это все кажется странным. Ничего, привыкнешь.

- К чему? Как это – сворачивать небо?

- Молча. Работа такая. А тебе пора.

- Куда пора? Что пора?

- Домой пора. Дверь видишь?

Ленка увидела деревянную дверь с медной ручкой, стоявшую просто поверх живой колышущейся черноты.

- Да, вижу...

- Так давай, шевелись! Уже наигралась!

Седой прораб протянул руку вверх и ухватился за небо. Ленка бросилась к двери.

«Киевский торт» - символ города и страны. Для героини он – был частью понятия «дом». И вдруг все развалилось, рассыпалось, испортилось.... Дочь говорит с матерью по-английски, а на полу лежит растоптанный торт.

Киевский торт

Она вошла в самолет последней. Провожающий ее мужчина произнес шепотом короткую фразу и передал женщине большой киевский торт. Заулыбавшаяся стюардесса тут же подхватила ценный груз и проводила важную гостью к ее месту в салоне бизнес-класса.

Женщина смотрела в иллюминатор на бетон взлетной полосы с небольшими яркими лужицами, отражавшими голубое небо. Она всегда немного нервничала перед вылетом. А этот полет с самого начала не ладился. Она забыла дома паспорт, но вовремя вспомнила. Тем не менее, возвращение за паспортом стоило получаса времени, а она рассчитывала его провести не сидя в джипе с охраной, а в дьюти-фри. Но... Еще она очень переживала из-за того, что летит одна. Они должны были лететь вместе с мужем, но его вызвали на очередное совещание. А в их «фирме» нельзя не пойти. А совещаний будет несколько – еще и в среду. Так что, он прилетит только в пятницу. А ведь были планы, оплачены билеты, дочь ждет этой поездки уже давно. И главное – они ведь знали, что будет это совещание с министром! Они знали! Можно было же как-то по-человечески? Сказать заранее, предупредить. Вполне возможно, что и муж знал. Или предполагал, и по какой-то причине ей не сказал. Так тоже может быть. Их отношения сейчас не блещут красотой и чистотой чувств. Их-то никогда особенно не было. Была только необходимость в решении оперативных задач, тактика и стратегия. Своеобразный стратегический обмен: ей нужно на океан – они летят, ему нужно подстраховаться – она страхует.

Конечно, немного страшновато, но так же будет не все время. А сейчас – снова одна в самолете и еще восемь часов до приземления в аэропорту имени Рейгана в Вашингтоне. Но, слава Богу, там рукой подать. Совсем рядом. Когда самолет заходит на посадку, можно всегда увидеть свой дом. Видишь реку, а потом, в кварталах красно-белых викторианских домиков, рядом с небольшим парком, стоит их дом.

Самолет пробил слой облачности и вырвался в огромное яркое небо. Громады сияющих белых облаков тянулись до горизонта, по этому снежному полю скользила тень самолета, окруженная несколькими радужными концентрическими кольцами. Оптический обман. Обман. Она устала. Учтивая стюардесса принесла бокал хорошего шампанского и поинтересовалась, что бы хотела уважаемая гостья на ланч. Гостья попросила плед, и, выпив предложенный бокал, свернулась на синей коже кресла, укрылась пледом и задремала. Во сне она шла через парк по берегу реки к своему дому. Осенний ветер рвал куртку и бросал листья в лицо. Дорога петляла через неимоверно разросшийся парк, огибала какие-то скалы. Она чувствовала шаги за спиной – кто-то шагал за ней, шурша листьями. Обернуться она не могла, а только прибавляла шаг. И когда она перешла на легкий бег, сзади послышались глухие удары, сотрясавшие землю. Она побежала быстрее, удары стали чаще и сильнее, и вот, обгоняя ее, слева и справа от дорожки, зазмеились по земле черные провалы. Земля с грохотом падала в бездну, но, как ни странно, дорожка оставалась цела. Женщина бежала и не чувствовала страха. Все происходящее ее не удивляло, было как бы привычным – и провалы в земле, и бег через парк, и ураганный ветер. Ее цель была рядом – она видела дом и белый низкий заборчик. Через мгновенье, без каких-либо переходов, она оказалась перед парадной дверью дома. Дверь заросла травой и ветками. Их пришлось вырывать и сбрасывать в пропасть с крыльца. А когда она открыла дверь и шагнула в огромную пу-

стю прихожую, ее встретила собака. Виляя хвостом и гавкая, собака выбежала на середину комнаты, поднялась на задние лапы, выудила из-за уха сигарету без фильтра и сказала: «Тебе стоило бы быть повнимательнее, хозяйка».

Она вынырнула из бредового сна. Маленький самолетик на экране монитора уверенно приближался к середине Атлантики. Было холодно и противно. Отвратительный сон. Но видеть во сне собаку – это к встрече с другом. Обед был подан, к нему предложили вино. Но она попросила виски. Хороший, односолодовый. Конечно, его принесли. Странно, но не было никакой почты от мужа. Хотя, он должен был написать о планах. Но, не написал. Мало ли? Может быть еще не закончилось совещание. Они там как засядут... И по четыре, и по пять часов бывало. Она выпила успокоительное, рецептурное средство, которое даже там, в Америке, сложно выписать у врача. Это не какой-нибудь «Прозак»! Это – серьезный препарат. Сейчас станет спокойнее. Она сделала гимнастику для стоп, прошлась по салону, присела раз десять, сделала наклоны. Тяжело сидеть долго. И все-таки она была вымотана, хотелось снова лечь, спать и проснуться уже дома. Темнеющее небо за тонким стеклом иллюминатора не радовало. Радовало только то, что уже прошло шесть часов. Еще немного – и дома.

Открыв дверцу багажного отделения, она посмотрела на торт, поправила его, чуть погладила атласную ленточку. Торт был для нее символом. Именно «Киевский торт», производства бывшей фабрики имени Карла Маркса. Эта кондитерская фабрика была через дорогу от дома, в котором она выросла. Торт был символом той жизни, когда она могла никуда не спешить, когда она пила чай с лимоном, варила кофе друзьям и знакомым в медной джезве с фараоном на боку. Тогда, совсем в другой жизни, она каталась на качелях, ела жаренные пирожки с сосисками рядом с ЦУМом, выбегала из тренажерного зала мокрая

от пота, держала его руку, целовалась в темном подъезде. Торт был всеобъемлющим. Она везла его домой. В другой дом. В тот, который предъявлял на нее все права. В тот, который включил ее в список своего инвентаря. В тот, который стоит рядом с парком и ждет, распахнув зев парадной двери. Женщина снова свернулась в кресле и укрылась пледом. Во сне она увидела уходящую собаку. Пес шел, ссутулившись, с каким-то объемистым узлом за спиной. Вскоре он потерялся из виду среди кустов и деревьев. Листья на ветвях превратились в стаю птиц и взмыли в небо. Маленькое бледное солнце начало мигать. «Мы заходим на посадку, пристегнитесь, пожалуйста», - проговорило солнце голосом стюардессы. И женщина проснулась. Ее никто не встречал у выхода из терминала. Она взяла такси и доехала за полчаса до дома. Легкая сумка в руке и торт. Больше у нее вещей не было. Да и не нужны они. Вещи. Все эти вещи. Мир вещей, который она обслуживает. Ноги и голова болели. Войдя в дом, она прошла в столовую и поставила торт на стол. Дочь выглянула с веранды, помахала рукой:

- Yo, Mom! How was the trip?⁹

- Все хорошо, доча... Голова болит только.

- Have a pill! Where is Dad?¹⁰

- Он пока в Киеве. Прилетит сам. Может послезавтра.

По лестнице со второго этажа подвывая от радости слетела собака и бросилась облизывать хозяйку. Женщина пошатнулась от этого страстного напора и схватилась рукой за стол, но зацепила коробку с тортом. Коробка перевернулась в воздухе и упала на пол, тут же на нее вскочила радостно скулящая собака. Торт вывалился на ковер, и по его белково-ореховым коржам уже скакали лохматые лапы любимой псины. Женщина в ужасе смотрела на то, как торт превращается в месиво, как нежные кремовые цветы размазываются когтями по полу.

⁹ Привет, мам. Как поездка?

¹⁰ Выпей таблетку. А где отец?

Раздался звонок в дверь, и, не дожидаясь ответа, в прихожую вошел мужчина.

- С приездом вас. Хорошо ли долетели?

- Сережа, ты видишь... Торт. Я везла. Торт...

Женщина всхлипнула.

- Не переживай из-за торта. Я по другому делу. Ты присядь.

- Говори, мне убирать надо. И я устала, надо отдохнуть, так что...

- Ты присядь, присядь.

Мужчина казался напряженным, прятал ладони, осматривал помещение внимательным быстрым взглядом. Собака отвлеклась от хозяйки и жадно хватала куски торта с ковра.

- Что случилось?

- Дай мне свой телефон. Давай!

- Зачем? У тебя есть номер.

- Нет, сам аппарат. Давай.

Мужчина вложил телефон в карман. Внимательно посмотрел на женщину.

- Мы сейчас же летим обратно. У тебя на сборы час времени. Ты берешь только документы и деньги. Начинай.

- Я устала, я только вошла...

- Это приказ. К компьютеру не подходить, телефон дочери – неси. Сдать мне.

- Да ты что? Что происходит? Какого черта ты тут распоряжаешься? Что ты возомнил?!

- Делай. Прямо сейчас. Ключи от дома – сюда. Я сказал, к компьютеру не подходи!

- Что случилось?!

- Тебе об этом расскажут на месте. Ты поняла?

- Ты с ума сошел?

- Собирай вещи немедленно.

- Мамочки, что происходит.... Что....

- Ты в курсе. Или будешь в курсе. Он уже дает показания. Быстро собирайся. И дочь пакуй.

Женщина рухнула в кресло. Слезы покатились из глаз.

- Сережа, я везла торт... Специально везла. Ты представь, именно его. И – вот. Сам видишь... Я так хотела его привезти и тут... С чаем... Сереженька, что делать? Торт...

- Mom, what the hell is this?¹¹

- Это был мой любимый торт...

- Greasy food, Mom. You should not eat it anymore.¹²

¹¹ Мам, что это за чертовщина?

¹² Жирная еда. Тебе не следует такое есть.

Глупая затея - метать бисер перед свиньями. А если свинью зовут «Чудо»?

Бисер

Марина уезжала от бабушки. Вещи сложены в родительскую машину, картошка, огурцы и прочая консервация уже в багажнике. Бабушка ушла сказать соседке о том, что внучка-то уже едет домой, и пора ей сказать «до свиданья» и всякое такое. Марина же решила пройтись по саду-огороду, еще раз перед возвращением в город, засыпанный душной серой цементной пылью, посмотреть на сочную зелень и вдохнуть волшебный запах села.

Она думала о том, что буквально через несколько дней ее закружит работа, и доехать до бабушки она сможет не ранее, чем через полгода. Мало ли что может произойти за это время. Хотелось бы остаться, но... Марина остановилась у загородки свинарника и, сложив руки на заборчике, стала наблюдать. Двое поросят, задрав тонкие копытца, валялись и ерзали спинами по унавоженному сену. Крупная лопухая свинья лежала на животе, смотрела перед собой своими маленькими, близко посаженными глазами-буравчиками. Девушка вспомнила, какой горячей и приятной была свинья на ощупь. Белесые редкие щетинки совсем не мешали гладить это гигантское розовое чудо, вздрагивавшее всем телом при прикосновении ее руки.

- Внучка! Беги сюда, тут баба Нина пришла! – послышался голос бабушки. Марина повернулась и почувствовала легкий рывок на запястье. Глянула и расстроилась – красивая фенечка, которую ей подарили ребята на йоговсоком семинаре, лежала разорванная с внутренней стороны загородки. Яркие бисеринки еще катились по утоптанной земле. Марина на мгновение задумалась, потом махнула рукой: «Это вам подарок!», - сказала она свинкам и пошла в дом.

Через несколько минут машина выехала на сельскую улочку, бабушка пошла в дом пить чай с соседкой, а лопухая свинья по кличке «Чудо» поднялась на ноги. Чудо прошлась по загородке, тряхнула головой, и остановилась у разорванной фенечки. Предзакатные лучи солнца ярко подсвечивали цветные шарики, лежавшие в грязи. Чудо присмотрелась к бисеринкам, подошла поближе, склонив голову, снова присмотрелась. Очень легонько ткнула фенечку рылом и отошла на шаг назад. После этого Чудо развернулась и снова легла на своем привычном месте. Только вот голова ее была повернута в сторону разорванного браслета. А в мелких, узко посаженных глазах-буравчиках поселилась тоска. Правда – не надолго.

Мы не можем не возвращаться домой. И редко думаем о том, что дом может измениться. Совсем...

Домой!

Тяжелые пакеты резали ладони, под ногами чавкала грязная снежная каша, но я упрямо шла через двор к парадному. Придерживая один пакет рукой, второй оперла на приподнятый носок сапога, я искала в кармане ключ с синеньким кругляшом электронного замка. Нашла, замок пискнул и пропустил меня в полумрак парадного, где у почтовых ящичков на полу шуршали кучи цветной рекламы новых окон и утепления фасадов. Лифт протарахтел несколько этажей и распахнул двери. Пакеты все так же рвали руки, оставляя красно-белые полосы на ладонях. На восьмом этаже я вышла, оставила пакеты на площадке, и нажала на кнопку курлыкающего звонка.

Через пару минут я начала искать ключи на связке, которые как всегда провалились куда-то – может за подкладку, может на дно сумки. За соседской дверью послышалось шарканье и кряхтенье, она приоткрылась, и на меня испуганно выглянула старушка тетя Зина. Посмотрела – и захлопнула дверь. Ключи нашлись, и я, открыв дверь, втянула пакеты в коридор.

- Мам, я пришла! Ты не слышала звонка?

Я прошла на кухню сполоснуть руки и стала как вкопанная. Ледяная волна плеснула по спине. Квартира была пуста. В ней не было даже запаха жилья. Затхлый воздух подворотни, невымытые окна, ржавая вода тонкой струйкой текла из перекошенного крана. Я услышала шарканье тапок, и, обойдя меня, появилась тетя Зина.

- Маринушка, что же ты так? Ведь уже шесть лет тут никого нет, а ты все ходишь...

Чем ты готов заплатить за ошибку?

Алхимик

- Что-то ты неважно выглядишь, Алхимик! Бледноват ты, однако... И, по правде, выглядишь не лучше своего сушеного крокодила! – Колдун откинулся на дубовом гостевом кресле и начал излишне придирчиво рассматривать бокал с рубиновым вином.

- Слушай, да что с тобой? Я, честно говоря, пытался через зеркало заглянуть на тебя и полный расклад отслеживал. И вызывал там моих зверушек... Ничего не видно. Только стену каменную вижу и все... С тобой определенно что-то происходит, причем – что-то опасное. Ты это, бросай заниматься чем ты там занимаешься... Обидно будет, если я лишусь единственного соседа. Бросай, а?

Я молчал и тоже рассматривал свой бокал. Хрусталь себе как хрусталь. Грязноватый. Донышко не мытое - все в засохшем вине. Черно-красное такое донышко.

- Колдун, ничего я такого не делаю. Новые формулы ищу, вот с месяц назад животинку новую сочинил для мытья посуды. Дерьмово только моет... Ну хоть что-то...

Колдун посмотрел на меня из-под прищуренных глаз. Ох и нехорошо посмотрел, пытался заглянуть внутрь... Да куда ему – у меня защита стоит. Древнее и сильнее не бывает. Если бы он узнал – не только локти, но и ноги бы себе отгрыз от зависти. Хмыкнул только. Поставил бокал на стол, поднялся, отряхнулся...

- Ну, как скажешь... Пойду я тогда. И не смотри так. Защиту твою я заценил. И зверушку заберу свою.

Он коснулся пальцем вилки, лежащей на столе. Она шевельнулась, склеила зубцы и быстро шмыгнула ему на запястье. Покачал головой.

- Как скажешь, Алхимик. Если что – зови. Я приду.

Я проводил его до двери, потом аккуратно закрыл все засовы, повесил замок, провел рукой вдоль косяка, после чего камни стены начали расти и, через несколько мгновений, закрыли весь дверной проем. Придерживаясь за стену, я вошел в зал, потушил свечи и пошел к себе. Не доходя до спальни, я сделал несколько специальных знаков пальцами, уколол мизинец медной иглой. Капля крови упала на древний, покоробленный от сырости паркет. После этого часть стены передо мною задрожала, огромные камни кладки, казалось, лежали на дне мелкой реки. Я шагнул в эту воду и оказался в темном тайном зале. Спина отчаянно болела. Масляный фитилек едва освещал стол с медицинскими инструментами. В дальнем конце зала я заметил движение.

- Приходи ко мне, золотко! – попросил я, – плохой дядька ушел, выходи. Я тебе покушать принес.

Черная тень медленно начала надвигаться на меня. Конечно, она уже не полетит и не помчится... Хоть и почти ребенок... Черт бы меня побрал, сам же виноват, недоглядел, случайно же... Самое неприятное, что еды толком для нее в этом мире нет, для деточки единственной... Вот и приходится... Со стоном я сдернул рубаху со спины и лег на стол. Взял шприц. Самому себе делать пункцию спинного мозга, даже чтобы накормить ее, - это очень больно. Безумно больно. Игла вошла в позвоночник, и мир вспыхнул адским пламенем.

Она поменяла на медяки все золото, получив взамен море, дракона и платье. Куда не пустят меня и тебя, когда мы все разменяем?

Размен

Записка 1

Наконец-то! Наконец мне 16 лет! Ура!

Записка 2

Я это записываю, чтобы потом вспомнить волнующие моменты. Ведь их будет так много! Сегодня в магистратуре мне выдали мой слиток золота, тот, который принадлежит мне по праву рождения. И я могу теперь платить за все!

Записка 3

Сделала первую покупку. Зашла в дорожную лавку и купила себе платье. Первый раз платила сама! Раньше только родители платили, а тут... Протягиваю служителю сияющий слиток, он касается его жезлом продавца и... Только звук – звяк! Мой слиток не изменился, только на прилавке остается четыре медных монеты – сдача. Красота! И платье – мое! Ура!

Записка 4

Теперь у меня есть мой дом, лошади и заморский дракончик!

Записка 5

Я только начинаю жить! И Ирвис с соседней улицы мне тоже не нужен. Не буду замуж выходить.

Записка 6

Они смешные, так экономят! А я поехала в Южные горы. Красиво как!

Записка 7

Встретила Ирвиса с Маликой. У Малики живот торчком... Все равно он мне не понравился! А теперь у меня работает садовник!

Записка 8

А чего меня пугают, что без слитка нельзя пройти в городские ворота? Бред это все!

Записка 9

Была на Восточном море. Очень красиво, тепло и здорово!

Записка 10

Надо подумать о том, к кому пойти на работу. Слиток совсем легкий стал. Медяков только мешок тяжеленный дома стоит.

Записка 11

У Ирвиса 2 детей в школу ходят. Уволила садовника.

Записка 12

Продала дом.

Записка 13

Как же здорово на море!

Записка 14

Какого черта меня не пускают в лавки?!

Унылый стражник скомкал записки и бросил в огонь очага. Вошедший офицер посмотрел вопросительно на стражника. Тот пожал плечами: «Все как обычно, Господин офицер... Она все растратила. Пошла в деревню на рынок за продуктами, ну там, где за медь торгуют. А ворота ее и не пропустили вечером. Звери задрали... Жалко. Молоденькая такая была. Веселая...». Офицер кивнул и вышел за дверь.

У тебя есть любимый человек, которого ты вынужден провести через серьезное, крайне опасное испытание. Нет никаких гарантий, есть только ты.

Шьют

- Сергей Петрович, а как быть с Наташей? Что делать?

- Олег, а отеки сходят к утру?

- Нет, только хуже.

- А ступни изменили цвет?

Дальше пошло описание всяких разных разностей. И как итог:

- Сейчас я еще могу взять ее на стол. Через год она не... Сердце. Будет сердечная недостаточность. Я не возьму. Думайте.

Все было обставлено, как операция на желчном пузыре. Для родителей. Они не знали ничего. Маленькие дочки с радостью зависли у бабушек – им там всегда нравится. И мы поехали. Поехали в никуда. Я смеялся и говорил:

- Чепуха, золотко, хочешь – рядом на стол лягу! А потом друг другу будем утки передавать!

Она злилась не на шутку, орала: «Идиот! Думай что говоришь!»

- Да первым классом, все сделаю, не переживай! Что там резать – раз, два и все! Неделю в больнице и домой!

Мы ели шашлыки и мексиканскую еду на Подоле, а меня разбирал дикий животный ужас. Мне почти никогда не было так страшно. Ведь я толкаю человека, родного, больного, любимого, перед которым я преклоняюсь, спасшего меня. Толкаю. На смерть. Вероятность пятьдесят на пятьдесят. И из положительных пятидесяти – не известен конечный результат. Так Наташе остается жить два-три года. После этого – легочная тромбоэмболия. Быстрая и страшная смерть с орущими в ужасе детьми, без меня ря-

дом (меня всегда нет на месте, если что-то происходит). Задыхаешься, сердце молотит, ты еще можешь говорить – но, уже умер. В последний момент приходит эйфория. Но разве это имеет значение? С операцией обещают долгую новую жизнь. Совсем новую. Я верю С.П. Он – царь. Но, цари тоже ошибаются. И далеко не все, попавшие под его нож, вышли своими ногами из больницы.

Иногда вспоминаю, как будучи санитаром носил трупы в больнице. Один раз труп раковой женщины, посиневший и остро пахнувший ацетоном, съехал на носилках и уперся ступнями мне в спину. Мы спускали носилки по лестнице, и я, идя первым, чувствовал ледяные ноги на своей спине и ее мочу, стекающую по подолу халата и моим ногам.

Жена мне доверяет. Она не боится, что я останусь один с девочками. Мы обсудили – я должен сразу жениться, если она умрет. В доме должна быть женщина. Я подакал, покивал, решил, кто идет на скамейку запасных. И ледяной ужас начал разъедать меня изнутри. Я точно знал – я справлюсь в любой ситуации, буду идти до конца, выкладываться полностью. Но, как с этим жить?

Рано утром добились анализы, прибрали в палате. Снова переговорил со всеми – реанимацией, хирургами. Купил все, что надо. Снова кофе и сигареты. Руки трясутся – полбутылки «Новопассита¹³» из ствола.

Почему жизнь окружающих меня людей так бедна и скучна? А может, это именно они живут так, как надо? И только у меня есть все и ненормальной высшей степени – дикий страх, бесконечное море работы, безумная любовь, рвущееся сердце, психи и безумие... Наверно – у всех есть. Но, одно дело - замарать от страха у дверей начальника. Другое – караулить смерть у дверей операционной.

Но я умею. Я справлюсь.

¹³ Успокоительное средство

Бегом взлетаю по лестнице в оперблок. Наташу уже везут на кресле. Ногами нельзя. Почему? А, уже сделали премедиацию¹⁴. Стою. Жду. С грохотом открывается дверь грузового лифта, медсестра выкатывает ее. Она весело смеется, машет мне рукой, и когда я бросаюсь к ней – отмахивается от меня. Я вижу только спину медсестры и колеса кресла.

Назад пути нет.

Шесть часов ужаса, отписывания смс-ок. Всем отвечаю – все по плану, спасибо. Все нормально. Параллельно делаю какие-то дела по работе, кому-то помогаю найти кабинет или вызвать врача... Шесть часов. И вот выходит заведующий реанимацией – бородатый мужик чуть старше меня. Шагов с десяти кивает мне, говорит: «Шьют, жива».

Во мне все взрывается.

¹⁴ Подготовительный курс анестезии перед операцией

Мразь бывает разной – талантливой, очаровательной и гениальной. Но, это не повод для подчинения.

Концерт для флейты

Аккорды сонаты номер семнадцать бились огромными белыми птицами в раскаленном воздухе главной концертной аудитории консерватории. Замдекана играл фантастически. Он играл потрясающе. Студенты растворились в фонтанах искрящегося звука. Казалось, этот мощный и сильный звук исходил не от инструмента, а рождался сам по себе, и, расталкивая стены, размахивая шторами открытых окон, нагло схватив тебя за горло, проникал сквозь кожу, ледяной иглой впивался в сердце. Звук цеплялся изнутри за затылок, вынуждая каждого в аудитории цепенеть от практически священного ужаса. А ледяная игла в сердце создавала жар, прокатывавшийся волнами по телу в такт размахам крыльев «Бури¹⁵».

Эхо последнего аккорда оседало невидимым пеплом, плавно спускаясь с далекого потолка. Ошеломленное молчание затопило амфитеатр, оно захлестывало ряды, поднималось все выше и выше, опасно приближаясь к острым бронзовым крючьям люстр с матовыми цветами светильников. И коснувшись их, молчание разорвалось ударами крышек столов и криками «Браво!». Студенты стоя аплодировали своему мастеру, новому богу, который покажет им путь, поведет по нему к вершинам мастерства и совершенства.

Мужчина повернулся в пол оборота от инструмента, поправил рукава пиджака и улыбнулся. Встал и одним незначительным жестом смял аплодисменты в кулак.

¹⁵ Соната для фортепиано №17, Л. Бетховен. Неофициальное название – «Буря». 1802 г. Написана соната после того, как Бетховен практически полностью оглох.

- Благодарю Вас, мои дорогие друзья. Теперь, я уверен, вы понимаете смысл выражения «играть вдохновенно». Термин «с душой» нам не подходит. Вы обязаны стать музыкой, вы – это звук! Каждый из вас – величайший аккорд, которому еще предстоит зазвучать, вспыхнуть в темноте нашего сложного мира. И этот священный огонь озарит сердца людей. Благодарю!

Студенты расходились, восторженно поглядывая на своего преподавателя. Замдекана что-то тихо говорил по телефону, и неожиданным жестом остановил одну из студенток, прося ее подождать. Он выключил телефон и посмотрел на девушку.

- Самойлова, как вам мое прочтение «Бури»?

- Игорь Михайлович, это – замечательно... Это... Я даже слов подобрать не могу. Восхитительно... Она – живая. Вы – наш лучший преподаватель...

- Зайдите ко мне после пар. Я хочу обсудить с вами некоторые изменения в учебном плане. Я буду ждать, не забудьте.

- Конечно, конечно я буду, ни в коем случае не забуду, Игорь Михайлович!

- Тогда – до встречи.

И замдекана энергично вышел из аудитории.

Самойлова постучала в дверь с табличкой «Заместитель декана» и осторожно вошла. Кабинет напоминал библиотеку и был заполнен книжными шкафами, забитыми книгами и букетами нотных листов. Над рабочим столом рядами висели дипломы и грамоты в рамках, среди которых, немного особняком, висели два диплома международных конкурсов имени Чайковского и Шопена. Замдекана что-то писал в ежедневнике, поднял взгляд на студентку, чуть кивнул и отложил ручку в сторону.

- Спасибо, Самойлова, что не забыли зайти. Собственно, я хотел обсудить с вами ваши же перспективы. Учебы и работы. Вы же одна из лучших студенток на специальности?

- Да. – Самойлова нервно сглотнула.

- Так вот, тогда вы должны знать, что такому настоящему трудяге и талантливому человеку, как вы, сложно будет раскрыться в теперешних «рыночных» условиях. Но! – замдекана встал из-за стола и вышел в центр кабинета, рукой указав студентке на стул, стоящий у самого рабочего стола. Она присела, нервно сжав вспотевшие ладони.

- Повторюсь – но! Наш институт, и лично я, стараемся всеми силами продвинуть наших лучших учеников. В июле я организую ряд концертов студентов в Нюрнберге, Линце и Кёльне. После этого мы переедем во Францию и сыграем три-четыре концерта в Ницце. Там будет проходить небольшой киношный фестиваль, и мы сможем привлечь внимание нескольких музыкальных критиков. Например, с Жаком Лежуа я уже переговорил. Так вот. Вам предлагается принять участие в этих творческих гастролях, которые однозначно повлияют на ваше профессиональное будущее. Вы согласны?

- Да, конечно, я согласна, Игорь Михайлович! Конечно, спасибо! Я...

- Хорошо, Самойлова. Хорошо. Но, вам придется больше трудиться, поднимать свой профессиональный исполнительский уровень. И еще. Вы освоите еще один инструмент, если хотите участвовать в гастролях. Флейту.

- Какую флейту? – с ужасом в голосе проговорила Самойлова.

- Вот эту, – сказал замдекана, расстегивая брюки.

Самойлова вырвала на разложенные нотные листы.

Первого сентября Самойлова, с выгоревшими волосами, дочерна сгоревшей, даже еще немного соленой, кожей вошла в здание. Табличка на здании гласила: «Академия дизайна и архитектуры».

Вопрос ценности любви, жизни. Последняя и единственная попытка, от удачи или неудачи которой зависит практически все. Главный герой не успел. Так тоже бывает.

Курва

Косой не пропускал случая чтобы не пнуть ее посильнее. «Курва, она и в Африке курва, чтоб она сдохла!». Она никогда ничего не отвечала на его нападки, потупившись, отворачивалась, смотрела на двор. Косой выпивал еще с полстакана и все распалялся: «Курва! Недосмотрела, чтоб тебе! Загубила деточку мою, курва!». После этого он обычно бил ее, не сильно, но долго, а она валилась на пол как куль, по-звериному низко воя. Косой уходил на подгибающихся ногах продолжать пить и появлялся только на следующий день, ну или через пару дней, как обычно пьяный, остро пахнущий потом, чем-то прокисшим, чесноком и луком. И все повторялось снова. Косой на самом деле уже не помнил даже, как выглядел сын, которого воскресным утром сбил пьяный тракторист. Ну да, тот выбежал за мячом на дорогу. Ну и трактор. Тракторист – Витька, сын Мыколы с третьей улицы, должен был в армию уходить осенью. Они все валялись у Косого и его жены в ногах – только не в тюрьму, потом договорились – малого-то не вернуть, похоронили за свой кошт, ну и все такое. Косой после этого взбесился – и до этого был не так чтобы сильно спокойным, а после похорон его просто понесло. Хозяйство развалилось, жена, первая красавица и хохотунья до смерти сына, сдала совсем, все время болела. Ноги и руки у нее раздулись, вены вывалились тугими узлами под кожу, она растолстела (хотя и ела-то как курица), стала весить больше центнера. Денег на лекарства и лечение не было, все пропивал Косой, и каждый день устраивал жене скандалы с рукоприкладством. Участковый пару раз предупреждал Косого, потом – плюнул: «Не мое

это дело. Бьет, но не калечит. Бытовуха», и разводил руками. «Вот если бы он ее убил – тогда я бы его в тюрьму. А так – что?». И каждый вечер на четвертой раздавалось: «Курва!». Лёня, фельдшер, несколько раз пытался поговорить с Косым, объяснить, что с женой большие проблемы, но Косой отмахивался: «Пусть сдохнет, курва!» и заводил свою обычную песню про то, как «она не досмотрела» и так далее. Косой все события, неудачи, собственное беспробудное пьянство, развал семьи и хозяйства относил на счет Курвы. Убедить его в чем-то было просто невозможно.

Однажды зимой Курва не смогла встать на ноги и, после пары опущенных ей оплеух, Косой на нетвердых ногах полпелся к Лёне. «Хвельшер» сходил посмотреть на Курву и, вернувшись, начал объяснять Косому, тот отмахивался и молол чушь про «она не досмотрела». Тогда Лёня психанул, схватил Косого за грудки (хоть тот и был выше Лёни на голову) и начал орать на Косого: «Как ты можешь? Она же человек! Это ее сына трактором! Твоего и ее!!!! Пойми, скотина пьяная! Она умрет, если что-то не сделать прямо сейчас! Нужны лекарства! А деньги у тебя есть, ты, алкаш подзаборный?». Он еще что-то кричал и тряс Косого, у которого во взгляде пьяная пустота сменилась злым озорным огоньком, который, в свою очередь, сменился удивлением. «Деньги» были, но только в селе нет аптечного пункта, надо ехать в Вороньков¹⁶. Косой и Лёня простояли на остановке почти два часа, и уже начало смеркаться, когда их подобрала попутка. Проскакав почти двадцать километров по заснеженной и раздолбанной дороге, они обнаружили, что аптечный киоск уже закрылся. Лёня предложил поехать в Борисполь, в ЦРБ¹⁷, там круглосуточная аптека. Добрались до аптеки без приключений. Косой был ошеломлен ценой лекарства: «Как это? Сколько?!», но Лёня был непреклонен, и

¹⁶ Райцентр в Киевской области

¹⁷ Центральная Районная Больница

Косой купил один блистер «Детралекса¹⁸», который стоил как два мешка картошки. На выходе из ЦРЛ кто-то схватил косога за руку: «Косой! Ты что ли?». Оказалось, что они встретили односельчанина, который лет 10 назад переехал в Борисполь и работал пожарником в аэропорту. Косой и Лёня выглядели старыми дедами рядом с этим цветущим здоровенным мужиком, который поволок их отмечать встречу. Отмечание затянулось почти до утра, при этом Лёня заметил, что Косой уже не затягивал свою традиционную волюнку про «она не досмотрела», и хотя был смертельно пьян, вытаскивал и показывал их знакомому блестящий блистер лекарства.

Ближе к обеду они, протрезвев на морозе, добрались в деревню. Лёня вышел на третьей, а Косой – на четвертой. Морозный сияющий день крутил алмазные хороводы в воздухе, солнце слепило, звонко хрустел снег. Возле его калитки кто-то стоял. Похоже, соседка в тулупе. Как только Косой подошел шагов на двадцать, она развернулась и побежала по улице вниз, от него. Не особо обращая на это внимание, Косой вошел во двор, притворив калитку. Дверь в дом была открытой. Он вошел в коридорчик, удивившись куче набросанных на полу вещей, и открыл дверь в комнату. Обычно она была пустая, а сейчас битком набитая людьми, которые враз замолчали и странно смотрели на хозяина. Кто смотрел в пол, кто на Косога. Не проронив ни слова, Косой вошел в спальню и увидел Курву. Большое желто-серое голое тело лежало на кровати. От него отпрянуло несколько сгорбленных старух, напоминавших птиц-падальщиков. Косой подошел ближе и устался на Курву. Платок, которым был подвязан подбородок, сдавил щеки, и, теперь спокойное лицо, выражало обиду. Страшную обиду. Чудовищную обиду. Нос заострился и пожелтел, глаза закрыты, волосы как пакля. Тоже. Мертвые. Кожа на животе и грудях с верхней стороны тела была пепельно-бледной и бордовой со

¹⁸ Лекарство, применяемое при тромбозе

стороны спины. Кровь стекла, слилась под кожу. Ноги были почти черными от петель вен с уже свернувшейся кровью. Косой осторожно толкнул холодное тело в плечо: «Курва... Курва, ты курва...». И бабы в доме враз заголосили, но Косой их уже не слышал. Звук выключился. Весь. Он оглядел комнату, подошел к полке, от которой испуганно шарахнулась какая-то черная бабка, рванул ее на себя, рассыпая стаканы и тарелки, отодрал ее от стены. На задней стенке полки был приклеен конверт. Он вытащил все деньги и бросил на пол. В звенящей внутренней тишине он вышел из дома, вытащил из сарая ящик казенки¹⁹ и 5-литровую бутылку самогона, выставил их на снег по центру двора. Взял в сарае лом с приваренным топором – чтобы колоть лед было удобнее, выбрал штыковую лопату и вышел на улицу. В клубящемся алмазном сиянии блеснул и пропал блистер самого дорогого лекарства, которое он когда-либо покушал в жизни. Косой шел на кладбище.

Оглядевшись, он выбрал место покрасивее, как ему показалось, и начал работу. Сначала он отгреб снег до наледи. Взял лом и начал колоть верхнюю смерзшуюся корку льда и земли. Через минут тридцать он уже вгрызался в мягкую землю штыковой лопатой. Земля заметно парила на морозе, Косой работал как заведенный, не замечая сорванной кожи на ладонях, замерзших сосулек на волосах. Несколько раз он останавливался, закуривал, смотрел в небо на сияющую круговерть, шепча скорее про себя, чем вслух «Курва». Солнце село, когда он закончил копать. Постояв пару минут, он покурил, сплюнул на снег табачные крошки. Сделал шаг вправо и начал копать вторую могилу.

¹⁹ Водка заводского производства

Кто мы? Те, кто на вышке? Или те, кто внизу? И стоит ли хоть раз поднять голову, чтобы увидеть небо?

Наблюдательная вышка

- Не плюй вниз, младшой, - лениво промямлил старший смены.

- Господин начальник, да я так, совсем чуточку. Я не буду! – торопливо проговорил младший караульный.

- Ты смотри у меня, младшой, - так же лениво пережевал слова начальник.

- Так точно!

- Точно, так точно. Делом займись!

И они занялись делом. Лежали на лавках и смотрели в синее, насыщенное небо. Небо казалось плотным, почти материально твердым. Навес над караульной вышкой был весь в дырках, какие-то мелкие птички перебирали там когтистыми лапками, шуршали. Было так тихо, что можно было слышать шорох перьев у птичек. Младший караульный отвернулся и задремал. Начальник смены уже некоторое время спал.

Разбудил их звонок дежурного переговорника. Старший принял входящий и представился. Немного послушав, что-то утвердительно буркнул и снова улегся на лавку, поправив пакет со сменной одеждой, что бы было удобнее лежать. Через некоторое время он, ни к кому не обращаясь, проговорил:

- Скоро забирают.

Младший поднялся, поправил форму, потрогал оружие в пирамиде, поглядел из-за навеса сначала вверх, потом – вниз. Сел на лавку.

- Господин начальник, разрешите?

- Валяй...

- Я вот слышал про эксперимент, про науку там всякую... Не могу только понять, зачем мы тут? Они же ни разу не сбегали и ничего не сделали.

- Порядок такой...

- Господин начальник, а как так получилось? Почему они такие стали?

- Младшой, ты сам про эксперимент сказал. Вот так и появились.

- А почему именно такие получились?

- Ты про шею? А... Хотели сделать так, чтобы они могли смотреть вверх. А получилось – сам видишь. Жаль их. Убить не можем... Вот и охраняем. Понимаешь?

- Так точно, Господин начальник!

В небе появились сигнальные огни транспорта, который через мгновение пришвартовался к вышке. Смена поздоровалась и заняла лавки. Старший смены и караульный перешли в транспорт. Младший успел бросить взгляд вниз – ему всегда было страшно и интересно смотреть на них. На людей, которые ползают внизу. И не могут поднять голову. Никогда. Потому, что они даже не могут представить, что это зачем-то надо. Хотя бы для того, чтобы увидеть небо.

Каждого из нас кто-то ждет. Ждет ли на лавочке в парке или под дождем на остановке маршрутки - не имеет значения. Ждать можно пару минут, можно - годы. Что мы знаем о том, что чувствует тот человек, который ждет тебя или меня? Как это, жить в ожидании самого важного?

Едет

Она так и не заснула, ворочалась всю ночь на слежавшейся влажной постели. Куры в сарае еще не начали хлопать крыльями, пару раз только раздались сонные хрюки из свинарника. Она оделась, придерживаясь за край печи, допила холодный вчерашний чай и умылась у раковины. Повязав теплый платок, вышла через темные сени в промозглый мрак осеннего утра. Во дворе было еще темно. Только на востоке сквозь низкую пелену черных туч просвечивалась серая туманная полоска рассвета. В жирном воздухе висела водяная пыль – и не дождь, и не туман, так – обманка. Она смела с крыльца последние осыпавшиеся крупные алые и желтые листья винограда и критически осмотрела двор. Из будки выглянула сонная морда лохматой Пальмы. Собака рыжей масти медленно вышла из будки, потянувшись, зевнула и вопросительно уставилась на хозяйку. Не получив ответа на немой вопрос, Пальма почесалась и практически сразу влезла в будку – досыпать. Двор был убран еще вчера. За два дня до этого она долго переносила уголь в сарай, чтобы не мозолил глаза. Жаль, конечно, что клумбочки уже облетели и завяли. Но, что поделаешь, ведь – осень. Пришлось их перекопать. Да и часть огорода тоже. А что, он так и стоять будет? Перекопала. Думала еще деревья побелить – но дождь, все время дождь... Известка бы не удержалась. И крышу не подкрасишь. Зато – покрасила двери. И дома, и сарая. Теперь блестят свежим суриком и пахнут новым.

Что-то еще надо было сделать... только вот забыла. Она спустилась с крыльца и дошла до ворот. Осмотрела и потрогала щеколду. Надо смазать ее. А лучше – не надо. А то, не дай Бог, запачкается. Из-за забора были видны соседские дома, у некоторых над крышами вился дымок, да так и не мог подняться выше уровня крыш, висел в воздухе придавленный сыростью и умирающей темнотой. Соседские крыши блестели. А у нее крыша была уже как два года не крашенная. И уже ничего в такую погоду сделать было нельзя. Она вздохнула. Снова потрогала щеколду и ручку калитки. Холодный и мокрый, изъеденный временем, коричневый металл привычно лег в ладонь. В сарае завозились поросята, кто-то из них начал склоку, которая тут же была прекращена зычным хрюком матери. Из курятника слышалось хлопанье крыльев и осипшее «ку-каре-ку» рыже-красного петуха. Деревня просыпалась. Она прошла вдоль забора до угла, придирчиво осматривая доски. Хотя она толком-то ничего не видела в сумраке, но это дело немного заняло ее, еще немного сократило время. Вернулась во двор, постояла между крыльцом дома и сараем. Взяла метлу, оперлась на нее и стала думать о делах. «Сейчас покормлю кур и свиней. Надо посмотреть, что там у матки с ухом, чего она так его трет о стену. А то еще сарай сломает. Надо натаскать воды, протопить снова дом – а то сырость такая, хоть беги. Известку надо бы у деда Ивана попросить – своя закончилась. Печку квачиком побелить, вымыть потом. Тогда покормлю всех и почищу печь. Заржавели совсем чугунные кольца. А чай потом поставлю. Еще надо к Петру сходить за медом. И хлеб в сельмаге купить. Рафинаду еще. Конфеты может завезли. Хотя – вчера их не было. Ну может и завезли». Она стояла, взявшись ладонями за коричневый отполированный черенок, размышляя и планируя, но это был только верхний слой мышления. Чуть глубже лежали мысли о том, что все нужно сделать быстрее, и покрасить и привести в порядок, вот только – быстрее, она под-

гоняла себя, пинала, ужасно злилась. Еще ниже бурлил ужас от того, что она может не успеть. От того, что окажется неряхой, которая не может вести хозяйство, у которой покосился забор и облупилась крыша, глупой и никчемной старухой, которая и прибраться уже толком не может и ходит в грязном. И резиновые сапоги у нее с дыркой. И мыши прогрызли рукав ватника, а моль съела единственный выходной платок. Еще слоем ниже вертелось что-то сумбурное и неясное, обрывки мыслей и ощущений, какие-то воспоминания и клочки слов. На самом дне, вернее – просто ниже всех этих мыслей и переживаний, распростерлось ледяное море ожидания. Оно заполнило ее голову и тело, над этим свинцовым морем горькой черной воды курился дымок, проступая через ее кожу, ожидание окутывало ее всю, овладевая всеми помыслами, служило мотивом всех действий и единственной целью. Цели ее совсем давно закончились – после смерти мужа десятков лет назад. И отъезда доченьки в столицу.

Концом для нее был именно отъезд. Она понимала, что ей-то - молодой и красивой, сильной и смышленной, нечего делать в этом медвежьем углу. И каждый раз, думая, еще тогда, об отъезде Ириночки, она содрогалась от ужаса: не понимала как она сможет жить, не видя свою единственную кроху. Она неуклюже пыталась придумывать причины, чтобы остановить ее. Потом, перекрестившись, плюнула на свою затею. И Ириночка уехала. Она ничем не могла помочь доченьке – хозяйство маленькое, едва их с мужем кормит, пенсии, считай, что совсем нет. Тем не менее, она осенью отправляла с почты посылки с колбаской и тушенку. Что было – то и отправляла. Картошку там, разное. Потом муж помер. Быстро так сгорел. За месяц. Опухоль какая-то. Хоронили как раз осенью в такую же погоду, и соседи ругались себе под нос, переступая в глиняной чавкающей каше сельского кладбища. И она осталась одна. Очень радовалась письмам из столицы, доченька даже

фотографии присылала. Вот только не ехала – далеко сильно. Как с малым-то ребенком приедешь. И работать надо, и жить, и дитенка воспитывать. Умница моя, все успевает. И ведь как только у нее только получается? Дел-то сколько там! А народу! В телевизоре видела – машины, люди, поезда, дома – неба не видно. Ужас.

Ожидание проступало сквозь кожу, зудело в руках и затылке. Ожидание не могло ждать, вынуждая ее двигаться, делать и переделывать бесконечные ненужные дела. И она в который раз ругала себя за то, что не может сосредоточиться и что-то с толком сделать. Зуд усиливался, и она обмерла от мучительного ужаса – а какой сегодня день? Какой? Среда?! Поторопилась в дом и посмотрела на перекидной календарь. Так у нее он мог же сломаться! Надо пойти у соседей спросить. Только побыстрее бы надо. Она вышла из калитки и, оскальзываясь на глинистой обочине дороги, пошла к деду Ивану. Через дом, слава Богу. Рядом. Оказалось, что сегодня только пятница, и что она Ивана уже про это спрашивала вчера. И позавчера. И что она уже наверно из последнего ума выжила, коли дней не знает. Она рассеянно кивала, думая про себя – еще есть время. Значит, она успеет приготовиться. Еще много дней. Как только их прожить? Ведь каждый день сейчас за неделю. Тянется и тянется. И не кончается. А то, что Иван сам придет и известку принесет да и еще и побелит – просто чудо. Помощь-то какая! Хороший он дед – Иван. И мужиком был видным. Вот только не сложилось у них когда-то. Чуть позор на все село не получился. И побоялась она потом с ним видеться. Ну, это считай, сразу после войны было. Как Сталина похоронили – так в том году.

Ожидание должно быть мягким и теплым, легким, простым чувством. Ведь ждешь чего-то хорошего, приятного. Но для нее был запасен другой вид – мучительный изводящий зуд. Она не находила себе места, то стояла посреди комнаты

в доме, то выходила на улицу. Ладони сжимались в кулаки, или она гладила клеенку на столе в поисках несуществующих крошек. Снова вставала и снова садилась. Ходила смотреть на свиней по двадцать раз в день. Второй раз перекрашивала печь – может плохо в первый раз побелила, и слепу не видит орехов. Вымывала пол по три раза в день. Сердце проваливалось в живот от страха. Мучительное и недоброе выходило ожидание. Но, ожидание не могло долго оставаться таким. Ожидание начало меняться. Оно становилось теплее и мягче. Оно уже не заставляло мчаться сломя голову за очередным, в пятый раз купленным, рафинадом. Ожидание сморщивалось по краям, вздуваясь в центре теплым пузырьком, таким мягким, как брюшко Пальмы, когда она валяется на солнце и просит почесать ее. Теплым и мягким. Немного пушистым? Да, похоже что так. Согревающим. Созревающим. И в воскресенье родилось другое ожидание. То, которого она так ждала. Внутри нее как бы взошло солнце, согревая немудреные остатки жизни и воспоминаний, разливаясь щекочущим теплом. Сначала – в животе, чуть позже – в груди. Дойдя до пальцев, это новое ожидание стало нежно покалывать мочки и ладони. Она переделалась в чистое, накрахмаленное, расправила покрывало. Поправила чашки на столе. Подвинула телеграмму на центр скатерти. И села на табурет под образами. Она была совершенно спокойна, суета ушла, ушел страх. Все ушло. Осталось только теплое солнце внутри. Сложив мозолистые руки на коленях, она улыбнулась. Улыбнулась главной и единственной мысли – «Доченька едет».

Ни конкурс, ни праздник не получились. Но, по факту, хан Марун и тетушка Зо получили подарок. Каждый - свой.

Два гончара

Великолепный покоритель пяти холмов был чернее тучи. Хан Марун споткнулся и столкнул на пол свою любимую вазу. Опасаясь гнева хана, тетушка Зо решила провести шумный праздник с состязанием гончаров ханства Пяти Холмов. Маруну идея понравилась. Только вот конкурс не заладился с самого начала: гончаров в ханстве было всего три. Первый был жалким стариком, который уже не делал посуду, а больше лепил детские свистульки. Вторым гончаром был торгош с рынка у Западных ворот. Рынком его можно было назвать очень условно – пару циновок на песке, несколько продавцов и стопка мисок и кувшинов. Третьим гончаром был молодой парень, только женившийся на совсем молоденькой девушке. Девушке со странной историей. Ее нашли несколько лет назад в пустыне. Она просто стояла посреди пустыни в то время, когда мимо проходил караван. Причем, она не просто стояла – она стояла по колено в песке. Рядом не было никаких следов – ну, знаете ли, песок засыпает следы. Но еще деталь – девушка спала стоя, и караванщику стоило больших трудов ее разбудить. Позже она познакомилась с гончаром и вышла за него замуж.

Тетушка Зо выбрала последних двух мастеров и дала им задание создать «великолепное творение, затмевающее закатное солнце и великолепное как утреннее облако». Мастер Западных ворот быстро приступил к делу. В его понимании «затмевать солнце» обозначало размер, про облака – цвет, а «великолепное» - назначение предмета. Через пять дней во дворе дворца стояло нечто накрытое верблюжьей шкурой. Тетушка Зо и Великий Покоритель Пяти Холмов прошли через почти-тельно расступившуюся толпу стражников и служек, подошли

к предмету. Рядом стоял гончар с Западных ворот, улыбаясь своим жабым ртом с жирно блестящими губами, потирая короткие потные ладошки. Также улыбаясь и потея, он сдернул шкуру с предмета. Толпа ахнула, а тетушка Зо непроизвольно ухватила за руку Владыки.

Перед ханом на песке стоял горшок. Неимоверно огромный низкий горшок и пятью ручками, выкрашенный в белый цвет. Гончар, еще не понимая своего положения, еще сильнее оскалился и заговорил:

- О, Великий! Этот сосуд – всем сосудам сосуд! Я не домешивал в глину верблюжьего дерьма! Я раскрасил его настоящей краской, а не мелом! И горлышко широкое у него, так что даже я могу там поместиться. И не только ваши, о Великий!, сокровища туда влезут! О!

Брови хана и тетушки Зо отползли куда-то по направлению к затылку. После того, как у хана брови вернулись на место, он прищурился. Стоящий напротив военачальник Грок понял, что ничего хорошего уже не происходит. Хан промолвил:

- Великий мастер Западных ворот, покажи-ка, как ты уместаешься в сосуде?

Суетливый гончар тут же влез в горшок. Хан выхватил у стоящего рядом стражника меч и легко снес голову, торчащую из бадьи, развернулся и на ходу бросил:

- Похороните этого идиота в его тазу...

И все бросились трудолюбиво и настойчиво хоронить гончара. Его похоронили так, как сказал хан. Семью же гончара и родственников забили камнями, а товар разграбили. Видя такой поворот событий, тетушка Зо переговорила с ханом и начальником стражи. После этого, молодой гончар был арестован и посажен в тюрьму. Туда же притащили стражники его инструмент и двадцать мешков глины. Гончар начал работать, но через день попросил о встрече с тетушкой Зо. Она пришла.

- Тетушка Зо, я очень прошу Вас разрешить моей молодой жене приходить ко мне вечерами. Я не убегу. Закончу работу, все сделаю! Вот только пусть она придет. Мне без нее жизни и работы нету... Очень плохо без нее... Пожалуйста...

- Хорошо, гончар. Я разрешу ей прийти.

Вечером жена гончара стояла у ворот тюрьмы.

Рано утром тетушка Зо вышла на веранду и обомлела – из тюрьмы в небо торчала то ли палка, то ли веревка. И торчала она от самой земли до неба, растворяясь в жаркой голубизне. Тетушка помчалась к тюрьме, растолкала спящих стражников и прибежала с ними к камере гончара. В центре камеры на полу стояла ваза неопикуемой красоты. На ней не было ни краски, ни глазури. Бока вазы были исчерчены невероятными рисунками и орнаментами, она светилась легким оранжевым светом и тихо звенела. Горлышко вазы постепенно сужалось и истончалось, превращаясь в подобие витого шнура. И уходило в небо... Ни гончара, ни его жены в камере не было. Вечером скандал утих, вазу отпилили и принесли хану, который остался очень доволен необычайно красивым предметом.

Тетушка Зо вышла ночью на веранду и увидела в небе две ярких совершенно новых звезды. Она позвала начальника стражи и спросила:

- Как звали гончара?

- Ка.

- А его жену?

- Бо.

- Благодарю, вы свободны, идите...

И тетушка улыбнувшись еще раз глянула на небо. Горлышко вазы несколько дней висело не касаясь пола в камере, потом медленно растаяло в воздухе.

Ожидание у поста медсестры принесло две встречи, короткие как точки - психически больная девочка из интерната, в которой больше доброты и честности, чем в большинстве окружающих. И хирург, делающий сложнейшую операцию, вопреки желанию бригады, готовой отправить пациента в морг, лишь бы быстрее пойти домой.

Две точки

Точка первая. Ирочка.

Сижу третий час у ординаторской. Болтаю с молоденькой медсестрой на посту, вяло отвечая на ее заигрывания. Очень устал. Неимоверно. Начиная с первых чисел чудесного апреля, я нахожусь в каком-то жутком круговороте событий и действий, который засасывает меня. И все это время у меня все еще есть возможность выскочить наружу, все послать, заняться тем, чем, по идее, я и должен заниматься. Но, нет сил вырваться, судорожное движение рывок за рывком – это все что у меня есть. Не спасает. Страх ушел, остались злые психи, сильная обида, понимание неправильности собственной линии поведения.

Выхожу покурить. Во дворе больницы ругаются бомжи. Тут у них что-то типа хостела. Взыв на последнем издыхании, подкатывается старая «Скорая». Я смотрю на небо. Очень красивое, чистейшее небо с первыми звездами. Выдыхаю дым, бросаю сигарету. Возле санпропускника обращаю внимание на кровь на полу. Просто капли. Вишневые капли. Венозная. Дойдя до лестницы на второй этаж, вижу несколько человек на сиденьях у дверей кабинета, где принимают ургент. Фактически – у дверей приемного отделения. Один мужик сидит весь в крови, голова разбита, кровавая маска на лице. С него и текло. Сквозь загустевшую кровь проглядывают абсолют-

но безразличные, усталые глаза, от носа отрываются и падают тяжелые капли. Женщина рядом кипятится: «Где эти уроды? Скоты! Я их всех засажу! Он же кровью истечет!». Третий – молодой парень, безучастно смотрит на нее и кивает. Поднимаюсь по лестнице.

Снова в отделении хирургии. Сколько я тут провел времени за последний десяток лет, часов ожидания и надежды? Не сосчитать. Теперь я просто жду товарища, чтобы поболтать и проконсультироваться заодно. Сажу на скамеечке, затянутой серым дерматином, на часах 21.30. Подходит перепуганная девочка лет двадцати пяти, чернявая, хорошенькая, с кульком в одной руке и мобильником в другой.

- Скажите, а вы не видели хирурга?

- Которого?

- Ну, такой невысокий, по-моему, Петренко.

- Я тут его и жду. А что вы хотели?

- Да он маму оперирует мою. Аппендицит. И что-то их все нет и нет.

- Вы не переживайте, все будет в порядке. Вот увидите. Это же не простое дело – там сорок минут приготовить, потом резать, потом еще и шить. Пару часов как минимум.

- Так уже три с половиной прошло!

Она отвечает с вызовом, в глазах слезы, руки дрожат.

- Девушка, вы погуляйте, на воздух сходите. Ну, или со мной садитесь. От нервничанья нет никакого проку. Вы уж поверьте. Вы так себе только нервы совсем испортите.

Она внимательно смотрит на меня. Разворачивается и уходит. Я сижу. Приходит медсестра. Спрашиваю:

- Где там Костя застрял? Он же на аппендиците?

- А черт их разберет. Только Валя была там, рядом, он сказал, что раньше чем через час не выйдет. Флегмона там или еще что-то. Короче, у тетки не все хорошо. Ты б ее видел! Как они такое шьют! Туша! Такое сало попробуй зашей!

Она противно хихикает, потом ей становится неудобно и, подхватив какие-то шприцы и бумажки, она убегает в манипуляционную. Я сижу. Появляется несколько послеоперационных дедушек в синих байковых халатах и тапках на босу ногу. Спрашивают медсестру: «Еще не закрыли? Так мы пойдем пройтись».

- Только не долго, а то потом вас ищи-свищи!

- Да ты что внучка, мы тут только до урны и обратно. Времена уж не те...

И шаркают к двери отделения. В конце коридора скользнула тень. И через минуту у поста появляется девочка. Девушка. В синем спортивном костюме под халатом, в розовых меховых тапках. Короткая стрижка, почти ежик на затылке. И голова, почти свесившаяся на грудь. Немного раскоординированные движения, покачивания из стороны в сторону. Ладони сцеплены, как будто она здороваается сама с собой. Она поворачивает свесившуюся голову на бок и смотрит на меня. Сильно косоглазит. Выходит медсестра из манипуляционной, и девочка, шаркая розовыми тапками, идет к ней. Она маленькая, сутулая, сгорбленная, с провисшей головой. Но она настолько нежно обнимает медсестру, что я замираю на мгновение. Девочка гладит ее, обнимает, шепчет что-то ласковое, жмурится от удовольствия, не отпускает. Медсестра начинает ругать ее:

- Ирочка, что ты тут делаешь! Уже поздно, иди спать!

- Ой как я тебя люблю! Не пойду я спать. Я буду плакать. Всю ночь проплакала, только утром уснула. И живот будет болеть. Не усну я.

- Иди, я тебе говорю! Сейчас придет доктор, будет тебя ругать! А ну-ка быстро иди!

- Доктор? Где доктор?

Она испуганно оглядывается и смотрит на меня. Понимает, что я без халата, значит не доктор, отворачивается к медсестре и продолжает:

- Не пойду я в палату. Буду плакать, всех разбужу. А у тебя сладкого чая нет? Как я тебя люблю...

- Нет у меня чая, Ирочка. Иди в палату. Уже поздно, пора спать.

Я поднимаюсь и иду курить. Окровавленный мужик от приемного отделения уже пропал. В коридорах пусто и гулко, немного пахнет дезинфекцией и кофе. Кровь на полу уже вытерли. На выходе курит бригада «Скорой». Иду в супермаркет через дорогу, покупаю продукты - курицу, пирожки, пиво, хлеб, сигареты и еще что-то. Возвращаюсь. На посту сидит толстая санитарка, необъятная тетка возрастом за шестьдесят. Девочка обнимает ее, ласково что-то шепчет. Санитарка спрашивает ее:

- И откуда же ты у нас, деточка?

- Из интерната.

- А ты там давно живешь?

- Всегда живу.

- А родители у тебя, детонька, есть?

- Есть. Есть мама. Есть папа.

- А они к тебе приезжают?

- Нет. Зачем. Я сама домой езжу. И кушаю там. Так люблю домашненькое... И картошку. И кефир.

Ее лицо озаряется изнутри, она жмурится, загибает пальцы.

- И суп я люблю. Но, только красный. Не желтый. Желтый не люблю. Кефир еще, сметану...

- А сколько тебе лет, деточка?

- Двадцать один. Уже было двадцать один.

Я встаю, иду по коридору и встречаю дочку той женщины, что в операционной лежит. Она побелела, осунулась, глаза дерганые. Смотрит на меня умоляюще, как будто я что-то могу изменить.

- Девушка, не волнуйтесь. Хотите кофе?

Она мотает головой.

- Пойдите на воздух, перекурите. Все будет нормально. Скоро врачи вернутся.

Она разворачивается, идет по коридору в сторону выхода, но сворачивает в сторону другого крыла хирургии. Я подбегаю к дверям:

- Не туда. Выход не туда.

Она поворачивается и смотрит совершенно бессмысленно в мою сторону. Потом спохватывается:

- Как отсюда выйти?

Я показываю. И возвращаюсь назад. Теперь медсестра и санитарка на пару ругают Ирочку и просят ее идти спать. Он хихикает, трясется, что-то им говорит, но – никуда не идет. В конце концов обе медработницы уходят, оставляя на посту меня и Ирочку. Я сижу. Рядом на лавочке лежат два пирожка с мясом в пленке и какие-то мои бумаги. Ирочка стоит и смотрит в сторону. Я чувствую, что она решает непростую задачу – поговорить с чужим или нет? Она немного скашивает голову в мою сторону, я вижу это и хлопаю по лавочке.

- Садись, посиди.

Она присаживается рядом. И мною овладевает легкое онемение. Как если первый раз погладил лошадь. Не так. Странно, не могу поймать или придумать метафору. Скорее, это как будто тебя кто-то обнял. Неожиданно и очень нежно. Да. Похоже, что так. Очень странное чувство. И я вдруг понимаю: она – человек. Не такой как все, больной физически и психически, генетический калека, но – человек. Который чище меня, хоть и пахнет немытым телом. Который проще меня, который легче меня. Которому тяжелее, чем мне. Говорю:

- Привет.

- Привет. А ты из какой палаты? Я тут тебя не видела раньше.

- Я тут не лежу. Не болею. Я пришел к доктору в гости.

- Не ври. Ты тут лежишь. Чем болеешь?

- Когда-то давно болел. А сейчас – не болею. Пришел в гости к доктору. А его еще нет. Он – в операционной. А чем ты болеешь, солнышко?

Я не могу удержаться, мне очень нужно ей сказать какие-то добрые слова, похвалить ее, сделать что-то приятное. Чувствую, что у нее так мало всего. Протягиваю ей пирожки.

- Вот пирожки доктору принес. Он устал, а я ему – пирожки. А если ты пойдешь в палату и поспишь – хочешь, я дам тебе пирожок? Вкусный. С мясом.

Она борется с собой. Свесив голову, искоса смотрит на меня. Потом начинает улыбаться.

- Нет, пирожки я не люблю. Я бы чаю сладкого... А в палату я не пойду. Буду плакать. Всю ночь плакала. Очень устала. И живот будет болеть. Сейчас не болит. А будет болеть.

- А чем болеешь, солнышко?

- Панкреатит. Поджелудочная. Вот так (она показывает от горла до паха) все болит, а доктор не помогает. Ночью болит. А сейчас не болит.

- Ты не переживай, милая. Тут хорошие доктора, они мне помогли, многим помогли. И тебе помогут. Ты только позови медсестру. И она с доктором придет, тебе поможет. Таблетку даст. Или укол. Ты боишься уколов?

- А чего их боятся. Вот посплю утром и пойду в душ. А то надо в интернат завтра ехать. Ты не знаешь, где тут душ?

- Вот (показываю дверь) тут он. А ты бы попросила медсестру, и она бы тебе дала ключ. Помылась бы пока ночь и людей нет.

- Я боюсь мыться ночью. И шампуня нет. У тебя есть шампунь?

- Пирожки есть. Шампуня – нет.

Она красива. По-своему. Очень интересный нос. Карие глаза, иссиня-черные волосы. Очень бледная кожа. И некрасивые

руки с короткими пальцами, неправильными ногтями, маленькими ладонями. Больного человека можно узнать по глазам и по рукам. Да, она – больна. При этом, очень чистая речь, логичная, немного упрощенная, но – она не дура! Она начинает жаловаться, что ей надо много есть, а она не может. А все в интернате называют ее «дробыной (лестницей-стремянкой - укр.)», ведь она такая худая. Я пытаюсь ее переубедить, что нисколько не худая. Даже немного толстоватая. И никакая не «дробына». Ей нравится, она улыбается, раскачиваясь сидя вперед и назад, сжав кулаки между ног. Спина у нее изогнута как лук, голова – как острие стрелы. Она мягко смотрит на меня одним скошенным глазом. Потом поворачивает голову, чтобы рассмотреть меня. И беззвучно смеется. Потом толкает меня кулачком в плечо:

- Ты хороший. У меня есть две конфеты. Хочешь принесу?

- Солнышко, ты съешь сама конфеты. За себя и за меня. Так же вкуснее?

- Вкуснее, - мечтательно отвечает она.

- Скажи, а что вы делаете в интернате? Вы учитесь? Читать? Писать?

- Учимся. Буквы писать. И читать. Рисовать. И телевизор иногда смотрим. В воскресенье.

- А тяжело учиться?

- Да... Буквы (вздыхает) – они такие сложные...

Она замирает. Напряженно смотрит в дальний конец коридора, в сторону выхода.

- Врач!

Она вздрагивает всем телом. Я смотрю, пытаюсь увидеть кто там идет.

- Не переживай, детка, это мой врач. Я пришел к нему. А ты иди в палату, поспи. Сегодня ты не будешь плакать. Пока.

Она шепчет что-то неразборчивое и лукаво снизу смотрит на меня. Я поднимаюсь, треплю ее по волосам и иду навстречу Косте.

Точка вторая. Костя.

Костя в бешенстве. На нем белая роба с надписью йодом «Хир 1». Кровь на штанине. Шлепанцы. О да, он в бешенстве.

- Шоломушки хозяевам зажимов и ланцетов! Что, отросток не тот попался?

Он сверкает глазами, матерится.

- Кость, я тебе пирожки принес. Съешь. Еще теплые.

Он вскидывается, что-то вспомнив:

- Твою мать, я свои банки в холодильник не поставил!

Секунд!

Скрывается в раздевалке и выскакивает оттуда уже с портфелем в руках. Тянет меня в ординаторскую:

- Идем.

- Думал тебе еще и пива прихватить. Потом передумал.

- Это ты правильно. Мне еще 3 операции отстоять. Зараза, всю ночь. И прошлое дежурство такое же было.

- А, ты рассказывал. Перфоративка.

- Да нет, на прошлом тоже аппендицит. Только он оказался раком прямой кишки. Зараза...

- А сейчас что?

- Аппендицит. Раскрыл я ее, отросток нашли. А он – как огурец. В порядке. Ну и решил копнуть глубже. Черт... А там... Короче, сгнившие яичники, все сгнило. Не меньше литра гноя откачали. Мыли, все такое. Твою мать. За что мне такие аппендициты! В реанимации она. Дня три – и конем скакать будет.

- Тут ее дочка ходила, я ее немного успокаивал.

- Видел я ее. Домой отправил. Все равно ей тут ловить нефиг.

Он проглатывает пирожки, запивает водой из бутылки. Поднимается со скамейки и идет к холодильнику. Я смотрю в черное окно. В стекло ударяется пакет и падает на подоконник.

- Скоты! Ненавижу!

Второй пакет пролетает в форточку. Костя беснуется.

- Суки! Полный холодильник их дерьма! Неделю назад дежурили – все оставили, гниет эта дрянь тут, воняет, а мне некуда своё поставить!

Третий пакет улетает под стол. Костя возвращается ко мне. Садится, закидывает ноги на диван.

- А в прошлое дежурство! Вот прикинь, какие заразы! Привозят мужика – аппендицит. Открываю его – чистый. Нет воспаления! А анализы сделали – перитонит! Чуть глубже захожу, а у него вся прямая кишка – ну дурдом! Говорю – у него рак. Они мне, трое еще – начмед даже не помылся, мордой сверкнул и отвалил, говорят – ты отрок отрезай, а мы зашьем. Все равно ему уже пару дней осталось. Они, гады, отвернулись – а я лапаротомию²⁰ полную – оп-па и сделал! Они поворачиваются, а он открыт как чемодан! Какие они злые такие были! Но уже все – не зашьешь обратно! Так что, порезал я мужичка. Только потом смотрю, не получается. Чуть не обделался. Веришь? Не хватает квалификации. Я ж онкологию не часто делаю. Мы их тут редко берем. Тут тренировка нужна. Слава Богу, Евгеньевич проходил. Ну, я ему объяснил, что и как. Он глянул, помылся и стал рядом. Вместе – починили мы его. Смотрю – и радуюсь. Мужик должен был еще в понедельник ногами вперед отсюда уехать. А сейчас, сам – хоть и по стеночке, но сам... И сам уйдет. И проживет еще. Вот сколько Бог дал – столько и проживет.

Костя аппетитно хрустит огурцом. Я думаю – молодец он. Гад, зверь, но ведь чудеса делает! Не боится никого, даже черта. Умница, Костенька, умница.

²⁰ Лапаротомия – хирургическое вскрытие брюшной полости с помощью разреза передней брюшной стенки; обычно проводится под местным или общим наркозом

- Слушай, ну ты молодец! Слов нет, какой молодец. Знал бы – еще бы пирожков принес.

Смеется.

- Помнишь, ты говорил, что сегодня еще кардиолог будет дежурить? Может он еще есть?

- Ой, забыл. Извини. Сейчас гляну.

Сижу, смотрю в черное окно. Вспомнил детский стишок:

Посижу я у окошка

Подожду еще немножко.

Счастье жить, любить и быть. Невозможно отнять или испортить. Сияющий мир героини вгрызается в серые дни, превращая их в горячие камни под тонкой подошвой парусиновых туфель. Все - только начинается. С любовью к Одессе.

Структура вложенности

Она закрывает глаза. Невысокое солнце ласково окатывает Ее теплой оранжевой волной, к которой примешиваются ванильные ноты легкого ветерка. Где-то на краю поля зрения в густом тумане мягко перекатываются, касаясь пушистыми боками, ощущения, события, запахи, мечты и мысли, собственно и составляющие Ее жизнь. Дрогнули ресницы. И картинка разворачивается, захлестывает, сбивает дыхание.

Суббота

В субботу Она зашла к Маринке на Арнаутскую за конспектом. А та потянула (да суббота же!) к знакомым из политеха. Пошли по Арнаутской до угла Ришильевской, купили по сливочному пломбиру в мягком вафельном стаканчике. Сентябрьское солнце вздрагивало и дышало в приоткрытых окнах домов, сочными белыми брызгами лежало на мягком асфальте. Брызги были живыми – они запрыгивали на туфли, перебирались на подол любимой плиссированной юбки и, скользя по блузке, прятались за спиной. Она слушала Маринку, прямо скажем, не сильно внимательно. Ей была не интересна история поездки к каким-то родственникам в Арцыз²¹, да и не вдохновил рассказ о том, как Сеня (да, да, вот тот самый!) прям таки тащил Мариночку к себе после танцев, а она - ни за что! Мелкие льдинки в пломбире хрустели на зубах и обжигали нёбо.

Прямо перед носом крутанулся огромный желтеющий лист платана, и от неожиданности Она остановилась. «Осень»

²¹ Райцентр в Одесской области

- подумала Она. Что-то капнуло на туфель. Глянув вниз, Она оторопела – прохудившийся вафельный стаканчик выпустил очередную порцию жидкого пломбира на юбку, капли лихо скользнули в складках и растеклись по ранее чистой правой туфле. От неожиданности Она уронила стаканчик, выпустивший на асфальт белую руку с четырьмя пальцами. Она подняла глаза – Марина стояла перед Ней и что-то озабоченно стрекотала, размахивая руками, но Она не могла понять ни слова. Вдруг окружающий мир отодвинулся на шаг, создав тянущую пустоту внутри, и резко вернулся, обжигая коротким и простым знанием. «Сегодня». И Ей стало вдруг легко и совсем-совсем не обидно из-за пломбира.

- Что ты пялишься? Смотри, как юбку замазала! Да что ты в самом деле??

Она сфокусировалась на Маринке и улыбнулась.

- Пошли быстрее, тут Валя, ну со второй специальности, живет. За углом. Пошли, чего стала!

Она, неловко стряхнув сливочные ручейки, пошла за Мариной. Дверь, покрытая доброй сотней слоев краски, с медной вычурной ручкой, со скрипом пропустила их в кошачий полумрак. Поднимаясь по стертým мраморным ступеням, Она машинально считала шаги и размышляла о странности сегодняшнего дня. Марина все это время что-то говорила, сердилась из-за невнимательности своей подруги. Она не обращала внимания. Что-то происходит. Она не знала, что именно, хотя и ощущала какие-то неявные шевеления окружающего мира. Как если бы корабль начинал движение от грузового причала. Если стоишь рядом – ничего не заметно. И вдруг видишь полосу воды между бортом судна и краем причала. Вот только не было – и уже есть.

Она получила синие треники с заштопанным левым коленом и белым бантом резинки на боку, огромные «гостевые» шлепанцы и новый брусок (хорошего, польского) мыла. В ван-

ной комнате ревела и вздрагивала газовая колонка, отбрасывая бордовые и голубые сполохи на выщербленную поверхность дореволюционного эмалированного чугунного корыта. Трубы утопали в паучьей темноте, которую едва размывала засиженная мухами желтая лампа. Она старательно и аккуратно смыла следы мороженого, застирала все, прошлепала по длинному и темному коммунальному коридору. В комнате у Валентины, в сизых клубах табачного дыма, сидели их сокурсники – кто знакомый, кто – нет. Кто-то играл в карты, кто-то – пил пиво. На сломанном телевизоре с висящими проводками и детальками стояла Валина гордость – японский музыкальный центр с яркими огоньками и блестящими ручками. Компания слушала хорошую музыку, но Она была сосредоточена на том, как бы побыстрее просушить юбку и уйти.

Она вышла на балкон, занавешенный рядами высыхающего белья на серых с узелками веревках, протолкалась к первому ряду, прямо к перилам. Повесила юбку так, чтобы на влажный бок попадало побольше солнца. Потом, опершись о перила балкона, стала смотреть вниз. Дерево на перилах было изъедено временем, водой и ветром, оно стало серым, с выступающими жилками. Она гладила их пальцем, размышляя сколько же им лет. Явно, не меньше ста. И что же поменялось? Ветер так же, как и сто лет назад, крутил во дворе листья. Так же валялись на каменных плитах ленивые коты, голуби плели незамысловатые интриги вокруг хлебной корки.

Из благожелательного ступора ее вывел шлепок по попе. Она взвизгнула и лягнула обидчика сквозь висящие пододеяльники и простыни. В ответ послышалось только удивленное «Ой». Через мгновение рядом с ней возникла лохматая голова, которая, как ни странно, сказала «Извините, графиня!» и исчезла. Сохнувшее белье раздвинулось, и рядом с ней на перила уселся спиной к улице незнакомый парень. Обычный, нормальный, без пива. Лукаво глядя на нее серыми глазами с желтой

каймай, он улыбнулся. «Прости. Это я тебя перепутал. Только тут с Наташкой с третьего курили, и она была в этих тапках. Так я и подумал, что ты – она. Ну, она – ты. Вот. Извини. Вот. А я – Сергей. С автоматика. А ты кто? Ну и штАни у тебя. Вся Пересыпь²² обзавидуется. Ой.» Все это было произнесено на одном дыхании. Он замолк в ожидании ответа.

Она знала, что нужно что-то сказать, даже в голове крутилось пара дежурных фраз, но не могла открыть рта. Она судорожно сжала перила и смотрела на него. На глаза. Осеннее солнце сыграло злую шутку – оно решило поселиться в этой желтой кайме вокруг серого фона. Солнце распалось на искры, они плодились и окутывали лицо сидящего на перилах, заполняли пространство вокруг лица и волнами накатывали на нее. Она уже ничего не видела кроме этих глаз, которые успели изменить выражение с лукавого на удивленное. Глаза заполнили все вокруг и затопили ее изнутри.

Они просидели почти всю ночь на теплых камнях Потемкинской²³ лестницы. Когда ее начал бить озноб, Сережа стянул с себя футболку и одел ее поверх блузки. Они молчали. Слова или закончились или вовсе не начинались, но мир выполнил свое обещание. Все изменилось. И Она побелевшими пальцами все сжимала его ладонь.

Ожидание

Она очень любит ждать Сереженьку. Ведь это так здорово! Ну и что, что осень уже. Прекрасное, кстати, время года. Жаль, что только вот зонтик забыл. Ну да ладно. Вынимает и кладет глаженную байковую рубашку на кровать, выглядывает в окно. Идет на кухню, где уже закипает чайник. Две чашки – на стол. Блюдце с горьким темным медом придиричиво осмотрено на предмет утопших представителей фауны и флоры. Шипящий

²² Старый район Одессы

²³ Лестница от памятника Графу Ришелье до Морского вокзала

кипяток вливается в большой заварной чайник с золотистыми сухими липовыми гроздьями. Смотрит, как распрямляются лепестки, набухают соцветия. А листик на черенке напоминает крыло большой стрекозы – почти такой же прозрачный, с тонкими жилками. Аромат липы заполняет кухню. Она садится на табурет и смотрит в окно. Скрипнули ступеньки лестницы, она поднимается и идет к двери. Ей не нужно ждать звонка – Она знает, когда надо открыть дверь. И еще ни разу ни ошиблась. Сереженька, в бесконечно очередной раз удивленный, стоит улыбаясь на лестничной площадке. Мокрые волосы, на кончике носа – капля. Делает шаг.

Сон

Она всегда засыпает одинаково: забрасывает левую ногу на спящего Сереженьку (он всегда первый засыпает), потом начинает его потихоньку подгрести, обхватывает за плечи, утыкается носом в плечо. Долго и тихо лежит, приюживаясь к этому необыкновенному родному запаху. По идее – мужик он и есть мужик. И коню понятно, чем он пахнет. Она улыбается. При чем тут конь? Она, кстати, каталась на коне в парке Победы. Пах он потом, навозом и исходил от него горячий животный дух. Сильный и свободный. А Сереженька пахнет не так. Она не могла объяснить ни ему, ни себе природу этого запаха. Скорее всего, он пах домом. Чем-то необыкновенно близким, теплым, запах был овальной формы, гладкий, хотя – чуть шероховатый по бокам. Немного табака, немного пота, немного пыли, немного лета, немного соли, немного суетливой улицы и спокойной травы. А другой запах пота Она не любила. Но он пах не так, как в троллейбусе. Нет, что вы! Это был очень специальный запах, да и вкус совсем другой. Она-то знает, какой... Это как если летним утром заняться любовью, то ты покрываешься сладким быстрым потом, в очередной раз, умирая от этого

необыкновенного нечто. Она часто думает, как так получилось, что им так хорошо делать это.

Слово «секс» - абсолютно не приемлемо, оно отвратительно и по форме и по содержанию. Заниматься любовью? Тоже не то. Любовь это не та штука, которой можно заниматься. Остальные, более вульгарные эпитеты Она гневно отбрасывала из-за сальной пошлости и чесночной отвратительности содержания. Более всего подходило украинское слова «кохаться». Но и оно не совсем соответствовало тому, что с Ней происходило. Странно, откуда у нее все это? И как это все происходит? И что это значит? Как так получается, что в какой-то момент на нее накатывает мутная горячая волна, которая слизывает ее из этого мира, уносит неизвестно куда, раскачивает и бросает, взрывается судорогами в животе, растекаясь огненными мурашками по телу? Почему она отзывается в каждой клетке тела, а руки и ноги становятся мягкими, и спазм за спазмом это неопишное выплескивается снова и снова внутрь Нее, разливаясь внутри глаз цветным туманом? Потом это самое «оно» постепенно освобождает Ее, выпускает из цепких лап, но стоит Сереженьке хоть на мгновенье прикоснуться к ней, «оно» снова возвращается душной и сладкой волной. Она никогда не могла объяснить ему толком, что именно Она чувствует. Нет таких слов. Хотя, снова и снова спрашивал – как это? Он не понимал. Мужская и женская природа в этой ситуации уж очень сильно отличаются.

Она все не спит. За притихшим окном легонько простучали капли дождя. Она прислушалась. Не зря вечером было так душно. Рокот далекого грома вспугнул ее кружащиеся мысли, и она вздрогнула. Сереженька вздохнул во сне, повернулся на бок и обхватил ее рукой. Она прижалась к горячему, немного влажному боку и отпустила себя. Дождь все сильнее тарабанил по крыше и ржавому карнизу, из приоткрытого окна сначала пришел запах мокрой пыли и тополиной горечи. А потом долгожданная свежесть майской ночи вошла в комнату.

Утро

Она любит наблюдать, как просыпается Сереженька. Она четко видит спит он или нет. Дыхание, положение тела, еще какие-то детали показывают ей, что он сейчас делает – просто валяется или еще спит. Или уже просыпается. Он – как путешественник. Выскакивая из мира сна, слабо понимает, что с ним приключилось. Он поворачивает голову и смотрит на Нее странным птичьим взглядом. Обычно серые глаза с узкой желтовато-коричневатой каемочкой и черным отверстием зрачка становятся как бы кусочками янтаря, мутно желтыми, совиными, с огромным зрачком. И выражение его лица сначала удивленное, меняется на немного смущенное и довольное. Она обнимает его. Шепчет: «Совушка-сова, золотая голова...». Утром Она всегда называет его «совушкой». Он и правда похож на здоровенную сову, по ошибке залетевшую в чужой лес. Но это – не правда. Эта сова тут, потому, что именно тут ее главное место. Она снова обнимает его, соскальзывает с кровати и шлепает босыми ногами по солнечным квадратам на полу. Сереженька сидит на кровати и смотрит ей в след, крайне довольный этим ежеутренним зрелищем. Она знает, что он пойдет на балкон курить и будет рассматривать свои фиалки. Почему-то он их ужасно полюбил. Весной Она принесла четыре листика на расплод с работы. Они быстро пустили корешки в майонезной банке и, буквально за три недели, зацвели. Так не бывает, но так произошло. Он любит гладить мохнатые толстые листья, рассматривает синие цветы. Они ему нравятся.

Армия

Необыкновенно цельная картина мира лопнула перегретым стеклом. Осколки скрипели под ногами, рвали тело, расчленили мысли на кровоточащие, дрожащие кусочки. Какая армия? Куда? Нет! Нет! Не он! Не мы! Как, в воскресенье? Нет!

Она сидела в душном коридоре на казенном откидном кресле с потными дерматиновым сиденьем. Она ждала приема. Пол выкрашен коричневым, стены – грязно-зеленым. Она была предельно собрана.

Разговор ничего не дал. Кислый запах военщины, грязнолицый майор с потными руками. Мутный графин и стакан. Внутренне окаменев от ощущения неминуемой беды, Она ковыляла на негнущихся ногах домой. Несколько дней пролетели одним траурным бессвязным мазком. Их отправляли с автовокзала в Киев. Почему не поездом – так никто и не смог объяснить. Она стояла в луже промокшими ногами и смотрела на запотевшее изнутри стекло старого ЛАЗа. Он был за этим окном. Сначала на стекле появились две точки, потом они начали двигаться параллельно и через мгновение на стекле было два сердечка, переплетающихся боками. Сбоку ладонь вытерла себе небольшое окошечко, и Она увидела внимательные Сережины глаза. Веселенькие сердечки не вязались с этим тяжелым усталым взглядом. Но Она не обратила на это внимания. Она заулыбалась сквозь хлынувшие слезы. Через минуту она рыдала и страшно заходила в кашле от сизого дыма, оставшегося на месте большого ржавого автобуса.

Знание

Весь двор завален мокрыми листьями тополя и клена. Она стоит в этой желто-красной каше и смотрит на сияющее бирюзой небо, перечеркнутое проводами и пролетающими птицами. Она не знает, что и думать. Месячные должны были начаться неделю назад, а цикл у нее никогда не сбивался. Неужели? Неужели у нее вот тут, внутри, уже есть то, ради чего она готова была на все? Господи... Неужто... Да быть не может... Что же делать? Голова кругом. Ее бросило в жар. Она уже начинает понимать, что теперь она не одна, а их двое. Наверно. Господи! Жар переплавился в тепло,

перехватило дыхание и захотелось бежать по этим листьям, разбрасывая их комьями, смеяться, пить сладкий чай, греться под пледом, читать умные книги и жечь ночь напролет настольную лампу с зеленым абажуром. Теперь практически все стало на места. Вот радость-то! Ах, что будет, когда Она скажет Сереженьке! Господи! Несколько дней она, тем не менее, терпеливо ждала начала месячных. Но, при этом в голове крутилась одна мысль – «Не надо! Не начинайтесь!». Тайное знание заполнило ее, она делила его на красивые, пестрые куски, думая, какой же из них подарить Сереженьке. С чего начать, что сказать такого, чтобы он понял, насколько ЭТО важно для нее, сколь велика именно его роль, любимого и необыкновенно дорогого ее мужчины, в том что случилось, в том как все будет сейчас и как будет потом. Мысли неслись кувырком. Она пузырилась от этого величайшего секрета полишинеля, как море под майским ливнем, и в субботу, наконец, не выдержала и разрыдалась сладчайшими слезами на шее у Сереженьки.

Болезнь

Она зло смотрит на свою левую ногу. Косточки не видно. И кожа стала на стопе змеиной, шероховатой. Нажимаешь пальцем – получается ямочка. И исчезает она не сразу. Гестоз. Она панически не хотела ложиться на сохранение. Она знала, что выходит сама, без этих скотов от медицины, готовых ее запереть в этот вонючий склеп, только для выполнения их сумасшедшей «схемы» лечения. Паника отступала, она снова принималась за справочники и литературу, перечитывала симптомы, методики лечения. Пыталась понять, что именно нарушилось в ее молодом и сильном теле, что с этим делать и как быть здоровой. Сереженька все время подсовывал ей стул с пледом под ноги, чтоб отеки немного уходили, вместе с ней ел овсянку на воде и жидкий несладкий чай. Приносил какие-то

травяные сборы, был все время рядом. Сколько мог – столько был. Ночь она иногда замечала, что он не спит. Успокаивала его. Ну и себя – тоже.

Больница

В середине июня, во влажную приморскую жару их двора, въехал «рафик» скорой помощи, и она, опираясь на Сереженькину влажную руку, тяжело спустилась по лестнице к машине. На нос прицепилась пушинка от тополя. Этот летний снег вертелся у колес машины, медленно оседая у въезда во двор. Все было заранее собрано в клетчатую сумку. Она уже не переживала. Чесался нос, и что-то было с губами. Обуть она смогла только Сереженькины домашние тапки. Дежурный врач попер на нее матом – типа предвестники во все лицо! А она! Дура! Да ты щас родишь мне в коридоре и сдохнешь! И воды не отошли! Вялые волны сокращений прокатились внутри живота и исчезли. Она была абсолютно спокойна. Ей было плевать на этого сизого доктора. Она знала, что родит. Но и на пятый день родовая деятельность не началась. Она согласилась на стимуляцию. Уж очень она устала. От духоты в палате, идиотских дур на соседних койках, жравших копченых кур и блевавших после этого в туалете в конце коридора. От врачей, от пота, застывшего глаза, от всего. Она хотела освободиться от бремени.

После наркоза ей было ужасно плохо и жарко, она так толком и не рассмотрела сизо-белый комоч, который назывался «девочка». Провалившись в мутную, движущуюся темноту, она долго падала, и ей было очень плохо. И там не было Сереженьки. Она звала, но голоса не хватало, и нечем было дышать. На утро она пришла в себя с перевязанным, очень больным животом, лопнувшими губами, засохшим горлом, без сил и мыслей. Ей все еще было плохо – это у вас индивидуальная реакция на промедол, сказала пожилая медсестра. Она подала ей мокрую

ватку – смочить губы, ушла и вернулась через несколько минут с небольшим свертком. Он пошевелился и тихонько запищал. Она во все глаза, забыв о боли и остальных досадных неудобствах, смотрела на микроскопический носик, сжатые губки и мутные белесые глаза на безбровом лице. Сонечка – это была она. Никаких сомнений. Она протянула руки и осторожно взяла сверток, прижала его к себе, закрыв глаза, повторяла: «Здравствуй милая, Сонечка родная, наконец-то, здравствуй, милая». Потом прибежал Сереженька, принес какую-то ненужную еду, забрал кровавый ком ночнушки, трусы, отдал постиранное и поглаженное, что-то сунул медсестре. Перед уходом расцеловал ее, но она почти не обратила на это внимания. Она ждала, когда же Сонечка снова придет к ней. И она пришла. Потом появилось молозиво, и за день до ухода из роддома хлынуло молоко. Колесо завертелось и понеслось.

Лужа

Ливень смыл пыль с асфальта и залил его небом. Оно сияло и переливалось, скапливалось в лужах, вздрагивало от легкого ветерка и неосторожных суетливых воробьев, решивших наконец-то напиться. Сонечка радостно подпрыгивала и что-то лепетала в коридоре, шуршала чем-то. Радостные ее крики возвестили торжественный момент передачи новых лимонно-желтых резиновых сапожек для маленьких лапок. Чтоб не мокли. Чтоб далеко видно было. Ну и для красоты. Сереженька на лету придумал сказку про желтый сапожок, и их шаги дробью ссыпались по лестнице во двор. Она смотрела из окна как они вышли из парадного, за руку обошли огромную лужу и остановились в середине двора. Сонечка забрела в глубокую лужу и что-то щебетала Сереженьке. Она с ужасом увидела, как он спокойно зашел в ту же лужу (а воды-то – по щиколотку!) и остановился рядом с дочкой. Они взялись за руки. О чем-то пошептались и, кошмар!, подпрыгнули вместе поднимая фонтан

брызг. Она дернула ручку окна на себя, собираясь всыпать им под первое число, но окно не поддавалось. А вместо рассерженности пришел смех. Она осела на табурет и смеялась до слез. И, несмотря на этих, ее любимых зайцев, которые сейчас по уши в воде – чистить и стирать-то кто будет!, она была счастлива. Полностью и бесповоротно, навсегда и бесконечно. Как море. Как небо. Как любовь, которая одна на всех и одна для всех.

Лето навсегда

Хотя, после этого дня прошли годы, начались и оборвались миллионы жизней, погасли и зажглись триллионы звезд, - все только начиналось. И, несмотря на то, что секундная стрелка так и не сдвинулась с места, капля пломбира еще висит в воздухе, все – уже начинается. Необыкновенная, счастливая, сияющая Она, которая может стать тобой, легко ступая в парусиновых туфлях по горячим камням во дворе, несет пахучую мохнатую малину, свежий творог и домашнюю сметану для Сонечки.

Лето пришло.

Что ты сделаешь, если идущий рядом человек шагает в открытый люк? Ты оттолкнешь его в безопасную сторону или будешь считать происходящее лишь частью биологического отбора?

Дарвинизм

- Ты-то хоть понимаешь?

- Ясное дело, конечно да.

- Так вот, я не собираюсь их поправлять, я не буду гонять их детей, не буду никаких делать ни замечаний, ни советов давать.

- погоди, ну если ребенок по недосмотру или по глупости, отсиживает задницу на холодных ступеньках, или там что-то опасное делает, ты, разве, не остановишь? Я считаю, что если ты видишь, как кто-то шагает в открытый канализационный люк, просто необходимо помочь, необходимо остановить. И это правильно!

- Ты меня не понял. Объясняю еще раз. Чем хуже будут они – тем лучше нашим детям. Пусть они высидивают себе будущие простатиты, пусть высидивают циститы и бесплодие! Пусть они не учат ничего в школе! Пусть! Пусть жрут жареное сало хоть с пеленок, убивают поджелудочную с печенью, пусть покрываются коростой от аллергии! Пусть! Нам будет больше места! Именно нашим детям будет больше шансов и лучшего выбора, больше места! Пусть они их жалеют, пусть они ни черта не читают, пусть заикаются и говорят через букву! Пускай! А я сделаю все, как надо. И наши дети будут и чистые, и умные, и говорить, и писать, и считать... Они будут готовы занять лучшее место. Почему ты говоришь, что это отвратительно?

Возможно решительно все. Только герой не сможет пойти с вами. Почему? Все просто...

Жаль

Я всегда вам рад. Я такой родился. Мне легко и весело жить, и я рад этому. Я рад тому, что могу встретить вас. И не только встретить – и проводить тоже. Ведь вы еще придете? Спасибо. Буду ждать.

Я рад всему. И, прежде всего, рад окружающему миру. Ведь он так красив и необыкновенно прекрасен, в нем бесконечное количество очень разных, интересных существ, событий и вещей. И мне это нравится. Все нравится. И облака, и солнце, и лес, и вы – каждый из вас. Я могу подать вам руку. Улыбнуться, пропустить вас, если вы спешите. Или поболтать с вами, если есть время. Еще мне нравится то, что у меня есть возможность видеть и чувствовать вас. Ведь это так важно! Если бы я не мог видеть и чувствовать, то, как бы я смог общаться с вами? Никак. И это было бы совершенно ужасно. Просто катастрофа была бы. А так – у меня есть вы, у вас – я, который всегда делает свою работу, который вам рад, который будет рядом.

Единственное, чего мне жаль – что я никак не могу пойти с вами. Почему? Все очень просто: я – дверь.

Я нашел то, что так долго искал. Краткий миг понимания свершившегося чуда.

Стекаю

Вместе убегаем из офиса под невнятным предлогом. Ей нравится ехать в моей машине с открытым люком. Мне нравится ее везти. Курим, в магнитофоне кто-то поет - похоже «Крематорий». Сухой конец осени. Проезжаем через город, и я сворачиваю на окружную. Тормозим возле горящей всеми цветами лиственной рощи. Идем туда, болтая о том, о сём. Гребу сухие опавшие листья ногами, внутри и вокруг звенящая пустота, так хорошо, непозволительно, невозможно хорошо. Она решила научить меня делать «двойного человека» и становится спиной ко мне. Я обнимаю ее, и мы, шагая в ногу, циркачим в лесу. Запах волос. Спортивный орифлеймовский тоник. Она мне что-то толкует о психологии, Козлове, обещает принести книжку. Я слушаю и млею. От внимания, от растущего внутри понимая свершенности события, медленно стекаю сквозь листья, траву, мох, в темную прохладу земли.

«Неужели», - думаю я.

Взгляд под другим углом. Вы можете увидеть себя, глядя изнутри зеркала?

Суицид

- Я так не могу жить. Как страшно видеть, как они умирают.

- Почему это тебя так задевает?

- Такие молодые, красивые, полные жизни - рождаются и тут же умирают! Это же невозможно! Вот, смотри, напортив тебя какая необыкновенная девушка! И - шаг в сторону... О, Боже... Она умерла...

- Ну и что? Я уже привык.

- А я - нет!

В примерочной супермаркета рассыпалось вдребезги зеркало.

Королевский жребий брошен. И жребий, так или иначе, найдет свою жертву, виновна она или нет - значения не имеет.

Можно?

Прожилки на дверной доске складывались странно, то ли в руны, то ли в рисунок неясного содержания. Солнце пригревало, а он уже которую минуту держал поднятой руку, но так и не мог коснуться колокольца. Рядом во дворах что-то гулко упало, спровоцировав испуг и касание позеленевшей бронзы. Колокольчик отозвался необычайно мелодично и звонко. Мужчина склонил голову, присушиваясь к звуку. Пот градом катился по лицу, сжатый кулак левой руки побелел от напряжения. Резко и без скрипа дверь отворилась внутрь. Из полумрака на раннего гостя подслеповато смотрел пожилой стражник. Гость спросил:

- Можно?

- Да, конечно, проходите. Вы... Вы пришли по указу Короля? Извините, я должен спросить, а то может соль, знаете, закончилась...

- Да, по указу. Ничего, бывает. Куда мне?

- Сейчас старший подойдет, а пока - присядьте, вот хлеб, вот и вино.

- Благодарю, утром не пью.

- Ничего-ничего... Ешьте, хотя... У вас инструкция с собой?

- Да. Вот.

Стражник развернул засаленный клочок бумаги.

- Ага, вижу, восьмой дом, ага... И это... Да, вы молодец, молодец... И вообще, вашей смелости нам только завидовать, одно дело - в бою, а другое - как вы... А можно вас спросить?

- Валяйте!

- Почему, скажите, вы решились?

- Вы же понимаете... Очень страшно, невыносимо страшно... А у меня беременная старшая и сын... А три месяца назад жена шла по улице и... Ну ее нашел королевский жребий... Вы же помните!

- Вот тогда?

- Да!

- Жена?

- Да!

- Помилуй нас всех...

- А вчера жребий был брошен, но не нашел цели... И если он бы снова на моих... На дочь... Ну, вы понимаете... Вот я и пришел. Все дела закончил... Они не знают...

- Святой Франциск!

В комнату вошел еще один стражник.

- Вы по указу?

- Да.

- Все у вас готово?

- Да.

- Король благодарит вас за признание. Ваши ближайшие родственники будут освобождены от каторжных работ пожизненно. Поиски преступника будут продолжены без применения жребия и вашей семье будет выдан продовольственный запас. Вам лучше пшеницей или овсом?

- Овсом.

- Как скажете. Вы готовы? Тогда идемте... Вот, сюда, по лесенке... Проходите, осторожно, тут притолока такая... Ага... Вот и пришли. Присаживайтесь... А я все прочитаю... Так... По указу нашего... Да ну... Года такого-то... Принявший жребий добровольно приговаривается... Путем отсечения головы. К смерти. Проходите на эшафот...

Закономерный итог для каждого участника маленькой драмы, персональной трагедии... Покупка, она всегда - лишь покупка.

Да хранит нас Бог!

- Господин Министр, с Вашего разрешения, оставляю в приемной документы на подпись.

- Благодарю. Я займусь ими, как только найдется время.

Коренастый, полный мужчина смотрит в окно на парк. Идеальный парк.

- Господин Министр, с Вами желает побеседовать руководитель шестой службы. Соединить?

- Да, Марина Сергеевна. Соединяйте.

- Да, слушаю.

- Привет, Дэн.

- Привет, Черный.

- Новости. И новости не самые приятные. Она снова сорвалась.

- Что? Черт, когда?

- Звонил декан факультета. Ее привезла полиция, отпустили, конечно, попросили никого не писать об этом. Мы снова оплатили все счета. Но, есть деталь.

- Какая?

- Вес. С нею был вес.

- Сколько?

- Двенадцать грамм.

- Черт. Это у них десять лет тюрьмы! Откуда эта скотина притащила эту дрянь?!

Коренастый взбешен. Размахивает левой рукой. Лицо побагровело.

- Дэн, я сделаю все, что смогу.

- Черт бы тебя побрал с такими новостями, Сережа!
Делай!

- Ну, о выполнении доложу. Как положено.

- Принято.

Тот, которого называли Дэном, снова смотрит в окно. Идеально стриженный газон. Кустарник в форме геометрических фигур, клумбы сортов цветов, вековые деревья. Он проводит ладонью по кромке рабочего стола. Ручная работа. Орех. Смотрит на часы. Скоро. Уже скоро.

- Господин Министр, прошу проще...

- Позже, позже! Через час!

- Благодарю.

Краснота сошла с лица. Злость внутри. Давняя, старая злость, которая минуту за минутой становится сильнее. Всегда боролся, всегда – «до последнего патрона». Цель оправдывает средства, даже если надо ради дела юлить и врать, предавать и уничтожать оппонента. Унижаться или унижать. Уничтожать чью-то карьеру, да и не только. Черт, черт, черт! Он всегда шел к великой, величайшей цели, он шел для нее! Чтобы она видела! Чтобы она оценила! Чтобы она поняла, наконец, что это сделал он! Она, она, она, она! Разве он не вырвался из этого чертового болота, вонючего, пахнущего жареным луком и плесенью полтавского болота? Он! Разве не он стал ключевым сотрудником МИДа? Разве не он вытащил ее, у которой ни кола, ни двора, во Францию? Нет, сначала, он ее убедил, упрямил, умолил, уговорил, уболтал выйти замуж. Со второго раза это так получилось. И после этого все временно пошло кувырком, потом, через пару-тройку лет, все снова вернулось к норме. Черт, к той норме, которую он считал нормой. Покойная мать говорила, говорила же... Новые и новые посты, новые и новые страны, работа, работа, работа. А что еще? Как еще ему было заработать на шикарную квартиру в центре? Ей же надо было, черт, как он думал эту чертову квартиру в центре! Взятки брать нельзя, иначе – подставят, уничтожат, такие же, как и он – сровняют с землей! Черт, черт, черт... А была радость, радость

того, что он сможет, что сможет показать и сделать, доказать, сможет быть с дочерью, любимой, маленькой. Той, которая, радуется ему, так забавно обнимает, чирикает на своем детском языке. Как они гуляли по Елисейским полям, какая была красота! Он шел, а рядом шла его семья – его жена, его дочь. Но, не было сына. Сын должен был родиться, но она выбросила его. Она не дала ему родиться... С этого момента черная злоба копилась на дне, там, где череп соединяется с шеей, там она лежала черным озерцом, ждала, ждала этого дня. Годы жизни, годы тяжкого труда, опасного труда, годы боли и радости.

Он смотрит на парк. Все уже было, все сделано. Все готово. Все, что только может быть у человека, у семьи, его семьи. Все... Что же теперь? Что же теперь. Как же теперь? Зачем же теперь?

- Господин Министр, прошу прощения, это срочно...

- Позже, через час звони, Гурген.

- Так точно, Господин Министр!

Мельком, взгляд на часы. Десять минут. Золото и бриллианты. Стрелка ползет очень медленно. Еле ползет. Еле ползет... Все готово, давно готово. И он сделает это. Последний шаг. Перед чем? Или после чего? Борьба стала отдельной частью его натуры, интрига, розыгрыш партии, одновременная игра на трех, нет, - на ста столах! Могу! Могу! И сделаю! Пусть знают! Пусть знает!

А она не хочет знать. Вчера она сказала. Просто не хочет знать. И плевать на все хотела. Какого черта?! Столько сил, денег, работы! Сил – потрачено, денег – вложено, работы – сделано! И давно плевать? Ответ поразил – всегда. Как это - всегда? И тут еще эта чертовка, второй раз, залетает с наркотой! Сколько раз говорил, пугал, умолял, запирали в больницы, все... Все сделал, все что мог... и теперь – снова. Она его предала. Они его предают. В самый важный момент. Его и их жизни. Неужели, всегда рядом были предатели? Тихие саботажники? Неужели, они сидели рядом за столом? За Рождественским ужином?

В Новый Год? Неужели рядом стояли двое безразличных, которым плевать на него, его усилия, работу, цели? Не может быть! Если поверить в это, надо поверить в то, что его жизнь пошла коту под хвост. Под засранный, вонючий хвост плешивого дохлого кота. Этого быть не может! Целью жизни не может быть осознание того, что она прошла впустую. А если и так? Нет, не так. А если так? Если все, что он делал было не нужно? Ведь ей не нравились ни духи, ни друзья, ни праздники в их кругу. Если все – лишь легковесная болтовня? Ведь она всегда уходила от ответа на вопрос о чувствах, о ее чувствах, всегда быстро уходила от темы. Если это не кокетство? Если это изначальная позиция? Ведь то, что она когда-то еще готовила еду дома, не значит ничего. Просто люди обычно едят. Еду. Просто едят, а не ради кого-то едят... Черт, черт, черт... Неужели? Неужели, за вечной, тяжелой работой, которая так нужна ему, которая предназначена для нее, он недосмотрел? Рядом с собой недосмотрел... Сколько лет... Боже, спаси и сохрани... Тогда, в чем смысл? В чем смысл всего сделанного? Просто в развлечении? Нет, не может быть. Во всем есть цель, во всем есть смысл. А во мне, что, его нет? Есть! И во всем времени, годах жизни – тоже есть! Ведь он же стал тем, кем хотел! Первым! И тут уж нет разницы, для нее или не для нее. Он сумел сделать все, и рядом с ним всегда была женщина, которую он любит. И работа. И семья. И счастье. Пусть часть этого – обман. Пусть. Но, он не позволит никому, никому, ни одной сволочи, испортить построенное таким трудом! Никогда!

Он вышел в коридор, и, пройдя по персидскому ковру ручной работы, сам открыл центральную дверь. Охрана на месте, журналисты тоже. Отлично.

- Добрый день, Господа!

В ответ защелкали камеры. Он мягко смотрел на собравшихся. Журналист с микрофоном ВВС вопросительно посмотрел на него.

- Спрашивайте, не стесняйтесь, Господин Меньшиков!

- Господин Министр, проинформируйте, пожалуйста, нас о Вашем решении.

- Благодарю. Да, я принял решение. Безусловно, был ряд обстоятельств, которые не могли не сказаться на принятии этого судьбоносного решения. Прежде всего – моя семья. Я, как вы знаете, долго нахожусь на государственной службе. Зачастую, это требует значительного времени и трудозатрат, а мне хотелось всегда чаще быть вместе со своей супругой и дочерью. Уделять им больше внимания, прикладывая больше сил к поддержанию атмосферы любви и счастья, которой я, слава Богу, окружен уже много лет. И последний разговор с супругой, состоявшийся вчера поздно ночью, не только чрезвычайно помог мне, но и оказал мне необычайную поддержку. Наше семейное счастье, по мнению моей супруги, неразрывно связано с жизнью нашего народа, нашей страны. И моя семья готова меня поддержать во всех начинаниях. Размышляя над этими, воистину, великодушными словами супруги, я принял окончательное решение. Да, я готов баллотироваться на пост Президента. Моя партия завтра же начнет сбор подписей для выдвижения моей кандидатуры и подачи документов в избирательную комиссию. Я уверен в том, что пройдя все преграды, я смогу добиться для нашего народа лучшей судьбы. Той, которую он исторически заслуживает, той, которая ему предназначена.

- Господин Министр, скажите, а какова позиция Вашей дочери?

- Благодарю... Позиция чрезвычайно позитивная. Татьяна вчера сообщила, что решила прервать учебу и вернуться домой с целью поддержки семьи. И я за это ей очень благодарен. Теперь, прошу меня извинить. Есть огромное количество неотложных государственных дел, а по всем предвыборным вопросам можете обращаться в мой пресс-центр. Спасибо и до скорой встречи! Да хранит нас Бог!

Зачем идти на костер, если можно было бы «договориться», тихим позорным путем избежать пытки и смерти? Но... Преступнику без имени зачем-то это надо...

Зачем?

- Ты понимаешь, что тебя будут пытаться?

- Да! – заорал он и плюнул мне в лицо. Я несильно ударил худого арестанта, даже зуба не выбил, и пошел на доклад.

- Господин офицер, тут один из завтрашних решил показания изменить.

- А когда мы его сжигаем?

- Утром. К третьему колоколу зажигаем костер.

- Что-то серьезное? Или так?

- Господин офицер, серьезное. Покушение. Разработка покушения.

- Тогда давай по процедуре. Зови палача. И инструмент пусть захватит.

- Исполняю, Господин офицер.

Со вторым колоколом мы сложили дрова вокруг столба, рассовали солому, кое-где полили маслом, проверили все, и я отправил караульного за преступником. Вышел Господин офицер. Покосился на меня. И спросил:

- Зачем ему?

Я пожал плечами: - Не знаю, Господин офицер.

Он повернул голову и скомандовал: - Введите преступника!

Да... Наш палач постарался, молодец он. Мужичок превратился в кровавое месиво, без части волос и кожи на голове, без глаза, пустой окровавленный рот без зубов. Еще он ему сломал руку и ногу. Стражники поволокли это страшилище привязывать к столбу, обложенному дровами и сеном. А Господин офицер начал читать Указ.

- Добрейший и всемилостивый Король повелевает казнить путем сожжения на костре государственного коронопреступника ... - Он обернулся ко мне. – Как его?

Я пожал плечами:

– Похоже, Сухич. А может Рухич. Мы не разобрались.

Господин офицер отвернулся и продолжил:

- Преступника без имени, покусившегося на святое – на Принцессу, разработав коварный план ее смертоубийства. Зажигай, ребята!

Огонь весело вспыхнул. Через треск соломы и рев пламени мы услышали хрип: - Убить Принце...

Господин офицер взял меня за руку и повел к казармам.

- Слушай, старший смены, вот не могу понять зачем? Зачем ему это было надо – Указ, пытки, костер...

- Господин офицер, думаю, для него было важно именно «зачем». Ведь есть разница идти на костер за покушение на Принцессу или за кражу буханки хлеба. В его случае – половины буханки.

Обучающий процесс

*«Любое учебное занятие обязано быть построенным с соблюдением основных задач педагогического процесса. Задачи бывают обучающие, развивающие и воспитательные. Каждое занятие должно включать в себя эти три элемента»
Из служебной инструкции Министерства Образования*

Вернувшись из дальнего похода, величественный хан Марун собрал ближайших своих подданных и молвил:

- Видел я в дальней стране чудо. Это чудо великолепнее ночного небосвода, краше тела девственницы, легче крыла залетней бабочки и индийского шелка. Это чудо – сад.

Все подданные в недоумении переглянулись. Они сказали:

- О Великий, у тебя есть сад, улаждающий твой мудрый взор.

Хан помолчал и ответил:

- Этот сад, после увиденного мною, - куча гнилого хвороста и ошметков китайской бумаги. И я, величайший покоритель пяти холмов, гневный смерч, уносящий караваны врагов в пустоту ночи, могучий и непобедимый Морун, валялся в ногах у ничтожного обладателя волшебного сада. И упросил его за тысячу верблюдов и четыре каравана дани подарить мне росток. Вот он!

И хан бережно вынул из-за широкого пояса, усыпанного рубинами и жемчугами, сияющий шарик размером с грецкий орех.

- Тетушка Зо! Ты качала меня в колыбели, кормила и поила меня. Поручаю тебе выбор места для сада. Мой брат Грун! Тебе я поручаю выкопать лунку для этого зерна. Мой военачальник Грок! Тебе я поручаю набрать кувшин воды в ледниковом ручье в новолуние при свете звезд Бо и Ка. А тебе, моя любимая дочь Зель, тебе я поручаю уход за великолепным садом. Такова моя воля!

Хан вышел, оставив всех в раздумье. Но, они все - люди подневольные в этом лучшем из миров, и принялись за работу с известной настойчивостью и трудолюбием. Тетушка Зо выбрала место под холмом у дворца. Грун вырыл лунку. Грок набрал воду в нужный день. Сообщили о том хану. В сияющий вечер, когда небеса и барханы, были затянуты знойной пеленой, и дрожали очертания пяти холмов, сливаясь с небом, когда пустынная ящерица закончила свою песню, а во тьме великого колодца появилась первая звезда, хан осторожно опустил невероятное богатство во влажный песок. Грок передал хану кувшин с водой, которая всегда остается ледяной от света звезд Бо и Ка. И хан полил сияющее семя. Все постояли подле лунки, пока не закричала ночная птица Зрог. И ушли спать, так как время было позднее.

Юной Зель не давало покоя знание о том, что там, за окном, может произойти без ее участия что-то волшебное. Она еще не видела волшебства, если не принимать во внимание глотателя мечей, которого казнили в прошлом году у дворцовых ворот. Таясь от всех, она прошла мимо стражи и оказалась у места под холмом. Однако она не увидела там ничего примечательного – ни ростка в свете луны, ни листка на песке. Она подумала удрученно:

- Обман.

Отвернувшись, она пошла к дворцу. Вдруг она услышала тихую музыку и шорох за спиной. Музыка была ей незнакома, но ее ноты притягивали не только ее внимание, но, казалось, и ее тело. Она обернулась – и обомлела от священного ужаса. На месте лунки медленно раскачивался столб огня. Он грел, но не обжигал, он светил, но не слепил. Он тянул ее к себе, он пел ей. Не отдавая себе отчета, она шагнула к огню. Он охватил ее нежными лепестками, обнимая и лаская, поднял ввысь. Зель почувствовала, как внутри нее что-то лопнуло, взорвалось ответным огнем, и эти два огня слились воедино,

с ревом взмыли в черноту неба. Блистающее пламя медленно опустило Зель на песок, который сиял и рассыпался мириадами цветных искорок под ногами. Огонь сочился, лился, бурлил, внутри него поднимались и опадали невыразимой красоты цветы, в одно мгновение превращавшиеся из бутона в соцветье и опадающие белым пеплом, кружившим в воздухе и оседающем на ее смуглые плечи. Сад ожил – он ласкался, молил, требовал, просил, унижался, старался, рос, умирал, падал и возрождался, огонь то обжигал, то бросал в ледяную пропасть, тащил вверх, падал вместе с ней вниз. Он выкручивался, переворачивался, летел и стоял, рассыпал жемчуг у ее ног и тут же сжигал его. Он нависал над ней скалой, вертелся щенком у ног, ласкал груди как любовник, обнимал отцом за плечи. Огонь пел, читал стихи, молился, танцевал, несся, ждал, кричал от счастья и рыдал от боли. Зель перестала понимать, кто она и где находится, она отдалась этому безумному огню, краше которого нет ничего в мире. Растворившись в его безжалостно-нежной остроте, она стала искоркой, бесконечной пылающей пылинкой, несшейся по воле Небес в неотразимом жаре огненного водопада. Упиваясь нескончаемым наслаждением, в предчувствии чего-то неподвластного словам, необыкновенного и великого, Зель все настойчивее слышала шорох внутри себя. Шорох постепенно превратился в неразличимый шепот, он становился громче, настойчивее и требовательнее. И, наконец, она расслышала слова, обращенные к ней:

- Полей меня! Сейчас! Полей!

С огромным трудом она вырвалась из тисков наваждения, и ощутив рукой ледяной холод кувшина, освященного Бо и Ка, опрокинула его в огонь. В тот же миг огонь погас, над песком взвилось облачко пара. Сквозь шипение воды и шум ветра Зель расслышала угасающий шепот:

- Собой... Надо было полить собой...

Чудо лопнуло как мыльный пузырь. Зель стояла на ледяном ветру, в ужасе глядя на мертвое, как глаз дохлого барана, зерно.

Утром хан вместе с подданными вышел к саду. Осмотрев холодную лунку с бельмом зерна, он отвернулся и зашагал во дворец. Оглянувшись на подданных, он обронил:

- А где Зель?

Все трудолюбиво и настойчиво бросились искать дочь великого покорителя пяти холмов. И нашли ее на террасе, выходящей на мертвый сад. Зель стояла, руки ее были вытянуты вперед, то ли с мольбой, то ли в попытке кого-то удержать или обнять. Она была удивительно бела, и в тот момент, когда к ней прикоснулась рука тетушки Зо, фигура юной Зель обратилась в пепел. Он кружил, забывая глаза, стелился в ногах, взлетал ввысь, уносясь в пустоту утреннего неба. Перед тем, как тетушка Зо упала без чувств, она как бы услышала тихий шепот:

- Я поняла...

С тех пор от дворца осталось несколько камней да обломок ворот, кости великого хана столетиями полирует пустынный ветер. Но лунными ночами в свете звезд Бо и Ка над этими холмами можно увидеть хоровод из белого пепла.

- Вот такая история, чужеземец.

Старик поправляет тубетейку. Желтые пальцы мусолят потухший окурок. А звезда Бо отражается в пиале с остывшим чаем.

Что можно увидеть в коридоре детской поликлиники маленького городка? Санбюллетень на стене? И да, и нет.

Коридор

Узкий коридор детской поликлиники райцентра заканчивался окном в яблоневый сад. Сама поликлиника была старым одноэтажным зданием, построенным лет пятьдесят назад. А пахло в нем как в сельской хате, лишь с небольшой примесью запаха лекарств и чистоты. Возле окна, рядом с пеленальным столиком для грудничков, что напротив кабинета ЛОРа, стояла большая кадка с цветами и три стула. Обычно, в поликлинике очень много мамаш с крикливыми и сопливыми детьми, печальных бабушек и удивленно-перепуганных папаш. Сегодня людей было мало, в коридоре было тихо и уютно. Сквозь чистые стекла окна в коридор вливалось весеннее утро с кипящей пеной цветущих яблонь, а высокие сосны покачивались на легком ветру.

Окно захватывало все мое внешнее внимание, внутреннее же внимание блуждало между работой, необходимостью ехать на станцию техобслуживания, возможной поездкой в Минск, сообщением о плохой погоде у нас и, как ни странно, в Вашингтоне, и ежегодными прививками детям. Внешнее внимание отвлеклось на яркое пятно, появившееся напротив меня. Я сосредоточился и увидел маму и дочь – девочку лет четырнадцати, одетую в яркую блузку и голубые джинсы. Отметив про себя излишнюю полноту девочки, я продолжил наблюдения за цветущим садом. Однако, через пару минут, я почувствовал, что рядом происходит что-то, требующее максимального внимания. Я присмотрелся к девочке, осторожно касавшейся листьев цветов в кадке. Ее движения были очень плавными и осторожными, коснувшись листка, она замирала на мгновение, и снова трогала новый лист. Девочка

стояла ко мне спиной, достаточно нескладная, полноватая, волосы были уложены в очень сложную косу, и, по правде, она была одета просто идеально – все очень чистое, новое, идущее ей: и обувь и блуза. Она была одета со вкусом. Мама была достаточно обычной женщиной, по возрасту она, скорее всего, была около пятидесяти. Напоминала она офисного работника – начальника какого-то отдела в «Теплоэнерго» или «Электросети». Я не мог понять, почему эта пара меня привлекла – в них не было ничего необычного. Или было? Что же именно я почувствовал? И тут девочка повернулась в мою сторону, заставив меня невольно вздрогнуть внутри. Девочка была инвалидом детства. Так еще при Союзе собирательно называли всех «не нормальных» детей – и с ДЦП, и даунов, олигофренов с кретинами. Девочка была олигофреном. Короткие пальцы на маленьких ладошках, узкие плечи, характерная посадка глаз, форма лица... Такие люди отличаются от нас, они видят мир по-другому, они чувствуют мир не так. Они лишены многих отвратительных черт «нормальных» людей. И они не живут долго.

Девочка протянула руку к маме, еле слышно воркуя на своем птичьем наречии, и женщина протянула ей ладонь. Их руки соприкоснулись. В этом жесте было что-то неопишное, он граничил с движением руки Адама в сторону руки Бога на фреске Микеланджело в Соборе Святого Петра. Только была существенная разница. Касание рук мамы и дочери было более божественным движением, чем любой рисунок Микеланджело или Рафаэля. Тень счастья пробежала по двум лицам, их пальцы сплелись, снова разжались. Женщина снова, очень нежно и аккуратно, прикоснулась к ладони дочери. Та, в ответ, придвинулась в матери. И тут началось самое необыкновенное. В моем понимании, они сплелись в одно существо, они закутались в свою любовь. Они свернули свое внимание внутрь друг друга. Они стали едины.

Я понял, что делает мать. Она жадно глотала мгновения контакта с телом и душой дочери. И каждый глоток приносил ей невероятное счастье. А за этим счастьем стояла черная стена знания. Знания того, что осталось еще семь или десять лет до смерти ребенка. И она намерена положить весь остаток своей жизни, все силы, жизнь и здоровье всех окружающих, свою жизнь, абсолютно все, для того, чтобы ни один волосок ни упал с головы ее единственной и последней дочери. Потому, что детей у нее более не будет. И до того не было. Все внимание, все силы, все знания, все, что можно выжать из себя, весь мир, эта женщина, нежно касаясь своей дочери замершим от счастья и ужаса сердцем, осторожно положит в ждущие только ее маленькие ладошки.

А вот то, что произошло после этого, было совершенно невероятно. Я почувствовал, что девочка знает. Она знает, что умрет, она знает, что она не такая, знает больше, чем могла и хотела бы. И ее физические касания, которые бы не смог передать в краске и камне великий Микеланджело, касания ее тела ничего не значат по сравнению с ее касанием сердца. Она касалась матери своим раскрытым сердцем, она осознанно давала матери возможность отдать свою любовь.

Как помочь девочке? Бежать от нее? Или пойти навстречу жуткому существу? Как решить, с какой ты стороны - со стороны жизни или смерти?

Дженни

Могу только резюмировать – отличный был день. Просто замечательный. Суббота удалась на славу, да и воскресенье будет под стать. Так я думал, укладываясь спать вчерашним январским вечером. Работа закончена, все отчеты отправлены, прогнозы сделаны, и у меня начались, наконец-то, каникулы. Короткие, правда, но – самые настоящие каникулы. Воскресным ярким и звонким утром я, едва продрав глаза, поспешил на кухню, помыв руки, и поставил на слабый огонь, в подаренной Наташкой джезве, крепчайший кенийский кофе. И, пока он приходил в кондицию, забросил на сковороду три ломтя бекона, взял сыр, яйца с кукурузными желтками, и вдохновенно приступил к жарке яичницы. Кофе подкрадывался к медному краю египетской посудинки с фальшивыми фараонами на боках, он полз как партизан, он выпускал перед собою жирно поблескивавшую пену цвета и фактуры пористого черного шоколада, он намекал, что хотел бы остаться в этой посудине, а не на сияющей чистотой поверхности газовой плиты. И я решил ему помочь. Выключил газ в последний момент. Кофе сказал «уфф» и успокоился.

Солнце уже не ласково, а достаточно агрессивно, ломится в окно кухни, заставляя меня быстрее заканчивать рассмотрение кофейных узоров. Цветы на окне только рады такому фотонному удару, их резные листья уже заметно повернулись к стеклу. Мне всегда нравилось высаживать зимой осенние и летние уличные цветы. Вот, например, чернобривцы. Глядишь на снег за окном, на замерзшую гладь Днепра, а на подоконнике желто-орнжево-зеленое озерцо во всю его длину, и тебе

радостно. Даже когда идет снег, или ветрено и слякотно, я сижу и смотрю на цветы. И мне становится теплее. Ну, хватит болтать, пора в дорогу! У меня грандиозные планы на ближайшие дни! Главный пункт этого плана – моя поездка ко мне же на дачу. Все остальное будет происходить на даче. Что же? – спросите вы. Странно, а вы не знаете, чем я занимаюсь на отдыхе? Странно... Я же работаю... Сегодня я буду дописывать две начатые новеллы, приготовлю какие-то эскизы на завтра. И завтра, в понедельник, буду начинать новый рисунок. Есть несколько мыслей о сюжете и компоновке, и о цветовом решении. Но, увольте, не готов сейчас обсуждать. А вот о прозаических опытах скажу несколько слов. Пару лет назад я с трудом купил старую механическую печатную машинку, копирку пока еще продают, да и дешевая бумага пока в продаже есть. Ленту для машинки я подкрашиваю сам. Мне ужасно нравится процесс печатанья, старые приятные и четкие звуки, и запах бумаги нравится и запах копирки. Печатанье на машинке, тем более на таком древнем довоенном «Ундервуде», у которого круглые клавиши стоят на высоких черных стальных ножках, и хромированный рычаг перевода каретки с хрустом проворачивает черный каучуковый барабан, налагает дополнительную ответственность на «печатника». Нет орфографической проверки, нет стилистических подсказок, нет автопереноса, нет словаря синонимов и антонимов. Я нахожусь один на один со словом. Вернее, не так – я становлюсь скульптором, который из бумаги, копирки и оттисков стальных букв в разном порядке пытается склеить форму, ритм и чувства, ощущения, запахи, движения мысли, реакции тела. Пытаюсь создать куски себя, настоящего, не какого-нибудь там «сетевых персонажа» с упрощенными эмоциями и кастрированной душой конформиста. Хотя, не вижу ничего катастрофического в конформности личности. Вечный протест не всегда приводит к лучшим результатам. Вернее – всегда приводит к худшим. А мы, все-таки, в социуме

живем. Хотя этот самый социум построен крайне странным, хотя и эффективным образом, но пока особых альтернатив такой организации нет. Города Солнца и прочей белиберды не сумели доказать свою состоятельность, вот так и живем. Кстати, многие не довольны такой тяжелой судьбой и часто слышишь: «Не ту страну Гондурасом назвали». Смешные... Они-то в Гондурасе не были. Нашим только бы поумничать. И власть не та, и медицина, и образование, и дороги, и дети... Все не то и не так... Ну да ладно, мне эта болтовня не мешает и не помогает. Так что, полагаем, что все в самом замечательном порядке, и едем!

Дорога отнимает около полутора часов, я восторженно пляшусь на заснеженный лес. Ели и сосны машут мне лапами, сбрасывая с себя снежные шапки. Я, как обычно, ору окружающему миру: «Спасибо!», ору так, что закладывает уши. Я абсолютно уверен, что он слышит и понимает меня. А как иначе? Он же живой! Все вокруг дышит жизнью, оставляет следы, пытается расти – это верно и для сосульки, и для макового зернышка, и для лесной мохнатой мыши. И все вместе складывается в «душу мира», о которой так вдохновенно писал и говорил зубоскал и гений по фамилии Бруно. Да, именно тот, кто не дрогнул, поднимаясь на костер Великой Инквизиции. Ох, что-то я далеко убежал от основной линии! Снаружи поднимается легкий ветерок, который подхватывает снег с ветвей деревьев и размазывает алмазное крошево в морозном воздухе, растягивает белые хвосты снежных водопадов через полотно дороги. Необычайная красота!

Вот и поворот. Теперь осталось немного - 2 километра по лесу и 300 метров по полю до шлагбаума. Внедорожник по-рыбьи плавно переваливается по заснеженному лесу, краем глаза замечаю заячьи следы у дороги. И, почему-то, начинает портиться настроение. Не могу понять, почему? Что-то отвлекает меня. Я кручу башкой, оглядывая салон. Ничего. Прислу-

шиваюсь. Тоже ничего... Хотя, я начинаю чувствовать какой-то звук. Тихое постукивание каких-то металлических посуды. Совсем тихое. Ой, вот проблемы! Ветка зацепилась за днище или снег в колесных арках или еще что-то! Выдумщик! Улыбаясь я въезжаю на территорию коттеджного поселка и паркуюсь у своего дома. Поселок маленький, всякие соседи еще не наехали. А скорее всего – уже уехали. Ведь завтра на работу. Им. Там. А мне? И мне тоже. Но не там. Дом встречает меня запахом дерева и сухим теплом. Я еще вчера запустил систему отопления, проверил наличие пище-алкогольных запасов и включил роботов-уборщиков. Дом-то двухэтажный, и мне приходится держать двух роботов – для первого и второго этажей. Втаскиваю в кухню пакеты со снедью, включаю кофеварку. Трубка с датским табаком ждет меня уже третий месяц на столе в столовой. Эта самая «столовая» является еще и моим кабинетом, да и занимает она ровно полдома и два этажа. Огромная такая, кубическая комната с дубовыми перилами на втором этаже и стенами-шкафами. Шкафы, если честно, на половину забиты хламом. Зато во второй половине этих четырехметровых монстров живет моя библиотека. Настоящая, бумажная библиотека. Очень горжусь ею. Вернее, не фактом ее наличия, а тем, что большая часть книг в ней прочтены. Ну... Почти большая...

Кофе, трубка, покой, свет, снег. Готовить буду позже. Сейчас надо подумать о структуре новеллы о банках. Фабула очень проста. Два пирата забираются на остановившийся в море по неизвестной причине громадный корабль. Принимают решение украсть контейнер с палубы, долго стараются, тянут его, сбрасывают в воду. Охрана начинает стрелять с борта корабля, они удирают, как могут. Один из пиратов ранен, второй (может – они друзья) отчаянно старается помочь, и, в то же время, продумывает план дележа добычи. Раненному становится все хуже, он бредит сокровищами, а его приятель оценивает, дотянет дружок до базы или умрет. Убить-то его он не может –

боится. А вот если бы он быстро умер – катер бы легче шел, да и делиться не надо будет ни с кем. Начинается шторм, катер бросает с волны на волну, добыча срывается с крепления и одним рывком убивает раненного, вторым – пробивает борт и падает в воду. Волна накрывает и переворачивает катер, он тонет. Оставшийся в живых пират забирается на контейнер с добычей, видит приклеенный к металлу конверт с упаковочным листом, в котором написано «Банки жестяные, консервные, пустые, без этикетки. Предназначение – театральный реквизит. Адрес получателя – какой-нибудь Парاماунт пикчерс, и т.п.». Пират понимает, что ошибка стала фатальной для них всех. В этот момент дверцы контейнера раскрываются, вода выплескивает тысячи блестящих пустых консервных банок, а контейнер идет ко дну. Наш герой остается в морской воде, окруженный пустыми банками, которые мерно стучатся друг о друга. Занавес. Тут у меня возникла мысль, а может быть, эти пираты дотянут до берега? Один будет умирать, а второй искать спасения, пытаюсь открыть контейнер? Он, в конце концов, взламывает дверь, откуда водопадом сыплются пустые банки, засыпают пиратов, заваливают остров, океан и весь мир. А может быть, сделать по-другому? Вот не мешал бы этот стук... Я заправляю бумагу в печатную машинку. Стук. Откуда стук? Снова я слышу тихий мерный стук. Что за...

Обхожу кабинет и ничего не понимаю. Вроде бы, стук чуть усиливается у кухонной стены. Подхожу ближе, прикладываю ухо к дубовой панели и чувствую, что дерево превратилось в что-то тонкое, в крашенную бумагу, натянутую на стену. Не веря своим ощущениям, я тычу в стену пальцем, который с хрустом проделывает дыру в стене. Неприятный холодок прокатывается по моему телу волной. Я ошеломленно смотрю на разорванную бумагу. Что за дела? Раздираю бумагу, обрывки падают на пол. Да, стук раздается именно оттуда. В проеме виден темный и пыльный коридор. Его не может быть! Тут, за

стеной кухня! Я выглядываю за дверь. Кухня на месте. Смотрю на разрыв в стене – темный коридор тоже на месте. Он должен быть виден из кухни! Захожу в нее и вижу чистую бежевую стену. Коридора с обратной стороны стены нет. Новеллу о банках надо назвать «Уорхол²⁴». Пусть думают, разбираются. И суп «Кэмпбелл»²⁵, и все остальное пусть вспоминают.

Надо посмотреть, что же там стучит. Вооружившись фонариком, иду по коридору. Кроме паутины под потолком, мелкого мусора и пыли на полу, тут ничего нет. Откуда только взялся этот коридор, я бы хотел знать. Максимально странно все это. Коридор выводит меня в какое-то большое темное помещение, под ногами мусор хрустит так, как будто я иду по металлу. Стук усиливается. Я вижу несколько ржавых металлических дверей, и с заунывным звуком открываю первую из них. Оказываюсь я в огромной и давно заброшенной общепитовской кухне. Металлические разделочные столы, металлические шкафы, кое-где дверцы сломаны и висят на одной петле, под ногами попадают ложки и вилки, миски... Ах вот оно что! Из не плотно закрытого крана капает вода и попадает на металлическую посудину, которая покачивается, повиснув внутри мойки на уголках, и издает мерный стук. Я поворачиваю посудину так, что бы она уже не издавала звуков. И понимаю, что я уже не один в этом помещении.

Ноги прилипают к полу, дыхание судорожно перехвачено, руки каменеют, каждый удар истерически бьющегося сердца взрывает голову, выдавливая глаза. Ледяной пот заливает меня, посудина выскальзывает из руки в мойку с пушечным грохотом. И я понимаю, что смерть может быть разной. Вернее, я знал это и до того, знание лежало где-то в дальнем углу старого шкафа, а сейчас я вспомнил. Смерть может быть очень разной, быстрой и медленной, дарующей новую дорогу, помогающей

²⁴ Американский художник

²⁵ Одна из работ Уорхола, на которой изображены консервные банки

понять и оценить, заставляющей остановиться или заставляющей стремиться. Разной. И такой, которая пришла ко мне – тоже бывает. А у меня за спиной стоит лютая вечная смерть, та у которой нет конца, грязная, жестокая и бессмысленная, которая не может остановиться, и растягивает жутчайшую вечность умирания персонально для меня.

Я медленно, как заледенелое бревно, поворачиваюсь назад. В шаге от меня стоит маленькая девочка лет шести. Маленькая, очень мертвая девочка. Очень давно мертвая. Клетчатое платьице все в заскорузлых темных пятнах, паутина затянула две слежавшиеся русые косички, часть кожи на лице отсутствует, кости нижней челюсти белеют сквозь прореху в щеке. И глаза. Мутные, мертвые черные двери, сквозь которые на меня безучастно смотрит Она. Мое сознание разрывается на куски, каждый из которых истерически вопит о том, что будет со мной и как избежать жуткой участи, куда бежать и прятаться, что через духовку можно попасть в дымоход, что если выколоть ей глаза, Она не сможет меня быстро найти и будет еще немного времени, что...

С невероятным усилием, ярываю сросшиеся губы и произношу: «Как тебя зовут, милая?». Мой голос превратился в судорожное горловое рычание, жутчайший звук, но к другим звукам я не способен, сейчас произносить слова – самая тяжелая работа для меня. Мертвая девочка теребит в руках мягкую игрушку – Розовую Пантеру²⁶ с оторванной передней лапой. Смотрит на меня черными глазами. Черные не только зрачки, но и радужка с белком. Осталось мгновенье. За это мгновенье я понимаю все, что произошло с этой девочкой. А она начинает медленно открывать рот. Я превратился в камень...

Девочка произносит: «Дженни. Меня зовут Дженни».

Я вижу всю ее короткую жизнь, чувствую, как утром не хочется выбираться из-под одеяла, как колотятся новые теплые

²⁶ Персонаж одноименного мультсериала

колготки, каким вкусным было мороженное, все, все, все... И чувствую удар и жуткую боль после выстрела пьяного отца, и как мама бросилась на него с криком: «Тебя же посадят!». Мама не бросилась ко мне, а я так ждала. Я очень просила Ее, подождать еще секунду, пока подбежит мама, а та все не шла и не шла. Мне так надо было услышать...

Неимоверным усилием, с хрустом разрывая пространство и окаменевшее тело, я делю шаг вперед, к этому жуткому монстру, к этой двери в Ее мир. Ощущая, как лопаются мои кости и кожа, я обнимаю и прижимаю девочку к себе. Я знаю, что нужно сказать. И говорю: «Не бойся, милая, мамочка тебя любит. Я заберу твою боль, я люблю тебя».

Чудовищный удар в лицо выбрасывает меня в другое место, я задыхаюсь, по лицу что-то течет, при попытке встать я падаю снова и снова, панический ужас подхлестывает меня, снова падаю. И вдруг, успокаиваюсь. Все пропало – Дженни, кухня, черные двери глаз... Ползу по полу в неизвестном направлении и утыкаюсь в стену, еще немного и я пойму где я нахожусь. Понимаю, что я дома, и хриплю: «Свет!». Медленно включается освещение. Да, все окончено... Я – дома. Валюсь на бок и смотрю на пол и на стены. Все на местах... И я... Ну и сон приснился... Все лицо у меня в крови, пол забрызган кровью. Видно, я уснул на диване и упал лицом вниз, разбил нос и губы. Касаюсь лица – да, кровь все еще течет... Уф... Поднимаюсь на четвереньки и ползу к дивану. Опершись руками на край, переваливаюсь на диван. Надо полежать и успокоиться. Поворачиваюсь лицом к спинке дивана и утыкаюсь в Розовую Пантеру с оторванной передней лапой.

Из окна старой гостиницы в польском Сопоте виден парк. Туман медленно заливает деревья. И меня вместе с ними.

Сопот

Стена тумана высотой до неба была метрах в ста от берега. Очень странное зрелище. Туман стоит. Не двинется. Стругацким бы понравилось. Море совершенно спокойно - штиль. Я стою на самом длинном моле на побережье Балтийского моря. Он начинается на берегу и заканчивается в тумане. Я стою посередине. Все никак не решу - идти вперед или нет. В это время тут нет отдыхающих, только случайные залетные птицы, типа меня, задумчиво бродят кругами по песчаному пляжу и молу.

Разворачиваюсь назад и иду в гостиницу. Она тут, напротив мола. Старинное здание с ужасно неудобными номерами, которые имеются в бесконечном количестве в узких и гулких коридорах. Вот моя дверь, крашенная белой эмалью, с медной ручкой. Микроскопический номер с окном, напоминающим трещину в стене. А вот ванная комната - размером чуть больше спальни. Умывальник, знавший еще камер-юнкеров Австрийского Императора, на удивление цел, и имеет в арсенале два крана и два гусака. Я так и не разобрался, как именно надо умываться - из одного гусака хлещет ледяная вода, из второго - кипяток. В любом случае, это лучше херсонских «Алых Парусов» с соленой водой из крана. Огромная чугунная ванна стоит на ржавых львиных ногах по центру помещения.

Открыл окно в опадающий огненный парк и пустил воду в ванну. Еще денек - и надо уже домой.

Что может лежать в основе «бытия богом»? И как человеку это увидеть, заметить, рассмотреть и понять?

Трудно ли быть богом?

Трудно ли быть богом? Наверняка, это не просто, но и ничего такого в этом особого нет. Просто твои возможности вырастают практически бесконечно. Равно как и знания. И тогда ты можешь творить. Хотя.. Тут нужно для начала подумать. Подумать, а в чем собственно дело? Зачем ты – и уже Бог? И как плохо воспитанный ребенок, ты можешь разрушать! С удовольствием, быстро, или – наоборот, медленно и со вкусом рушить деревья и горы, замки и хаты с соломенной крышей, высушивать моря, разламывать луны, вытирать галактики ластиком, убивать вселенные, сдувая их пыль с маленьких ладошек.

И вот, мир стал пуст и холоден. Вернее, даже мира не осталось. Ты висишь в такой пустоте, которой нет ни имени, ни названия. Бесконечность размышления прошла. И теперь, ты хочешь строить. Появляются планеты, луны начинают вращаться вокруг своих хозяек. Но, мир продолжает быть холодным и пустым. Что же делать? А вот что! Плещется вода в океанах, быстрые рыбы или там – рыбозавры, пропарывают тугую прохладу воды, распускается зелень на деревьях, танцуют первые бабочки, солнце раскрашивает края тучевых громад в пурпур. Все живет, все пышет радостью жизни. Ты доволен. Ты идешь по кромке прибоя, не оставляя следов (иначе – какой ты Бог?), рассматриваешь витые ракушки, смотришь на небо, солнце. Эх, хорошо как я построил! Можно посмотреть, что еще интересного в других мирах, других вселенных.

Прошла еще одна бесконечность.

И ты понимаешь, что эта вся жрущая живность не несет тебе никакого удовлетворения – ее жизнь мимолетна, не остав-

ляет и следа в тебе. Да, она – хороша. Выстроена по всем законам, но уж очень напоминает механизм. Само себя жрет и само себя рождает. И так – почти бесконечно. В чем же дело? Ну, стоит ли быть Богом, чтобы создавать механизм для производства дерьма? И тогда появляется новая задумка, новый план.

Прошла еще одна вечность.

И эта вечность прошла над придумыванием возможности. То есть, такой штуки, которая только может быть, и которую еще надо заметить, и которую надо суметь взять в руки, ласты или лапы, и именно тогда настанет появится что-то новое. Параллельно с этим делом надо бы еще придумать тот организм, который сможет это делать. Потому как у рыб с использованием возможности все плохо. И у динозавров – тоже. Хорошо, а если и возможность будет использована, - что из этого? Да ничего. Или чего? Уф... Трудно быть Богом... Надо придумать еще и умение отражать в себе, или через себя, жизнь, и все ее нюансы. Как бы их назвать? Пусть будет радость, горе, добро, зло, боль, веселье, счастье. Вот беда только - у динозавров-то с мимическим отражением просто никак. И с вербальным – тоже.

Прошла еще одна вечность.

И вот оно. Назовем это - человеком и дадим ему возможности, чувства, разум. Отлично получилось. Вот теперь можно смотреть на то, как он радуется, или горюет, рождается и умирает, творит добро или зло. Тебе-то какое дело? Для тебя, для Бога, мало разницы в характере действий, совпадают ли они с общепринятыми ими же нормами морали или нет. Да... Разницы никакой. Важен только результат. И процесс. А процесс получается интересный. Одни, несмотря на возможность, остаются жрущими, другие – придумывают что-то, что не может быть предметом потребления. Третьи сортируют все вокруг, делят на материальные и нематериальные товары. Четвертые ломают все, убивают себя или других. Пятые – начинают строить, а шестые – могут не только строить, но и достраивать

начатое. Седьмые впадают в прострацию от любой неприятности, а восьмые – плюют на все, живут счастливо даже без кола и двора. Интересно получилось. А вот пятьтысячсемьсоттридцатьдевяты придумали что-то новое. Хотя, они-то ничего не придумали, они просто поняли тебя. Вернее, увидели часть тебя. Что же это? Наверное, это именно то, что лежит в основе. Желание создать. Желание защитить. Желание быть. Желание помочь. Желание – да тут перечислять можно почти бесконечно. И даже не желание – настоятельную необходимость сделать. Но, если у художника есть необходимость написать картину – она живет в нем, мешая, хочет воплотиться в материальном мире, то тут – такая же необходимость, только, связанная с другим человеком. И они назвали это любовью.

Пусть пройдет еще одна, да и не только одна вечность, пусть закончится время, сотрутся в прах звезды, сгорят миллиарды вселенных, пусть от меня не останется следа. Пусть. Плевать. Но, умоляю тебя, мой дорогой Бог, - оставь нам любовь. Сочную, кровавую, легкую, добрую и злую, вечную и мимолетную, разрывающую изнутри. Идиотское чувство, которого как бы нет, но именно оно правит балом жизни. Не размножения, а жизни. А ведь это разные вещи. Быть беременным другим человеком, вынашивать это внутри своей маленькой тупой (или умной – без разницы) головы, внутри сердца, носить на руках во сне и наяву. Ведь именно так мы становимся ближе к тебе, мой маленький и милый Бог. Правда? Ведь бессмысленно строить миры, в которых только жрут, гребут, убивают? Да? Да?! Да... Спасибо...

Мой милый Бог, оставь мне возможность быть немного ближе к тебе. Я так устал... Я никогда не думал, что это настолько тяжело, что быть близко к тебе так больно. Но, именно из-за этого я чувствую. Чувствую жизнь. И боль, и страх, и одиночество, и силу, и горе.

Ведь я окончательно бремениен тобой, Моя любовь.

В мире есть много разного - на любой вкус и цвет. А что может объединять меня и тебя? Что характеризует и место, и время, и тип взаимодействия, и направление движения, и структуру целей, да и весь Мир в придачу? Очень короткое и емкое слово. Всего лишь слово...

Всего лишь...

В Мире есть много разного. Недолговечного, бессмысленного, не настоящего. На то он Мир, чтобы дать все - жажду убийства и желание быть нужным, страх смерти и страх жизни. Наряду с сиюминутным есть более долговечное – предательство (ведь ты его несешь всегда с собой - как скользкий протухший кусок себя) и отвага, доброта и ярость, желание обмануть, схитрить, желание победить любой ценой. Но...

В Мире есть много разного. Есть место для всего, для каждого, для любого действия и любой мысли, любого желания, любого события. Хотя то, о чем я собрался сказать, имеет другую характеристику. Оно - и место, оно - и действие, оно - и тип, характер взаимодействия, оно вмещает в себя очень многое. С этой точки зрения - оно и есть некий отдельный полноценный Мир, но выстроенный под задачу, под цель. И оно - всего лишь слово, короткое, легкое, липкое, сложное, когда его говоришь вслух, пальцы сжимаются... И это слово – «вместе». Всего лишь...

Кто такая Беатриче? Почему она будет жить в нашей памяти еще столетия?

Знай!

В Мире есть много разного. Есть, как ни странно, и литература и искусство. Они отличают людей от животных. Есть еще много отличий, например: умение передавать знания, умение не использовать, а создавать орудия труда с помощью инструментов (обезьяны не могут с помощью палки сделать другую палку, другой инструмент). И так далее. А что мы можем увидеть интересного на примере изобразительного искусства?

Есть «титаны», классики, есть авангард, концептуальное искусство, кубизм, модернизм и еще куча всякого-всякого. Но, следует отметить, ни один из художников (за исключением фриков²⁷ – а ты ведь знаешь перевод этого слова) не пишет картины собственным калом. Хотя – кал есть и будет составляющей и моей и твоей жизни. И интересоваться, как покакал твой ребенок, не является чем-то зазорным.

В литературе есть «ширпотреб» который пишет о сексе, деньгах, странной вере и ритуалах некрофилов, а есть то, чему мы будем удивляться и поклоняться. Криво ухмыляясь, говорить: «Ну надо же... В наше время такого я не встречал/а. Чувшь это все... Все было проще, это они все выдумали». И возвращаться в то место, которое многие, скрипя сердцем и зубами, называют «домом». Мы решили, что именно он – дом. Почему? Так проще и легче. Так не надо ничего делать. Проще промолчать и перетерпеть, а потом, заняться своими делами. И жить во лжи.

Но. Все не так. Ну, не совсем так.

Ведь то, чем мы тайком восторгаемся – не очередной обман, а было правдой и существовало именно в нашей действительности.

²⁷ Freak – в первоначальном значении – псих, сумасшедший.

В 1265 году в деревне под Флоренцией родился мальчик. Он вырос и стал отцом итальянского литературного языка (до того он был просто сельским наречьем, а французский язык назывался прованским диалектом), написал много книг, среди которых «Монархия», в которой он нарисовал новый социальный строй, он воевал, был приговорен к смерти в родном городе и был изгнан из него, был одним из градоначальников и предводителей Флорентийской республики, был послом в Ватикане, вел переговоры с императорами, царями и Папами. Именно он не допустил начала очередной войны и этим спас тысячи жизней. И умер он как воин. Возвращаясь после переговоров с Папой и французами (тогда ему удалось договориться о мире с Пизой и Императором), он заболел пневмонией после переправы через осеннюю реку.

Но знаем мы этого человека не по этим ратным подвигам. Он написал «Inferno». В нашем переводе – «Божественная комедия». И мы зовем его Данте. Данте Алигьери.

Для меня Данте важен не в такой мере своими великими произведениями, а тем, что он пронес через всю свою жизнь величайшее чувство. Любовь к женщине по имени Беатриче. Он встретил ее в возрасте 9 лет (ей было 8). А умерла она в 24 года. Вернее, была убита мужем вместе с любовником. И никогда не любила Данте. Однако, для него именно она была тем существом, которое будет находится рядом с Богом в «Раю» («Божественная комедия» состоит из трех частей, одна из которых – «Рай»). Эта любовь управляла всей жизнью Данте, он вписал Беатриче во все произведения, он действовал ее именем и ее памятью. В начале «Божественной комедии» он пишет:

Из сонма тех, кто меж добром и злом,
Я женщиной был призван столь прекрасной,
Что обязался ей служить во всем.

Был взор ее звезде подобен ясной;
Ее рассказ струился не спеша,
Как ангельские речи, сладкогласный²⁸

И:

Единственная ты, кем смертный род
Возвышенной, чем всякое творенье,
Вмещаемое в малый небосвод,
Тебе служить – такое утешенье,
Что я, свершив, заслуги не приму;
Мне нужно лишь узнать твое веленье

Следует отметить, что Данте не был в состоянии ее видеть – он терял сознание в ее присутствии, болел после любой встречи на улице. Эта любовь убивала его... При этом она была крайне невзаимной. На могиле Беатриче Данте написал книгу «Новая жизнь». Ее смерть была чудовищной утратой и горем для него. Его друзья и близкие считали, что он не выживет. Сам он писал, что стоя на краю бездны, он решил не умирать ради любви, а жить ради нее. И он сделал, как обещал.

Беатриче теперь жива и будет жить вечно, пока живы люди. Потому как, нарисовать картину собственным калом может каждый. Но каждый не может любить. Не каждый может любить. И именно истории Великой любви интересны всем по-настоящему – Данте и Беатриче, Ромео и Джульетта, декабристы и их жены, женитьба английского короля на простолюдинке и т.п. Мы смотрим в бесконечную высоту их поступков и думаем – это не про нас...

А я вот думаю, что это не так... Просто ты не знала до сих пор об этом. Знай.

²⁸ Данте, «Inferno»

Каждое слово имеет свой букет и послевкусие.

Слово

Слово «любимая» можно произносить по-разному. У каждого слова есть вкус, свой букет. Это слово может быть горьким как полынь, оно может быть кислым, может иметь склизкий привкус лжи, как мокрота при бронхите, может пахнуть вождением и потом, страстью, а может - прокуренной кухней и плесенью в шкафу. Для меня, когда я говорю тебе «любимая», слово пахнет резко, и остро, звонким зимним утром, свежим прибоем, колким усом колоска пшеницы, хрустом корки хлеба, теплым молоком и черным гречишным медом. Руками и грудью, блеском глаз и движением ресниц. Много еще чем... Самое сложное слово в моем словаре...

Все дороги мира ведут в... Нет, не в Рим.

Вы на следующей выходите?

Скамейка стоит на красноватом гравии под огромным эвкалиптом. У дерева свернутый винтом ствол, тонкая бежево-салатовая кора чешуйками шелестит на легком ветру. Ствол похож на ствол платана, закрученный сказочным великаном. А листья похожи на ивовые, но пахнут совершенно иначе. Как если полощешь горло в детстве зеленой настойкой из баночки коричневого стекла с аптекарским фиолетовым расплывшимся штемпелем на этикетке. Я сижу на скамеечке и жду. Выгоревший газон, пятна света под фонарями, мутное оранжевое небо. На нем нет звезд, нет простора. Нет свободы. Влажная удушливая жара нависает надо мной в парке Сааведры²⁹. Пройдя немного – два квартала, можно спуститься в метро, доехать до вокзала Ретирос, пересесть на автобус, и выйти у аэропорта. Я так и делаю.

Через три часа я выхожу в духоту ночи Сан-Пауло. Христос разбросил руки в оранжевом вареве. Снова скамейка в парке. Встаю – пора. Несколько часов, и карибская духота Гаваны обливает меня с ног до головы липким потом. Пальмы шелестят веерами листьев, разгоняя стаи попугаев. Новый рывок, новый и снова – новый.

Красная земля Каталонии, низкие горы, похожие на холмы, пальмы, духота. Над Барселоной темное небо с мутными звездами. Странно, но они – видны. Сквер, скамейка. На автобусе Л-96 доезжаю до терминала «Б». Новый вектор, новое направление, новое небо, новая скамеечка. И ни одна из них ничем не отличается от своей сестры, находящейся за тысячами километров. А может, нет никаких километров? Ведь вы-

²⁹ Парк Сааведры, вокзал Ретирос расположены в Буенос-Айресе, Аргентина

Идя из аэропорта Внуково, ты уже почтиходишь в Кеннеди, переходишь в Ла Гвардию, прыгаешь в Шеннон и выходишь на перекур в Жулянах. Самолеты убили наш мир, превратили путешествие во взлет-посадку, новые страны стали лишь новым названием фирменного блюда в меню филиппинской забегаловки на углу, а платье Кармен уже ничего не значит. А может дело не в том, куда ты прибыл, а что принес с собой? И я тайно бросаю в сквере у площади Ла Эспанья маленький листок горного дуба, который специально вез из Мцхеты. Той, что в получасе езды из Тбилиси. И всего лишь в часе езды от аэропорта.

А вы на которой выходите?

Мы всегда вместе. И были, и будем. Надо просто верить и знать.

Ракушка

Решил показать ей окрестности и повезти по хитрой дороге - вдоль Днепра по дамбе. Там есть много очень интересных мест. Заливные луга, песчаные плещи, дорога, залитая водой разлившейся реки. Ощущение невероятное - ехать по сантиметровой пленке речной воды поверх асфальта. Слева и справа - кюветы по метра два, залитые водой. Рядом - песчаные дюны. Машин нет. Ни одной. Выходим, бродим немного босиком по водичке. Выходим на песчаную плещь. Песчаное море, озерцо воды, дальше - лес. В озерце на одной ноге стоит цапля. Посмотрела на нас. Отвернулась. Из-под ног с отчаянными криками выскакивает маленькая птичка, начинает на нас бросаться, растопырив крылья. Потом зигзагами убегает по песку. Присматриваемся - на песке крохотное гнездышко из сухой травы и там три микроскопических крапчатых яйца. Бредем по песку босиком. Затаскиваю ее на гребень дюны. Вдалеке - лес с проблеском днепровской воды. Сиди, курим, даже говорить не хочется. Валькирия не выдерживает, начинает щебетать о том, о сем, о брате - фотографе. Ты же его помнишь, мальчишка такой дома был, когда ты приходил. Мальчишку помню. Тяжело представить, что именно он и есть этот духметровый дядька с профессиональной камерой и выставочными снимками. Поднимаю маленькую спиральную раковину.

- Это тебе, на память.

- Спасибо. Я не потеряю. Будет и тебе подарок.

Возвращаемся в город.

А через полгода в офис приходит конверт. Открываю его и на стол со стуком падает бронзовая спиральная раковина. Копия той. И сейчас она лежит на рабочем столе. Рядом с чилийскими самородными сапфирами, бразильской каменной пирамидой, разномастными монетами, кусочком коралла и прочей милой мне мелочью.

События в наших жизнях не всегда складываются именно как ты хочешь. Так бывает.

Скоро поезд

- Ты знаешь, что я тебя люблю? И буду любить всегда, - говорит она.

Я молчу. Немного не по себе от такого признания через десяток лет после последней встречи. Она сидит на балконе на табурете с рюмкой текилы в руке. Я стою рядом и курю. Кипящая бронза заходящего солнца заливает все вокруг. Сияющая растяжка неба с росчерком инверсионного следа самолета. Выбрасываю сигарету, подхожу, обнимаю ее. Просто, чтобы обнять. Глажу чудесные соломенные, немного неаккуратно отросшие после стрижки волосы. Глажу. Не могу я ничего сказать. Не знаю что. Я был в нее влюблен в институте. Мы немного повстречались, а потом, из-за моей подлости, ошибок, нехватки времени, летних каникул, и всякого такого мы разбежались в разные стороны. Осенью того далекого года я уже уехал из страны, и если бы я не потерял ее телефон, то все было бы не так. Когда я вернулся в страну, она уже была замужем. Сыну уже был год. А через год или два я женился. Несколько раз виделись случайно на улице: «Как дела? Нормально, а у тебя? Да тоже ничего...» Потом она развелась. И я вскоре тоже развелся. А через десяток лет мы встретились. Как же она хороша, дочь викингов! Настоящая шведка с русской фамилией, живущая в Украине. Серо-голубые глазички, соломенные прямые и непослушные волосы, черты лица валькирии и такой же взгляд, недоверчивый, ледяной и горячий (так бывает), сумасшедшая фигура, тонкие пальцы с острыми коготками, почти прозрачная кожа альбиноса. И вспыльчивый характер скандинавской богини. Ее поезд тронулся в обратную дорогу через час. А я вернулся домой пешком.

Гданьск

Гданьск встретил меня туманом. Старая гостиница зевнула в лицо плесневелым запахом старины и блеснула чернотой дубовых панелей на фоне белого гипсокартона. Возле гавани чувствуется отчетливый запах кофе от стен старых товарных складов.

Один горбатый мост над пропастью ноябрьской воды - и я в центре города. Хотя, центр Гданьска, эта груда новомодных магазинов и гастрономов, находится в другом месте. А вот старый город - он тут. Стылый ноябрь выслал навстречу овсяный кисель тумана, затопивший мокрую брусчатку, мутно сверкнувшую в свете аквариумов фонарей. И казалось, еще немного - и рядом с их расплывчатыми пятнами в черноте ночи неслышно проплывут переливающиеся чешуйчатými боками волшебные рыбки сновидений. Влажный сумрак средневековья неслышно покачивался на трезубце Посейдона, озябшего от сквозняка и брызг все еще работающего фонтана. Мои шаги глохли, не успев долететь до стен и смутно виднеющихся каменных понурых львов. Терпкий запах близкого моря, гладкий коричневый запах камня, изъеденный запах старины, сырая свежесть тумана и невесть откуда взявшаяся лиловая бесконечность забивали дыхание. И оно остановилось. Оно - время. Ведь оно - часть меня. Я могу вспомнить то, что видел. И все виденное остается частью меня.

Иногда я кажусь себе сентябрьской паутиной, уносящейся к неизвестной цели в протертом взглядами людей, блёклом осеннем небе. Иногда я становлюсь чудовищным механизмом, высотой до неба, с хрустом и скрипом перебирающим тысячами механических и органических ног, движущимся островом из развалин идей и остатков впечатлений, воспоминаний, чувств, предметов, других людей, книг, машин, городов. Он ползет по

пустой равнине внутреннего мира, оставляя за собой влажный след из обрывков новостей, разодранной одежды, ненужных писем и скомканных фотографий, удаленных адресных книг и образов ушедших людей. Ведь почти все то, что я видел и чувствовал - останется со мной...

Закуриваю. Дым зависает передо мной густым облаком и не хочет раствориться в братских объятиях тумана. Иду. Справа проплывает громада костела, уходящий в бездну времен. Витой штырь из человеческой боли и счастья. Свет прожекторов выхватывает угловатые камни, стрельчатые готические окна и бессильно тает, не доходя до шпиля. И плывет в расплюсненном белесом небе черная тень антенны последней человеческой надежды.

Площадь расширяется, и я уже иду в никуда, только бледные медузы фонарей плещутся на волнах тумана, и дробный стук капель, уставших от левитации, напоминает о наличии звуков. Дойдя до ворот, держусь за стену пару секунд. Шершавые, практически черные кирпичи стреляют в меня бесконечной чередой касаний мозолистых рук, кружевных передников, кошелок с овощами и душистым хлебом, окровавленных гард и пьяных спин. Все это проплывает за мгновенье. А еще эти не в меру смуглые камни вдруг кажутся корешками всех непрочитанных мною книг. Тающими следами, не услышанных мною, бесконечно красивых историй, отблеском той жизни, которую я не смогу уже увидеть и попробовать на вкус.

Тени великих чувств и смешных грехов мягко бьются в колпак вандалоустойчивой лампы. И нет никого. Туман.

Туман
Съел
Все -
И меня,
И тебя.

Остается ли любовь собой, когда берет в руки меч вместо букета цветов?

Я - любовь!

В грязном и не обустроенном мире, в котором и слякотно сыро даже в середине лета, родилась маленькая и хилая любовь. Она так и не узнала, кто был ее родителями. Просто найденыш на пороге, слабо стонущий комок мокрых тряпок на пороге покосившейся сельской церкви. Любовь сильно болела, недоедала. Она отчаянно жалась к грубым, безразличным, но таким теплым рукам служек, улыбалась во весь беззубый рот, выпив отвратную кислятину... Любовь взрослела, постоянно старалась делать что-то хорошее, помогать ближним. Но, ближние были грубы, злы и нечистоплотны. Они не нуждались в любви, как в чувстве. Им она не была нужна и как человек.

Гонимая и ненавидимая всеми, Любовь брела из поселка в поселок, от села к селу, перебиваясь случайными подачками. Размазывая холодные слезы по грязному лицу, Любовь скользила босыми ногами в ледяной жидкой грязи проселочной дороги. Задыхаясь от бессилия, от ненужности и бессмысленности своего существования, Любовь решила самостоятельно прервать эту цепочку мытарств и страданий. Подходящий омут свинцово блестящей реки был как раз рядом. Ни о чем не сожалея, и недолго мешкая, Любовь свалилась в воду. Ледяной холод вонзился в нее когтями, мокрая дерюга потянула на дно, и еще бы пара секунд – Любовь бы пошла ко дну, но, ее спас страх. Жуткий, панический, животный страх охватил ее, подхватил и выбросил на берег. После того, как спазмы кашля и рвоты оставили ее в покое, Любовь стала успокаивать себя: «Я – любовь. Я – именно то, чего не хватает в этом проклятом мире. Именно я несую

свет, несу тепло в души и сердца этих мерзких ублюдков. Я не могу умереть. Кто же тогда будет нести нежность и свет? Если не я – то кто? Я обязана жить, обязана стать сильной, обязана победить, если не нежностью и лаской, так тогда – силой».

Жирный дым стелется над горами погибших. Опустошенная земля, мертвые поля, сгоревшие леса. На вершине холма вздымается черная тень. Тень наблюдает за серебристой блеской на черной золе. Мальчишка в кольчуге, голубоглазый и рыжеволосый, пытается зажечь слабеющими руками разрубленную грудь. Алая пена в такт сбивающемуся дыханию выплескивалась из раны с сахарными осколками костей на серебристые полированные кольчужные кольца. Мертвеющие губы шепчут: «Кто ты?». Кошмарная черная тень расправляет крылья и ревет: «Я – Любовь! Я несу вам свет и жизнь!». Мальчишка слабо шевелится и шепчет: «Ты дерьмо... Ты несешь смерть... Ради такой любви не стоит жить». - Я Любовь! – гроыхнуло небо, и росчерк черного клинка подвел итог жизни еще одного, посмеявшегося усомниться.

Беглец в очередной раз уходит от погони. Его знают только по номеру. Кто этот беглец? Из какого мира? Кто охотник? Попробуй угадать...

Седьмой

Эпилог

Выдержки из протоколов опросов свидетелей по делу № от 18.06.20**

Свидетель Ионеску Мирче, 34 года, образование среднее, официант.

- Ну они сразу обратили на себя внимание. Этот мужчина... Ну и девочка тоже. Они, как бы вам сказать, и одеты нормально были и... Но, из них двоих главной была именно девочка, а не мужчина. Понимаете?

....

- Она? Да. Она подошла ко мне и... Да, серые. Но, что-то во взгляде было такое, как бы сказать, удивительное. Ну, удивляющее. Она смотрела как... Да, подошла и спросила: «Ты седьмой?». Я прям таки и замер. Какой седьмой, что седьмой? Отвечаю ей: «Деточка, я не седьмой, я официант. Вот видишь на бэджике тут написано». И показываю ей. У нас, знаете ли, все носят бэджики. У нас приличное заведение... Было...

....

-А он сидел. Каждое утро они приходили, я-то думал туристы они, приходили, садились на веранде. И, не удивляйтесь, только после того, как девочка кивала, он заказывал кофе и что-то на завтрак. Омлет или блинчики. Девочка пила молоко. Подумать только, она пила молоко!

Свидетель Петрова Марина, 22 года, образование неоконченное высшее, официант.

- Хорошенькая такая, такая котичка, просто золотко! Так одета была, со стилем, это папа постарался. А? Конечно папа!

Ну, они же похожи как были? Не были? Ну я конечно не из спецслужб... Как? Ой, да что вы в самом деле! Что? А, спрашивала! Спрашивала, не «седьмой» ли я. Ну, а что я? Нет, говорила, что в школе уже не учусь. Не про класс? А про что?

Свидетель Ракитнянский Владимир, 44 года, образование высшее, собственник.

- Я вам скажу так – мне испортили жизнь. Уничтожено все. Камня на камне. Мне остается только уехать в другой город и открыть кафе там. И подальше. Кто седьмой? Вы меня за идиота держите? Какой еще «седьмой»?! Давайте подпишу бумаги. Как там? «С моих слов записано верно»?

Свидетель Исаева Ирина, 24 года, образование среднее, официант.

- Странные оба были. И не родственники. И девочка была главной в паре. А он – только для поддержки, что ли. Одно и то же заказывали. И бумажник странный у него был. В нем лежало ровно столько денег, сколько стоила еда. Да. Нет, не курил. И мороженого ей не заказывал. Она пила или молоко, или черный кофе. Ни сока, ни компота... А еще, он всегда молчал. Закажет завтрак или обед, потом молчит. А девочка все рассматривала людей. Как что-то искала. Да, спрашивала. Отвечала, что я не «седьмой». А когда спросила ее, прочему она слова в мужском роде использует так же как и в женском, она смутилась. В смысле? Женщину надо спрашивать, не «седьмая» ли она. Женский род. Окончание. Хорошо. Я подпишу.

Свидетель Бекетова Татьяна, 26 лет, образование высшее, бухгалтер.

- Что вы от меня хотите?! Сколько можно! Я их живыми и не видела! Только, когда пришла в субботу! Что вы мне трепете нервы? Хорошо... Да, на полу. Я уже уволилась. Я туда не зайду больше. Кто спрашивал? Вы издеваетесь? Хорошо... Давайте подпишу.

Пролог

Разорванное пополам тело девочки ожило. Верхняя часть туловища начала мелко дрожать. Руки резко вытянулись вперед, в мою сторону. Голова откинулась, и клыки, прорывая кожу, вытянулись вперед, челюсти заскрежетали металлом. Цепляясь за плитку когтями, это страшилище ползло ко мне, оставляя вывалившимися внутренностями след на полу. В метре от меня оно затихло. Даже оно не может жить, имея лишь половину тела. Улыбка скользнула по моему лицу.

- Ты не ошиблась, маленькая тварь. Я – «седьмой». Именно я...

Он играл разные роли, но всегда хотел одну. За игрой в чужие игры прошла жизнь. А он все пытается разглядеть в темноте то, ради чего он потерял все. Потерял ли?

Актер

Он сидел в гримерке уже больше часа. Спектакль окончился, внутри было гадко и пусто. Актер смотрел на свое отражение в зеркале с отвращением и ненавистью. Накладные брови были сняты, и на их месте торчали его собственные – седые, слипшиеся от клея маленькими метелочками. Над бровями кожа покраснела после того, как он резко сорвал приклеенные, лоб был украшен морщинами и толстым слоем жирно блестящего грима. Бакенбарды еще предстояло снять. А так – он был отвратителен сам себе. Играл плохо. Два раза забыл реплику, чуть не сорвал спектакль. «Господи, как надоело», - думал он, – «Решительно все надоело. Этот заштатный театр, вялые козники этих придурков, коллег, с вашего позволения. Все, все, решительно все».

Он обернулся в поисках своей сумки, не поднимаясь со стула, дотянулся до нее и подтащил к себе. Из бокового кармана он вынул фляжку с коньяком. Сделал несколько глотков. Посмотрел в зеркало и снова глотнул из фляги. Порылся в сумке и, найдя сигареты, торопливо закурил. Потом вдруг скривился как от зубной боли и, глядя в зеркало, продекламировал:

Кто ты, что посягнул на этот час

И этот бранный и прекрасный облик?³⁰

И плюнул в центр зеркала. Плевков начал медленно стекать, оставляя почти прозрачный пенный след. Актер пожал плечами, встал, набросил куртку, взял сумку и вышел. В дверях

³⁰ Все реплики Актера - В. Шекспир, «Гамлет, принц Датский», пер. Лозинского

он обернулся и, глядя на заплеванное зеркало, задал игривым тоном вопрос:

- Ты оскорблен?

Помолчав, добавил:

- Он оскорблен...

Хлопнул дверью и пошел по пустым и гулким коридорам. Вдруг он замедлил шаг, остановился, решительно развернулся и пошел к сцене.

За кулисами пахло пылью и горел зеленый огонек аварийного выхода. Актер прошел к кулисам, отогнул край бархатного занавеса, который на ощупь был твердым как фанера, и уперся лицом в непроглядную черноту зрительного зала. Чернота дышала, клубилась, жила. И тогда он закричал в черный зев:

Вот я один

О, что за дрянь я, что за жалкий раб!

Не стыдно ли, что этот вот актер

В воображенье, в вымышленной страсти

Так поднял дух свой до своей мечты,

Что от его работы стал весь бледен;

Увлажен взор, отчаянье в лице,

Надломлен голос, и весь облик вторит

Его мечте. И все из-за чего?

Мертвая тишина была ответом. Актер вернулся за кулисы и осторожно вышел со сцены в гулкую пустоту коридоров.

Лето навсегда

Резанула по глазам быстрая и острая тень пролетевшей птицы, обрывая волшебство. Подчиняясь ее команде, медленно разжались окоченевшие пальцы. Она не чувствовала их, но знала что это происходит. На покрытый ледяной корочкой ноздреватый подтаявший снег упал цветок с помятым желтым лепестком. Она с трудом открыла глаза и двинулась в путь.

Грузная, плохо одетая, пожилая женщина осторожно шла, оскальзываясь в снежной кашнице, по аллее №12 к выходу из Таировского кладбища. Двадцать лет подряд, каждую субботу, она приходит сюда. Сереженька погиб через неделю после перевода из учебки в строевую часть в Кандагаре. Она хотела умереть, но не смогла. И дело не в страхе. Она не знала страха ни в чем. Вдруг поняла, что только она может что-то сделать для Сереженьки. И до сегодняшнего дня вся Ее, далеко не самая легкая жизнь, была переполнена смыслом. Она проживала не только свою, но и все их непрожитые жизни, от начала, нет, что Вы, нет никакого конца!

Вот и теперь, легко ступая в парусиновых туфлях по горячим камням во дворе, Она несла пахучую мохнатую малину, свежий творог и домашнюю сметану для Сонечки. Лето только начиналось.

Книга вторая
ПОРА В ДОРОГУ!

Предисловие

Так ноет сердце...

Писать о литературе, когда все ценностные категории расплываются и исчезают под горячими потоками современности, когда электронные средства информации стали практически кровеносной системой человечества, когда и само понятие - ЧЕЛОВЕК вот-вот исчезнет под натиском всего того, что об этом человеке уже известно.

Так ноет сердце...

От первых фраз, ощущаешь лёгкую ментоловую прохладу, слышишь, как утихомириваются гудящие мысли, начинаешь замечать, может быть и частные, но очень важные для каждого из его героев, мелочи. Ты будто попадаешь в особый мир... между реальностью и вымыслом. Между сказкой и былью. Между небом и землей. В тот мир, в котором мы все, по сути, и живем. Потому он так и близок и моим взрослым, и даже пожилым уже подругам, и моим молодым, совсем юным еще, студентам. Потому что представленная вашему вниманию книга - это целый спектр историй, написанных человеком, проживающим в таком особом мире, где не существует границ и все со всем и со всеми находится в его, автором созданной гармоничной взаимосвязи, где разницы между реальностью и вариантами ее пересказов практически не заметно, и читатель вправе не только выбрать один из уже поданных вариантов, а и предложить свой, где герои вовсе и не претендуют на роли героев, а только аккуратненько подсовывают свои идеи, мысли, размышления, а мы уж сами вольны распоряжаться всем этим по своему собственному усмотрению. А уж потом...

Так ноет сердце...

От того что нет в том, что прочитываешь ни веселых благополучных финалов, ни положительных героев с необычайными, яркими характерами, ни окончательной победы добра над злом. Все нежно, аккуратно, даже несколько... *неспешно*... Пожалуй, это главное слово, что возникло от первопрочтения - *неспешность*. В нашем несущемся сломя голову, один Бог знает куда, мире, *чудо неспешно*

ности - пожалуй самое «необыкновенное чудо». Вдруг попасть на территорию, где время действует по своим, только ему одному известным законам, где запахи, цвета и оттенки, предчувствия и невысказанность, последний миг перед прозрением и первый миг до зарождения чувства, гораздо более важны и весомы, нежели все проясненные позиции и удачно расставленные акценты. И ты замираешь, скорее чувствуя, нежели понимая, что перед тобой нечто свежее, негромкое, ненавязчивое... *неспешное*. Оно не терпит суеты, мгновенной на него реакции, окончательных оценок, оно просто прорастает в тебе, постепенно, слегка болезненно, неспешно. И потом, может через месяц-другой, ты начинаешь чувствовать, что ты уже без этого... как-то и не можешь уже.

Так ноет сердце...

Если бы я была литературным критиком, наверное употребила бы такие слова, как фантастический реализм; расслоение тем, подтекстов и смыслов как при при пост-пост модернизме; лаконичность историй при размытости структуры, парадоксального или ,может быть даже, абсурдистского переживания героями своей... авторской реальности. И столько бы вспомнила имен из большой литературы, аромат текстов которой напоминал мне отдельные мгновения, ситуации, повороты, с которыми я столкнулась в рукописи автора. Но это оставим специалистам. Пишу, как человек, который достаточно читал, слышал и воспроизводил тексты.

Так ноет сердце... когда читаешь, что потом долго-долго благодаришь автора за то, что он подтвердил, что у тебя все еще есть живое сердце.

*Ирина Кобзарь – актриса Харьковского государственного академического драматического театра им. Т.Г.Шевченко.
Преподаватель ХДНУМ. Руководитель молодежного театра-студии «ВИНОРА».
Июнь 2014*

Бессмысленная затея - отправляется в дорогу к человеку, который так и не стал главной целью. Он был ангелом-хранителем. Но так никогда и не надел ей обручальное кольцо. И хотя, уже поздно, совсем поздно что-то сделать, надо попробовать победить. Себя, ложь, боль, смерть и судьбу. И доказать, что ты все еще человек. Получится ли?

Пора в дорогу!

Подготовка к дороге

Утро начиналось как обычно: муж ушел на работу, дочка не хотела есть кашу и орала, размахивая ложкой. Плотные комки каши разлетались по кухне, и опять надо будет это все убирать. Потом нужно будет выйти с ней на площадку. Взять книжку и почитать. Надо только периодически смотреть, чтобы Оля не наелась песка, не подбирала с земли фантики и не совала в рот. А потом снова домой, снова посмотреть почту, снова мыть, стирать, сушить и гладить. Все как обычно. Вечером прилетит мама, Коля поедет встречать ее в Руасси-Шарль-де-Голль¹. На выходные поедем в Диснейленд, ну и ... Все как обычно.

Резкий и неожиданный звонок прервал размеренные размышления.

- Госпожа Сергиенко?

- Да. Слушаю Вас.

- Вас беспокоит парижский филиал компании «Рёдль и партнеры²». Мы занимаемся ведением различных...

- Прошу прощения, меня не интересуют юридические услуги.

- Извините, Госпожа Сергиенко, мы не предлагаем услуги. У нас для вас сообщение, крайне важное сообщение.

- И, каково оно? – Госпожа Сергиенко задала этот вопрос

¹ Международный аэропорт Парижа

² Консалтинговая и юридическая международная фирма

неприятным тоном – издевка, и «скорее бы вы отстали» явно прозвучали в ее голосе.

- Благодарю. Итак, сообщение. Вчера около одиннадцати часов вечера в больнице скорой помощи в Харькове³ скончался Владимир Владимирович Обревко. Как мы понимаем, это Ваш знакомый?

- О, Господи. Да...

- Последняя воля покойного, зафиксированная нотариусом, состояла, в том числе, в следующем – ныне покойный г-н Обревко просил Вас принять участие в погребальной церемонии, которая назначена на субботу, 14 октября, в 12.00 на 17-м городском кладбище в городе Харькове. Готовы ли вы подтвердить, что Вы прослушали сообщение?

- Да, я прослушала. Что еще? Что-то еще?

- Нет, это полное сообщение, к нему нет никаких дополнений или уточнений. Благодарим за внимание и примите наши соболезнования.

- Да... Не может быть... Так не может быть...

- Что, простите?

- Это не вам.

Она выключила телефон. Внутри головы билась одна мысль «не может быть, не может быть!». Мысль закольцевалась в монотонную фразу, слабо гудящую как пчела. Стало очень пусто. Серо и пусто. Только что было так ярко – и солнечное утро, и яркие одежды Оли, и... И все стало серым, тусклым. Потом эта серость и тусклость стала стягиваться в одну точку. Все втянулось в нее. И она осталась совсем одна. Слезы медленно покатались по щекам, она промокнула их тем, что было под рукой – кухонной прихваткой с вышитым Микки Маусом и белой биркой «сделано в Китае». Набрала телефонный номер.

- Привет, мама.

- Привет, привет! Как вы там? Ждете уже бабулю?

³ Промышленный центр Восточной Украины

- Мама, Володя умер.

- Ох... Когда? Что случилось?

- Вчера. Не знаю что и как, похороны послезавтра и мне надо ехать.

- Смерть, Ирочка, это ужасное событие, тем более близкого человека. Но что поделать – все мы умрем. По-другому не бывает. И ехать тебе на похороны совершенно незачем. У тебя давно совсем другая жизнь.

- Мама, я полечу туда. А ты приезжай, как раз день-два с Олей побудете.

- Ирочка, я очень серьезно тебе говорю – тебе там нечего делать. Уже прошло более десяти лет.

- Нет, я сказала – значит, я поеду.

- Ты не понимаешь, что тебе говорит мать? Пусть старая, но, я же не выжила еще из ума! Ты много чего делала так, как хотела. И что? Черти что вы натворили в жизни своей, чуть все не испортили! А у тебя дети! Муж на такой ответственной работе! Тут как в армии: берешь и делаешь, что тебе положено! Я так жизнь прожила, пусть не всем была довольна, и отец твой пусть не Ален Делон, но семья цела, никто не разводился и бардак не устраивал! Ты не поедешь! Если ты еще раз об этом скажешь, я сдам билеты. Николай не будет вечно сидеть с ребенком сам, так что тебе придется взяться за свои обязанности жены и матери! Это я тебе говорю, как военный человек! Взялся за дело – делай! Сколько можно хвататься за эти бредни? Пусть у меня с отцом особой любви не было, зато семья крепкая получилась!

- Чтоб вы все сдохли...

- Что?!

- Говорю, чтоб вы все сдохли...

- Как ты, паршивка, смеешь такое говорить матери?!

- Повторяю – чтоб вы все сдохли! Все перегадили, все испортили! Меня перегадили!

- Ты сама отвечаешь за то, что делаешь! И никто не отвечает более! И за эти все слова ты ответишь! Сколько сил на тебя потрачено, на твоих детей, на то, чтобы все стабильно было! И тут – чтоб мы сдохли?! Да что ты без нас? Ноль без палочки! Дура! Как была душой, так и осталась! Вот только приеду – я тебе устрою! Будешь у меня по одной половине строем ходить!

- Мама, я все уже решила.

Ирина ссадила дочь со стульчика, обтерла мордашку от каши и включила мультяшный канал. Вернулась в кухню, в баре нашла бутылку Гленморанж, сделала хороший глоток. Сигареты лежали в старом чайнике на полке, за посудой. Ира вышла на балкон, закурила. Алкоголь и никотин немного встряхнули ее. Монотонная фраза «чтобыввсесдохлинеможетбыть...» медленно ползла внутри головы. Она набрала номер мужа.

- Привет. Добрался?

- Да, Ирочка, конечно. Ты что-то хотела?

- Коль, если вдруг у мамы не получится прилететь, ты сможешь на выходных побыть с Олюшей?

- Я посмотрю по расписанию. А что такое? Ты куда-то хочешь поехать?

- Да. Мне надо в Киев на день-два.

- Давай, я приду домой – и обсудим. Я не вижу никакой необходимости туда ехать, тем более на два дня, тем более за месяц до нашего отпуска.

- У меня есть необходимость.

- И, какая она? Что за срочность?

- Мне надо на похороны. Володя умер.

- Володя? Что, вот тот самый Володя?

- Да.

- Туда ему и дорога! И ты никуда не поедешь! Только попробуй еще раз об этом сказать, будет тебе разбор полетов за все прошлые годы! Дрянь!

Он бросил трубку. Ирина смотрела на бульвар с балкона. Она так мечтала о том, как будет жить в Париже, на бульваре Распай⁴. Некоторое время после переезда во Францию, она каждую свободную минуту выбегала посмотреть «как оно там?». Все было таким новым и удивительным, красивым, волшебным. Но ее звали не Амели⁵, и она поняла, что дома выглядят так же, как и в Одессе, и Питере. Люди такие же. Преступность выше, а собачье дерьмо, в которое ты вступила, пахнет так же отвратительно.

Монотонная фраза росла, пухла в голове, мешала смотреть на улицу. Подростки с велосипедами, курившие возле дома напротив, поглядывали на Ирину. Потом, прокричав что-то по-французски, помчались через бульвар на Нотр-Дам Де Шамп⁶. Хилые платаны роняли листья. Возле зеленого киоска с восточными сувенирами стояла молодая женщина с коляской, там же, на уступе стены сидели девчонки и болтали. Она снова набрала телефонный номер.

- Mam, когда ты прилетаешь? А то я бумажку задевала куда-то.

- Я через три часа выезжаю в Борисполь⁷. И ты приедешь меня встречать. С Оленькой и Николаем.

- Мама, я не приеду тебя встречать. Оле надо будет спать.

- Ничего, любимая внучка может встретить бабулю один раз в год!

- Но ты же приезжала месяц назад? Какой раз в год?

- А что это ты к словам придираешься? Что снова вожжа попала под хвост? Николай знает, когда я прилетаю. Он заедет за вами, я с ним все обсудила.

- Что ты обсудила?!

- Встречу в аэропорту обсудила!

⁴ Улица в Париже

⁵ Героиня одноименного фильма

⁶ Станция метро в Париже

⁷ Международный аэропорт, Киев, Украина

- Что еще обсудила? Что это ты снова начинаешь с ним что-то за моей спиной обсуждать? Мама! Мы же договорились еще пять лет назад!

- Договорились о том, что ты нормально жить будешь! Все, я кладу трубку!

- Мама!

- Жду вас в аэропорту. До встречи!

Внутри нее все звенело от злости и ужаса. Они не дадут ей поехать. Они – заодно. Они запретят ее тут, в квартире, они ее не выпустят. Хотя, она и так привязана к ним толстым канатом. Таким просмоленным, колючим, лохматым корабельным канатом. И руки прибиты гвоздями. И ноги приклеены к этому образцово-показательному быту украинских дипломатов. Приемы, рауты, коктейль-парти, театры и выставки, открытие дней Украины с вонючими от пота танцорами и певцами в вышиванках⁸. Раздача пысанок⁹ и обучение вышиванию крестиком. Привязана к кредитам и депозитам, страховкам и медосмотрам, спецполиклиникам и спецсвязистам, кодировщикам и секретчикам, к живым карим глазам доброго кадровика, в которые, если посмотреть подольше – видишь на дне только блеск стальных инструментов Торквемады¹⁰. Некуда бежать. Только внутрь себя. Только внутрь. Нет пути наружу.

День вяло прополз до вечера, монотонное жужжание в голове не стихло. Оленька обедала плохо и не хотела ложиться спать. Потом она уснула и не хотела просыпаться. Проснулась – выла и орала, пока Ирина не дала ей сока и жвачку. Потом позвонил Николай.

- Я буду через час. Собирайтесь пока, поедем, встретим маму.

⁸ Вышитая национальными узорами рубашка

⁹ Празднично раскрашенная скорлупа пасхального яйца

¹⁰ Великий Инквизитор, известный своими зверствами

- С каких это пор, она стала мамой? Ты же в ее отсутствие кроме как «тёща» еще ни разу не называл?

- Ира, я буду через час. Собирайтесь.

- А если я не поеду? Дома дел куча кучная – готовить, убирать. Что, ты будешь это делать?

- Ну что ты, милая, конечно, мы (он надавил на «мы») это все сделаем. Вместе. Через час.

Телефон онемел. Она снова вышла на балкон курить. Смеркалось, машины двигались размеренно с включенным ближним светом, в такт фразы «чтобвывсесдохлинеможетбыть...». Ирина одела Олю, оставила ее в коридоре и пошла в комнату за телефоном. Потом они вышли на лестничную площадку, а Оля завизжала так, что Ирина выронила сумочку из рук. Тут же Оля весело засмеялась и помчалась вниз по лестнице. Ира подняла с пола рассыпавшиеся ключи, помады и какую-то мелочевку, и заспешила вслед за дочерью.

Николай ждал у парадного входа. Оля бросилась ему в ноги и что-то начала рассказывать, размахивая руками, держа за полу осеннего пальто. А он смотрел на Ирину, смотрел в глаза наглым взглядом сытого хищника, и она, обмирая от ужаса, увидела в его взгляде тот же холодный блеск звонких инструментов, которые будут расчленять ее душу и сердце. И эта попытка будет длиться вечно.

Начало дороги

Встреча в аэропорту прошла в дружеской, неофициальной атмосфере. Все были рады. Оля скакала конем и скандировала «Бу! Бу! Ля!». Вечером никто не затронул «щекотливую» тему, после ужина и мультфильмов Николай решил (в кои-то веки) уложить Олю, и Ира с мамой остались прибираться на кухне. Ирина как раз заталкивала упаковки от заказанной в ресторане еды в ведро, когда мама неожиданно начала разговор:

- Я очень сочувствую и соболезную его родным и детям. У него их кажется трое?

- Двое...

- Тем более. Так вот. Тебе там нечего делать. У нас своя жизнь – у них своя. Мужик он был неплохой, мне он не нравился, но – неплохой. Ты, доча, пойми – все уже окончилось. Он уже умер, старый был, болел. Уже все. Можем поплакать вместе, и пусть земля ему пухом... И займемся своими делами. А дел у нас много – вот как ты думаешь мы поедем в этот Диснейленд? Ты поведешь машину?...

Мама еще что-то говорила, Ирина кивала, но не слушала. Фраза «чтобыввсесдохлинеможетбыть...» билась черной змеей внутри головы, сдавливала горло и грудь. Ира испугалась, что мама заметит отблеск фразы в глазах и отвернулась протираться чашки.

- Так что, Иришенька, договорились?

- Да, мама, конечно...

- Вот и здорово, вот и отличненько. Так и надо было с самого начала поступать. Не мудрить, а делать как надо. Ну, я спать пойду. Ты мне постелила?

- Ой, забыла, мам. Сейчас, минуточку...

Ирина пошла стелить постель. Фраза билась судорожной птицей в клетке черепа.

- Иди, мам. Поспи. Ты же устала с дороги?

- Спокночи, доча.

- Спокночи.

Николай уже спал, Оленька – тоже. Ира поправила сбившееся одеяло и аккуратно укрыла дочку. Прикрыла дверь в комнату и уперлась лбом в дубовую филенку. Слезы хлынули рекой. Мокрая и соленая, горько-раскаленная река текла из глаз. Она рыдала молча. Слезы были такими как всегда, дверь была такой как всегда. Только вот мир не будет таким как всегда. Пальцы рук свела судорога, было страшно, больно, одиноко и

очень-очень плохо. Несмотря на это, Ирина не позволила себе ни единого звука, ни всхлипа, ни вздоха. Опираясь о стену, она побрела в кухню и выпила виски. Затем пошла курить. Хорошо, что все они спят. Уже давно Ира назвала своих родных «они». Просто «они». Которые «там». Которые вне, снаружи, не внутри. Речитатив уже заполнила ее всю, во всем теле ощущалась пульсация черной, жирно блестящей змеи.

- Убей меня, - попросила Ира змею.

- Чтобвывсесдохлинеможетбыть... - отвечала змея, искрясь лаковым телом.

- Так не может быть, так не может все закончиться! Сделай что-нибудь!

- Чтобвывсесдохлинеможетбыть... - отвечала змея, поблескивая антрацитовыми глазами.

- Ведь это все обман? Правда? Меня обманули! Нет никакого Рёдля, и партнеров у него тоже нет, Володя жив, только не пишет, уже давно не пишет. А это все – обман!

- Чтобвывсесдохлинеможетбыть...

- Мамочки, что же делать... - Ирина тонко завывла, тут же схватила полотенце и прикрыла лицо. – Мамочка... Даже ты против меня... Володенька, что же делать, милый...

- Чтобвывсесдохлинеможетбыть...

Дорога № 1

Ирина успокоилась, умылась холодной водой. На балконе было холодно и сыро, воняло от мусорных баков, а под платаном лежал кто-то. И из-под этого кого-то вытекала лужа. Ветер мел по бульвару обрывки упаковок чипсов, пустая бутылка колы гремела по тротуарной плитке, подгоняемая ветром. Оранжевое небо ночного Парижа не давало ни единого шанса увидеть звезды. Ирина легла спать в детской на второй кровати. Старшая - на каникулах. Ничего она не расстилала, повалилась на кровать и забылась в объятиях черной змеи.

Ее выбросило из сна совсем скоро, резко, как от удара клюшкой по шайбе. Как пробка из бутылки она вылетела из короткого забытья. Ирина лежала, обливаясь холодным потом, и, глядя перед собой, в ужасе рассматривала новый кусок знания. Да, теперь она знала, как зовут черную змею. Это была Беда. Именно с большой, самой заглавной буквы. Она знала, что эта Беда ее теперь не оставит, и что эта беда почти не имеет отношения к послезавтрашнему событию. Беда охватила всю ее прошлую жизнь и уже охватывает невидимыми воронеными петлями всю ее последующую. Ирина не думала, она просто знала. Есть такой вид знания, назовем его «внешнее знание», которое дается далеко не всем и далеко не всегда. За всю свою жизнь Ира получила всего три таких кусочка, три подсказки. И ни разу их толком не использовала, не обращая на них внимания. Первый раз, как говорил Володя, «ей показали» сон. Это было как раз перед отъездом в Америку, когда старшенькая была еще восьмимесячной малышкой. Весной, буквально за неделю до отлета, они вместе гуляли на стадионе с коляской. Володя купил где-то две баночки мыльных пузырей, солнце сияло и грело, пробивалась первая трава. Дочь спала в коляске, а они выдували яркие мыльные пузыри, их уносил ветер, и над полем стадиона образовалась длинная вереница этих самых радужных шаров. Ирина тогда рассказала о сне. Там она сидела в классе, не школьном, а скорее всего институтском, в аудитории. Перед ней лежал большой лист бумаги и фломастеры. Голос «за кадром» (в таких снах нельзя увидеть того, кто говорит) сказал – нарисуйте рисунок. И Ирина начала рисовать по самому краю листа. Тут же резкий голос произнес: «Ты делаешь неправильно! Ты забыла о главном!». И сон оборвался. Володя объяснял, в чем тут дело, к чему это все, очень удивлялся, что «в конце концов» ей показали урок. Ирина не понимала, ей было совсем не до толкования снов, она очень нервничала – очень странный сон,

непонятно о чем, но – неимоверно правдиво и реалистично. И еще не знала, до сих пор не знала, как поступить: ехать в Америку - или остаться. Жажда приключений и новой жизни толкала ее вперед. Но, на душе было очень беспокойно. Точно так же, она не обратила внимания на вторую подсказку. Запомнила, но не придала значения. И вот теперь – третий, последний раз. Больше подсказок не будет. И вообще ничего не будет. Потому, что уже в ее жизнь пришла она, Беда, которая не оставит ее ни на час, которая будет ежесекундно суфлировать ей, которая распотрошит на прозекторском столе каждый ее поступок, каждое слово. Змея пришла рассказать Ирине историю ее жизни, и Ирина в паническом ужасе пыталась стереть из памяти отвратительные, гадливые моменты, чтобы их не заметила змея. Ира попыталась старательно спрятать тот кусок истории, когда она давала согласие выйти замуж за Николая, при этом встречалась, фактически – жила, с Володей, и в то же время встречалась с Иваном, который однажды, уходя со съемной квартиры, столкнулся с Володей лицом к лицу. И, слава Богу, Володя с ним не был знаком. Ирина орала внутри себя: «Этого не было!!! Это не случилось! Это не я!». И змея услужливо, с ухмылочкой, ответила: «Чтобвывсесдохлинеможетбыть...». Ирине стало, наконец, абсолютно понятно – змея не оставит, не забудет, не простит и не извинит. Ира панически бросалась от эпизода к эпизоду, пыталась выдумать, вспомнить побудительные и оправдательные причины того или иного поступка, пытаясь отыскать лазейку, отговорку, вескую причину... И не находила. Змея радостно трясла шипастой головой, мерзко улыбалась и нараспев повторяла: «Чтобвывсесдохлинеможетбыть...».

С огромным трудом, Ирина отлепила себя от промокшего покрывала и побрела в ванную. Умывшись, почистив зубы, приняв контрастный душ, она стала чувствовать себя немного свежее и легче. Надо выпить кофе, надо кофе...

Первой встала мама, потом Оленька. Завтрак, кофе, Николай уехал на работу, мама смакует какие-то конфеты, рассказывая о том, как было бы хорошо привезти их в Киев. В смысле – конфеты привезти. Ира двигалась как автомат, выполняя обычные дела, привычно отвечая, привычно растягивая рот в улыбке. Позже, днем Ирина спросила:

- Mam, а хочешь замечательных круассанов? Тут на углу с Нотр-Дам Де Шамп с неделю назад арабы открыли новый хлебный. Хочешь?

- Ой, конечно! Хочешь – вместе все пойдем?

- Да ну ладно, я быстро сбегая!

Ирина вышла в ветреную осень, рядом слышалось шуршание черной змеи. Теперь Ирина никогда не будет одинока. Ира ловила отблески на лаковой чешуе краем глаза, и поглядывала в редкие витрины закрытых магазинчиков в попытке увидеть ее целиком. На небольшом стритлайне Ирина прочитала надпись «Vendredi 13 Octobre¹¹» и обомлела. Оказалось, она активно пыталась спрятать поглубже вопрос «Сколько же осталось времени до похорон?». Оставались сутки. Чуть больше суток. Сзади ее окликнули: «Fille¹²!». Ирина обернулась и увидела явно сумасшедшего мужчину, одетого в рванье и тряпки, немывтого, небритого, по запаху - явно не умеющего ходить в туалет. Его руки были украшены часами. Самыми разными – детскими, китайскими электронными часами, со стрелками, с браслетами и без - просто привязанными к рукам веревочками, приклеенные скотчем. Браслеты поднимались выше локтя на каждой руке, отчаянно блестели, звенели и шуршали. Они напомнили Ирине о змее. Руки напоминали змей. Сумасшедший громко проговорил глядя мимо Ирины: «Fille! J'ai perdu du temps!¹³», и только тут Ирина заметила, что все часы на его

¹¹ Пятница, 13 октября. Фр.

¹² Девушка! Фр.

¹³ Девушка! Я потерял время! Фр.

руках стояли. Мертвые экраны электроники, стоящие секундные стрелки. Промелькнула мысль – этот сумасшедший и есть время, потерявшее само себя. Еще она подумала, что для этого сумасшедшего мужика нет никакого времени, он завяз в своей последней секунде навсегда. Ирина ужаснулась этой мысли, сжалась от страха. А сумасшедший, совершенно не замечая остолбеневшую женщину, прошел рядом и свернул за угол.

- Что это было?

- Чтобвывсесдохлинеможетбыть..., - ехидно ответила лавковая скотина.

Ирина развернулась и пошла в сторону дома. Открыв дверь, она пошла в спальню.

- Мам, представляешь, я деньги забыла. Сейчас возьму и вернусь.

- Хорошо! Приноси булочек, да и для нашей булочки не забудь! – Бабушка тормозила внучку. Оленька при этом залиристо смеялась.

Ирина открыла свой «секретный» коробок, вынула три с небольшим тысячи евро, проверила на месте ли паспорт, сунула в карман куртки запасные трусы, влажные салфетки и вышла из дома. Быстрым шагом дошла до входа на станцию метро Нотр-Дам Де Шамп, буквально прыгнула в поезд. Ей нужно было как можно быстрее добраться до вокзала Nord¹⁴. Оттуда нужно быстро доехать до аэропорта на электричке. Ирина нашла в телефонной книжке контакт офиса «АэроСвит¹⁵», набрала номер.

- Добрый день, вас приветствует...

- Добрый, девушка. Мне нужно сверхсрочно в Киев. Как это сделать?

- Прямой рейс уже улетел, сейчас, я посмотрю с какой пересадкой вам будет удобнее.

¹⁴ Пригородный вокзал в Париже.

¹⁵ Украинский авиаперевозчик.

- Спасибо, очень жду.

- Итак... Вы можете через полтора часа вылететь в Москву, и из Москвы вылететь в Киев. Будете на месте в двадцать два тридцать.

- А раньше, раньше нет возможности?

- Можно попробовать через Франкфурт¹⁶, но там будет очень короткая стыковка. Если самолет опоздает хоть на пять минут, Вы останетесь в Германии на сутки.

- Хорошо, я полечу через Франкфурт. Забронируйте на фамилию Сергиенко. Я смогу оплатить в аэропорту билет? Я плачу наличными.

- Девушка, мы стараемся не принимать наличные, у вас есть кредитная карта?

- Я как раз получить должна новые карточки в понедельник. Так что остаются только наличные.

- Тогда тариф будет немного больше.

- Насколько больше?

- На восемьдесят Евро. Вас устраивает?

- Да! Бронируйте, я еду в аэропорт.

Ирина выключила телефон, вынула из него батарею и симку, положила в карман. Ее гнало отчаянье, а черная змея неслась за нею. Ирина понимала, что в очередной раз совершает необратимый поступок. И вдруг ей стало безразлично, что случится. Совершенно наплевать, лишь бы вырваться, показать, что она способна на то, что Володя назвал бы «Поступком», хоть на что-то быть годной, не тряпкой, о которую все вытирают ноги. Ирина знала, что это второй по размеру безответственности поступок в ее жизни, но она не могла остановиться, да и не хотела. Она снова собрала телефон на улице, написала маме смс-ку – мол, встретила подружку, пьем кофе, скоро буду. И снова его разобрала. До вылета оставалось около тридцати минут, когда она оплатила билет и прошла паспортный контроль.

¹⁶ Франкфурт-на-Майне, крупнейший европейский аэропорт, Германия

Через полтора часа самолет заходил на посадку во Франкфурте, и Ирина смотрела сквозь легкий туман на стрелы автобанов, разлетающиеся от города во всех направлениях. Полтора часа ожидания перенесенного рейса она провела в ирландском пабе. Курила, потягивала виски. Много раз внутри нее поднималась волна ледяной дрожи, страха – что сейчас будет? Они же уже знают! Перед ней на стойке бара лежал демонстративно разобранный телефон. Она вспоминала, пыталась вспоминать его. Прошло очень много лет, еще и такая разница в возрасте. Ирина не могла представить себе Володю, которому сильно за пятьдесят. Было. Было. Он остался с ней таким, как она его видела в последний раз перед вторым отъездом в Америку, двадцать девятого октября две тысячи десятого года. Другим он для нее не существовал. В зеленых широких штанах с накладными карманами, в мягком свитере, ветровке, стриженный под насадку 6 на 9, чисто выбритый, с красными от недосыпа глазами. Она сказала тогда, стоя на лестничной площадке возле своей двери – «Ты меня больше не отпускай никуда. Пожалуйста...». Он согласился, как ей показалось.

- Больше ее отпускаю. Никогда. Ты и так всегда со мной, даже если ты в Вашингтоне.

- И ты со мной. Ты во мне, а я в тебе, да?

- Да, Сергиенко, так было и так есть. Боюсь, что так будет всегда. Не подведи меня, реши все быстро. Как обещала.

- Да, на этот раз я все сделаю как надо, родной...

Ира взяла его ладонь в свои ладони, уткнулась носом в его пальцы, потом, повернув голову, уперлась в них щекой.

- Ты знаешь, что я никогда в жизни не целовала никому руки? Твои я буду целовать всегда. И во сне, и наяву. Знаешь почему? Потому, что я тебя люблю. Ты – мой любимый человек, единственный любимый мужчина. Я все решу, для меня очень важно все решить быстрее, очень-очень важно быть рядом с тобой. Я тебя люблю...

Потом, через пару минут, она стояла, приоткрыв входную дверь квартиры, и слушала, как на лестнице затихают его шаги. Хлопнула дверь подъезда. Последний день – прочь!

После прилета в Вашингтон она писала Володе в ответ на его письмо: «Голуби голубями, но, сколько пришлось бы ждать такой голубиной почты? Практически как в Юноне¹⁷. «Хоум»¹⁸ совсем не такой «свит», как казался в самом начале, но.. Имеем то, что имеем, попробуем это изменить. Удачной тебе командировки и помой лапы в море за меня». И снова бессмысленная пучина текучки засосала ее. Надо заниматься ребенком, причем, делать это самой – Николай-то на работе. Толком она не знала, что делать, не умела заниматься детьми, к родам и воспитанию ребенка не готовилась. Для нее это было, как получить живую игрушку, ну, которую надо мыть, кормить, которая будет тебя веселить что ли, радовать там... Не тут-то было. Только через некоторый очень длительный период времени она осознала свою ответственность перед этим куском губки, которая впитывает все и понимает все. Но, ни знаний, ни навыков, ни желания делать что-то серьезно у нее не было. Зная такое отношение Ирины вообще ко всему окружающему, Володя, перед родами купил все медикаменты и вещи ребенку на первое время, включая пеленки, мыло, пипетки и т.п. Николай не занимался этим. Вернее как, вроде как бы занимался, но особого результата эти занятия не принесли. И, фактически, посторонний человек собрал все, что только было надо для Иринино, чужого для него ребенка. Она отнеслась к этому, как к должному и занялась своими делами.

Николай улетел в Америку, оставив ее с крошечной и не сильно здоровой дочерью в родительской квартире. Мама, ко-

¹⁷ Имеется ввиду «Юнона и Авось», где героиня всю жизнь напрасно ждала письма от, к тому времени уже умершего, мужа

¹⁸ Home, sweet home. Дом, любимый дом. Частая надпись на половичке в американских домах.

нечно, помогала. Папа и брат могли только подержать дочь на руках и тут же отдавали орущий комочек назад – сама занимайся. Маминой помощи не хватало – мама почти ничего не понимала ни в медикаментах, ни в новых смесях. Позже Ирина с ужасом поняла, что и в воспитании детей мама смыслила ровно столько, сколько дровосек понимает в нанотехнологиях. Это был суший кошмар. Тогда она при разговоре с Володей ввернула фразу: «Лучше было бы рожать с тобой». Володя очень расстроился и, заспешив, уехал домой. Потом Ирина поняла, что случилось. Володя пытался ее забрать, даже беременную чужим ребенком, забрать. Ему нужна была Ирина. И для него не имело значения, чей конкретно ребенок у нее в животе – это был бы его ребенок. А Ирина побоялась. Просто побоялась что-то менять. Задолго до родов Ирина писала Володе: «Я поняла, что не умею так любить, преданно, голо, безоговорочно и вся без остатка, отдавая в сотни раз больше, чем можешь. Это правда и очень страшно об этом писать... А так хочется верить, что все еще может измениться... Мне не хватает тебя. Очень. И это, тоже, правда. Как и то, что круг на самом деле замкнулся, и не вырвешься».

Так у Ирины стало два мужчины – один «официальный» муж, которой толком не был, да так и не стал для нее родным человеком. Просто «удачный вариант», как ей тогда казалось. И Володя, который был родным, но не был мужем. Очень удобно. С учетом того, что Володя был в Киеве, а Николай – в Америке, - вообще замечательная ситуация. Поначалу ей казалось, что это именно так. Ирина не умела любить, плохо понимала значение этого слова. А еще было крайне приятно, когда о тебе заботятся сразу два мужика. И теперь, сидя за стойкой бара во Франкфурте, Ирина думала о черной змее, человеке с часами, и о том, кем для нее был Владимир. Ее Володенька, который лежит на эмалированном столе с разрезанной грудной клеткой и ватными тампонами в носу и за щеками. Стоящий рядом

патологоанатом готовится широкими стежками зашивать пожелтевшую кожу живота, и где-то далеко его жена носится по городу, «пробивая» справки, свидетельства и прочую бумажную мишуру, необходимую для окончательной и бесповоротной смерти. Неопишная невозможность что-либо изменить стояла перед ней каменной стеной. Но, Ирина упрямо думала, что, наверное, есть еще какая-то лазейка. На заднем плане размышлений черная змея нервно хихикала, видя такие мысли искалеченного эгоистичного ребенка, которым являлась Ира. И, тем не менее, Ирина упрямылась: «Был пройден такой путь, он не может просто так оборваться». И правда - путь был пройден большой. Эволюция Ирины началась из «домика», в котором она постоянно сидела и поплеывала на Мир, превратила ее в истерически любящую женщину, которая не умеет и не может действовать самостоятельно. Володя в ее сердце прошел путь от «просто друга» до «единственной цели» и, она писала через годы: «ты одновременно для меня и отец, и муж, и сердечная сиделка¹⁹, и настоящий друг, и ангел-хранитель... А я при этом чувствую себя неблагодарной скотиной, которая ничего не делает для родного и близкого человека...». И Володя ждал. Нельзя сказать, что Ирина в это время занималась только развлечениями, но делать она особо ничего не делала. Просто жила. Как ребенок, который никому не нужен, прибегающий домой только в случае крайней необходимости - писала или звонила Володе только когда совсем припекало. А потом пустота текучки снова подхватывала Ирину и уносила прочь. Ведь так здорово кататься на лыжах, плавать в океане, пить «Маргарита санрайз²⁰» во Флориде, до икоты объедаться «капитанским» стейком, толщиной в полтора дюйма. А потом,

¹⁹ Игра слов – один из вариантов французского написания «ангел-хранитель» может быть переведен, как «тот, кто хранит сердце». Отсюда – сердечная сиделка. Тут и далее выдержки из писем героев.

²⁰ Крепкий коктейль с текилой

как только рядом с сытым животом тихонько заскребет сердце, - вот тогда, можно написать «мужу и отцу».

Она понимала, что это невероятно неправильно, это отвратительно, это предательство любимого человека, но продолжала поступать именно так. Однажды, после празднования Нового Года, Ирина написала письмо, в котором жаловалась: «Получился очень стандартный праздник - неинтересный, скучный, с банальными пожеланиями и традиционным телевизором... В общем-то ничем существенным первое января не отличалось от тридцатого или тридцать первого декабря, наоборот, появился привкус обманутости, злости и жалости к самой себе... Противенькое чувство». Ирина даже не вспомнила, как она договаривались с Володей о том, что она едет к мужу с целью решить вопрос развода. И сразу возвращается. Володя сделал ей в общей сложности пять предложений, и Ирина в конечном итоге согласилась развестись и выйти замуж второй раз. Но, как же капитанский стейк? И прочие милые штучки? Яблоки в карамели?

Владимир не писал какое-то время, Ирина сердилась, потом написала очень пространное письмо о том, что пока не получается решить их вопрос, и «на самом деле основная причина - страх, страх изменений, страх затевать всю эту возню, самая обычная трусость.. Вот так.. Как выяснилось... Никогда не думала, что я настолько сильно в ней завязну...». В итоге, слово «возня» сыграло фатальную роль: Владимир был взбешен, разругался с ней, перестал писать и звонить. Какое-то время Ирина ждала, потом обычная текучка подхватила и унесла ее. Но, как говорили классики марксизма-ленинизма, диалектический переход количества в качество неизбежен. Проснувшись ранним февральским утром в съемной квартире в пригороде Вашингтона, Ирина смотрела на храпящего и чавкающего во сне Николая. Она пыталась понять, а что же произошло? Почему ей так тошно смотреть на это лицо? Почему уже долгое

время ни стейки, ни любимые горные лыжи, ни прочие развлечения не приносят былой радости и веселья? Ведь все «как обычно»? А с Володей она сейчас помирится, ведь всегда так было. Сколько же раз так было...

Она написала письмо и не получила ответ. Время шло, но почтовый ящик был пуст. Ирина начала нервничать, неприлично нервничать из-за очень-очень далекого, как казалось, любимого человека, и написала еще раз. И снова безрезультатно. Николай почувствовал неладное, начал в достаточно резкой форме требовать ответ, а Ирине нечего было отвечать. Она обычно врала, вернее, она не отвечала на вопросы: ведь не отвечать - это же не вранье? Правда? Очередной скандал заставил ее заново посмотреть на свои «основные средства²¹», и она с ужасом поняла, что все, что у нее есть сейчас, да и то, что было раньше, было как бы не настоящим, было не ее, а арендованным, в долгосрочном лизинге. И для того, чтобы все стало принадлежать ей по-настоящему, придется дорого заплатить лизингодателю. Она продолжала упрямо писать Володе: «Прости, прости, пожалуйста, прости, даже если не станешь дочитывать это письмо до конца. Я очень хотела вчера поговорить с тобой, попытаться объяснить, что это просто неудачно подобранное слово, не больше, которое к тому же больше описывает меня саму, чем наши отношения в целом или твое ко мне... Не получилось. Еще эта чертова разница во времени и твой телефон недоступен...». Почтовый ящик был пуст. Еще через некоторое время Ирина заметила, что думает только о Володе, все время занята только этим, пытается говорить с ним, что-то объясняет ему, убеждает. Еще через пару дней она поняла, что не может жить без Володи: дыхание сбивалось, она роняла и теряла вещи, почти не могла вести машину. Ей был необходим, жизненно необходим Владимир, яркое, жестокое и злое чувство заполнило ее всю, не давало ни есть, ни спать, ни за-

²¹ Бухг. Капитальные здания, сооружения, оборудование и т.п.

ниматься нормально домашними делами, голова и сердце рвались от боли, злости, потребности в нежности, слове, да хоть букве от него! Она решила возвращаться в Киев. Конечно, она ни с кем ничего не обсуждала, да и не думала этого делать. Утром Ирина набрала Володю, чтобы поделиться радостной новостью: «Я возвращаюсь, возвращаюсь к тебе! Ты мне очень нужен!» и т.д. Владимир достаточно жестко отказал ей и бросил трубку. Ира была в шоке – как? Это не правда! Так не может быть! Ведь я-то уже все решила! Он же так этого хотел! Столько лет хотел! Так просил! Не веря в случившееся, она написала: «Я буду пробовать еще и еще. Ты как то сказал, что ты не так много просишь. Теперь моя очередь. Я очень прошу тебя - прости меня. Никогда и никого я не просила так настойчиво. И, дело совсем не в том, что забрали любимую игрушку, - забрали часть меня. Ты меня часто пугал, где-то преувеличивая и сгущая краски, но сейчас я на самом деле напугана, мне страшно никогда тебя больше не увидеть, не обнять, не попробовать как это - открыть дверь «не дожидаясь звонка»²²... Я люблю тебя». Ответа не последовало. Ирина впала в панику, ей очень не хотелось провести остаток жизни с официальным «мужем», который, как выяснилось, ей не был толком нужен, которого Ира не любила, а в большей степени презирала. Но она боялась. Она боялась полететь в Киев, она боялась выяснения отношений с Николаем, она боялась снова звонить Володе. Она боялась всего. Свой панический страх перед поступками и действиями она объяснила себе просто – ведь это путь к стабильности (ведь так просто ничего не менять!), поэтому она затолкала поглубже желание лететь к Володе (страх и трусость оказались сильнее), и вернулась в свою обычную теучку.

Ирина заняла место в салоне самолета. Телефон остался разобраным, вокруг дышало жизнью сочное украинское тело, пропитанное баварским пивом, нашпигованное белыми соси-

²² См. рассказ «Структура вложений»

сками, сдобренное вином долины Шварцвальд-Пфальц²³, пахнущее драпом²⁴ и дорогими одеколонами. Сыто икающее тело летело испражниться на родную землю. Ирина сидела, думала и вспоминала.

Она поздравила Володю с двадцать третьим февраля и получила в ответ сухое «Спасибо». Потом потянулось долгое молчание. Она пару раз писала ему, и не получала никакого ответа. Внутри Ирины происходило что-то страшное – ей был нужен этот мужчина. Как глоток воздуха, как вода. И тут же страх сковывал волну, руки опускались, и Ирина молча ложилась с мужем в постель. Жизнь превратилась в постоянное мучение, но не было никаких сил что-то менять. Оказалось, что мучение все-таки можно разбавить развлечениями, лыжами, стандартной болтовней с мамой «ни о чем» и другими «важными» делами. Но, забыть или перестать чувствовать потребность в Володе она не смогла.

Однажды вечером (в Киеве было около четырех утра) она получила оповещение на телефоне о приходе нового сообщения в почтовый ящик. Свыкнувшаяся с тем, что Володя не пишет, она открыла почту, чтобы удалить спам. И увидела следующее: «Еще тпеую нось ч не переживву не а реанимации». Письмо было от Володи, отправленное с мобильного. Ира в ужасе набрала номер, но с телефоном не было связи. Утром она снова безрезультатно звонила в Киев, а ближе к вечеру получила еще одно письмо. Володя лежал в больнице, лежал уже давно и вряд ли скоро выйдет оттуда. Ирина не поняла, что с ним конкретно произошло, но дело было серьезное. Ира попросила маму заехать и проверить, как Володя себя чувствует, разобраться, что и как. Мама съездила, и вечером, по «Скайпу» коротко сказала: «Очень сдал, видать

²³ В этой долине расположено большинство крупных винодельческих компаний Германии

²⁴ Сленговое название марихуаны

сильно болеет. Ну, так как там Коленька? Когда во Флориду едете?». И Ирина снова начала писать Володе. И он ответил. Она была безумно рада, но билеты были уже куплены, и она с Николаем улетела на океан. Там не было особого времени писать, один раз она позвонила, да и то на три секунды – сказать, что у нее все нормально. Почту она не смотрела, и, вернувшись в Вашингтон, была нимало удивлена пустому почтовому ящику. Ира написала письмо с вложенными пляжными фотографиями: «Приветтики! Как-то давненько от тебя никаких новостей, как здоровье? Помню, что ты собирался немного отдохнуть, прийти в себя после болячек? Собираешься еще или на работе? Вообще чем занимаешься?». Ответом снова стало молчание. Ира сразу сообразила, что наделала. Тут же написала еще одно письмо, начинавшееся так: «Согласна, что последнее письмо было ужасным и по форме, и, по сути. Прости, пожалуйста. Это совершенно не означает, что мне все равно, что с тобой происходит. Мне все так же необходимо знать, что с тобой, чем ты живешь, твои мысли и чувства». Ответа не последовало.

В то время она изнывала от жары в Вашингтоне, а Володя лежал под капельницами в институте Амосова²⁵, откуда его перевели в пульмонологию с еще большим числом капельниц, уколов, болезненных и небезопасных процедур. Переживания, попытки как-то разорвать нитку отношений с Ириной привели его в больничную палату, нервная система не выдерживала, на этом фоне начало рушиться все остальное – сердце, легкие, зрение. Врачи разводили руками... А он, бился насмерть с собой за жизнь, за возможность выжить. Свое чувство к Ирине он сам описывал так: «Если бы эта любовь была материальна, она бы выглядела природным катаклизмом – но не лавиной или наводнением, а, скорее, наступлением ледника в ледниковый период. Неумолимое движение неимоверной силы. И эта

²⁵ Кардиологическая клиника в Киеве

сила наступает на меня». Володя был в ужасе и не мог ничего поделать. Он старался разорвать эту жуткую связь, а вместо этого она крепла, душила в своих объятьях, убивала его. Каждое письмо от Иры, в котором зияла пустота, приводило его в ужасное состояние – он не понимал, как могло случиться так, что он любит человека, который не только не в состоянии ответить ему чувством, не может понять, что чувствует он, чем и как живет. За пару лет до событий в больнице он написал Ирине:

«Милая, любимая, родная, та, которая так странно вошла в мою жизнь, самый любимый человек, тот, для кого встает солнце и идет дождь, тот, кого я ждал сорок лет, тот, без кого, жизнь теряет самое главное, самый важный, нужный, необходимый, как воздух. Тот, кому есть что отдать и сказать, именно ты - моя любовь, страшная, разрывающая все во мне и вокруг меня, ты, ты и только ты...

Ты, кружащая во тьме иллюзий, обмана и лжи.

Ты, не умеющая говорить.

Ты, идущая странной дорогой внутри себя и не менее странной – снаружи.

Ты, до сих пор не вышедшая из своего запущенного, грязного, темного и сырого «домика».

Ты должна знать: я скучаю по тебе.

Так было и так будет.

Я теряю и теряю, получая взамен еще больше огня и горя, я мечусь по клетке, грызу прутья, пытаюсь немного остаться честным перед тобой и собой, разбиваю голову о стену, рвусь в дверь, которая нарисована мелом на бетонной стене. Мне очень плохо. Я не знаю, что мне делать. Мне больно и холодно. Я пытаюсь вылить из себя этот кошмар, пишу ужасные вещи, выписывая их кровью из сердца, каждую букву - отдельно для тебя. Чтобы ты заметила, чтобы ты удивилась и ужаснулась, чтобы ты улыбнулась, чтобы ты задумалась. Ведь у меня оста-

лось так мало всего. Вернее, меня осталось так мало. Уехав, ты увезла почти всего меня, ничего, кроме надежды, не оставив в замен. Ведь уже много лет я живу только тобой, жадно ожидая слова, касания, движения, запаха.

Нет никакой дистанции, ты ошибаешься, не было и нет. Есть только попытка защитить себя от зверя, от боли, от этого страшного кошмара, который со мной происходит. Я не могу жить без тебя, но мне надо жить, поэтому, изредка, я рисую себе картину мира без тебя, и ты это чувствуешь. Но картина мира без тебя и реальный мир с тобой - очень разные вещи. Потому, что ты есть. Где то там, за углом дома, но есть. Расстояние - чепуха. Наш мир мал, как орех. Ты рядом, я все еще чувствую твой запах, смотрю на пустое сиденье машины, на физические знаки. Но дело не в них, ты - со мной, внутри меня, такая как есть - ужасная и прекрасная. Я не могу не говорить с тобой, просыпаясь, я вижу только тебя, мысли адресованы тебе - а как бы я ей об этом сказал? Что бы я показал?

Нет никакой пустоты, отрешенности, равнодушия... Их никогда не было и нет по отношению к тебе... Есть только край пропасти, когда некуда идти, есть только пылающая вершина, выше которой только небо... Но ты знаешь меня. Остановившись на краю, постояв там минуту, я продолжаю идти дальше - по воздуху, по небу. Я не могу остановиться.

Ведь, есть ты...»

На это письмо Володя не получил ответ. Впрочем, как обычно.

Самолет достаточно мягко приземлился в Борисполе. Таможенник на паспортном контроле с удивлением посмотрел на Ирину и начал копаться на невидимом за перегородкой столике. Протянул Ире паспорт и положил поверх клочок бумаги и улыбнулся: «Вам сообщение». Ира вышла за линию контроля и развернула бумажку. Там был простой и понятный текст: «Ирина Петровна! Вам необходимо немедленно вылететь в

Париж. Н.С.». Она скомкала и бросила записку на пол. Вышла на улицу, закурила. Сзади кто-то кашлянул. Ира обернулась. Ее, оказывается, встречали. Заместитель начальника одного из отделов МИДа, ее старый знакомый.

- Привет, бегунья!

- Привет, привет. Сразу увезешь и покурить не дашь?

- Ни то, ни другое, Ира. Я хотел бы услышать объяснения.

- Зачем они тебе? Чтобы Коле передать?

- Не злись. Ты понимаешь, я не хотел ехать за тобой. Коля позвонил, скажем так, убедил меня, – собеседник улыбнулся, – я и согласился. Только вот у меня нет никакого желания тебя тут ловить, везти, отправлять и все такое. Просто, Ир, так сложилось, что уже достаточно давно я, как бы точнее выразиться, симпатизирую тебе. Наверное, влюблен...

- Ты? Господи... Дорогой... Но...

- Ничего не надо делать. Просто, я подумал, тебе надо об этом знать. И еще, знать, что я тебе всегда помогу и выручу. Просто так. Можешь рассчитывать.

- Спасибо... Слов нет...

- Ирина, очень прошу, расскажи по-человечески что случилось. Мне нужно знать. Мне кажется, что произошло что-то важное. Правда?

- Да. Умер человек. Очень близкий мне человек. Похороны завтра. А они решили меня не отпускать. Вот я и улетела...

- Я предполагал что-то такое. Николай не сказал, а я подумал, что тут имеет место далеко не попытка просто широко выступить. Скажи, а он тебя любил?

Голос Ирины дрогнул.

- Да, очень.

Собеседник протянул ей бумажный платок, по-собачьи печально взглянул на нее.

- Ты не переживай. А я, вот, ухожу из МИДа. Мне надоело это все. Возня эта... А ты... Всегда будешь для меня образцом,

что ли, именно той женщиной, которой я бы в других обстоятельствах поклонялся. Извини, пожалуйста...

- Ну что ты... Ты всегда был молодцом, в отличие от меня.

- Не наговаривай на себя. Тебя подвезти?

- Мне надо в Харьков. Я полечу.

- До Харькова ты не долетишь – там ремонт полосы сегодня и завтра. «Автолюкс²⁶» последний ушел с час назад. Могу тебя в Киев или Борисполь подвезти. Плохо, что ты так поздно прилетела, на ночь глядя. Ну, ничего, давай, поехали...

Дорога № 2

Ира стояла на остановке возле круглосуточных ларьков. Через дорогу белело здание «Укртелекома²⁷». Черная змея свернулась в клубок за спиной. Она решила не ночевать в гостинице, а ехать сразу. Очень поздно прилетела, очень поздно. Еще полчаса такого стояния и она согласится на непомерный тариф в триста Евро у местных таксистов. Черный Паджеро вильнул к обочине. Открылось окно, и Ирина подошла ближе, чтобы попросить подвезти. Из открытого окна несло перегаром, музыка ревела, стриженное на лысо мурло смотрело на Иру. Растягивая жирно блестящие губы в ухмылке, мурло проговорило: «И куда тебя, котик?». Ира отступила на шаг. Мурло снова уставилось на нее и произнесло: «Куда? Если в задницу дашь, так мы тебя хоть до Луганска довезем!». Из машины послышалось довольное ржание. «Чего стоишь и не отвечаешь? Сама руку тянула! Или рот чем занят, сучка?», - мурло заикало от хохота. Ира развернулась и пошла в сторону круглосуточных киосков. «Куда, курва, понеслась?», - заорало мурло и вывалилось из двери. Ира рванула вперед, хорошо, что была в осенних туфлях, не на каблуках. Мурло несло за ней, матерясь и ревя, как бык. Ира даже не успела толком испугаться – бежала в темно-

²⁶ Автобусный междугородний перевозчик

²⁷ Оператор проводной связи

ту, летела, что было сил. Мурло, судя по звуку, отстало, а Ира все бежала. Поскользнувшись на краю лужи, она грохнулась на бок в грязь и мусор, с трудом поднялась на ноги. Сердце выскакивало из груди, она хрипела, не в силах отдышаться, грязь текла по куртке и джинсам. И тогда она испугалась, ее начало трясти. Ира не могла найти сигареты, да и если бы нашла - не смогла бы подкурить, руки тряслись, слезы катились градом.

Через некоторое время она успокоилась, нашла салфетки и выпавшие сигареты, немного почистилась и пошла обратно к киоскам. Как назло, все таксисты куда-то запропастились, и Ирина одиноко стояла в кругу света под фонарем, грязная, как черт. Снова подняла руку, и проезжавшая старая копейка²⁸ затормозила, заскрипев тормозами.

- Здравствуйте, вы, случайно, не в Харьков едете?

- Приветствую, дочка. Нет, но в том направлении. Садись.

Пожилой седой мужчина, одетый по-простому, потянулся с водительского сиденья и открыл ей скрипучую дверь.

- А что ты так поздно собралась ехать?

- Да я только час как с самолета, везде опаздываю, вот и в грязь свалилась... Вы уж извините.

- Ну ничего... Я тебя до Пирятина довезу, там я на Сумы. А ты машину остановишь, до Полтавы, или Харькова кто довезет.

- Я вам очень благодарна...

Некоторое время они ехали молча, машина не отличалась ни скоростью, ни комфортом. Потом водитель затеял разговор.

- Вот ты мне скажи, хоть это и не мое дело, но что у тебя случилось?

- Человек умер.

- Чоловік?²⁹ Ох, вот дела... Пусть земля ему пухом будет...

²⁸ Жигули первой модели

²⁹ Слово «Чоловік» (укр) созвучно «человек» (рус), но обозначает супруга, мужа.

И Боженька пусть к себе возьмет, в Светлое Царство... У меня год тому жена умерла. Быстро так... Так что я даже «до свиданья» не успел сказать, чтоб меня... Сорок лет прожили, такая любовь была. Так что ты думаешь, я ее все еще люблю... Как приду на кладбище, плачу так, плачу... Говорю, что же она так быстро, как же мне жить, когда ее нет, и «до свидания» не успел сказать...

Водитель вытер нос рукой и снова замолчал. Ирина не знала что и сказать, просто молчала. Чуть позже он продолжил.

- Я тебе, старый человек, скажу... Мы с женой встретились случайно, но сразу увидели, что мы - пара. Такая любовь была... Такая любовь... Весь Вороньков³⁰ говорил: «Вот любовь, так любовь!». И цветы, и поженились тут в Борисполе, в ЗАГСе, все майские гуляли... Потом пошли в церковь, что бы никто не знал³¹, и попросили, чтобы нас по-настоящему поженили... Так и жили потом... Счастье такое было... Долго нам Боженька деток не давал, а я, дурак, начал пить, думал что со мною не порядок. А потом, забеременела моя Наташенька... Такое счастье было. Так я тебе скажу, что если бы даже у нас не было деток, от моей любимой никуда бы не ушел... Только вот «до свидания» не сказал, не поддержал... Но она не боялась умереть. Говорила, что сделала в жизни все, как надо. Все у нас было - и дети, и дом, и деньги, вот - машину купил.. А она... Почему, я так спрашивал у Него, почему Он меня вместо не взял, чтобы она внуков увидела... Как же она хотела их увидеть....

Водитель шумно вздохнул и надолго замолчал. Ночная дорога плавно катилась на Ирину. Она подумала, что если бы она сказала правду о Володе, этот мужчина, скорее всего, ее бы высадил. Очень простой человек, который не понимает, не понимал, да и не понял бы, не одобрил никогда в жизни того, что делала она... Господи, да кем же она может быть в его

³⁰ Село недалеко от Киева

³¹ Во времена СССР церковное венчание не приветствовалось

глазах? Тут и слов нормальных не подобрать. Но, все равно, она начала говорить.

- Володя умер. А я за границей была. Инфаркт. Мне позвонили – и вот как была, прыгнула в самолет... Не знаю, что и делать... И я не знаю, как жить... И, честно говоря, мне бы очень хотелось оказаться на месте вашей покойной жены, чтобы сказать, что я все сделала правильно... А так... Посмотришь – все не так сделала... И с Володей... Тоже «до свидания» не сказала...

- Ты, дочка, уже ничего не сделаешь. Не дали тебе возможности быть с ним, когда он умер. Так это - Его воля. Может теперь тебе надо что-то сделать, чтобы светлая память ему была. Мертвому телу, кроме гроба, ничего не надо, а для души - память твоя нужна. Чтобы напоминала Господу нашему о твоём муже, о суженом твоём, с которым по жизни вместе шла. Я же вижу, что ты не безразлична к нему была, так не будь безразличной никогда. Деточкам своим расскажешь, каким он был, как ты его любила, учи их в Любви и Вере...

В Ирине будто щелкнул выключатель, и она зарыдала, как кран открыли. Слезы текли ручьем, забивали дыхание. Силы оставили ее – она не могла даже поднять к лицу скомканную салфетку, зажатую в кулаке. Через какое-то время она успокоилась, попросила разрешения покурить, и, получив его, приоткрыла форточку... В Пирятине³² они попрощались, мужчина обнял ее, погладил мозолистой, сухой, как корень дерева, ладонью по голове, и уехал. Ирина осталась стоять возле заправки ТНК. Хорошо, что все освещено – можно и почистить засохшую грязь на брюках. И туалет работает... Пожилому водителю она незаметно сунула сто евро в карман. Может он удивится, может ему понадобится...

Красная BMW X5 остановилась возле Иры, опустилось окно, и женский голос сквозь музыку крикнул: «Чего стоишь? Садись бегом!». Ира села в машину.

³² Городок в центральной Украине

- Фигасе! Ты чего в такой грязище? - спросила молодящаяся крашенная полноватая блондинка.

- В Борисполе один урод толкнул, так я в лужу упала... Вы уж извините. Я на заправке чистилась, не все оттерла...

- Ты это, давай на «ты». Это раз. Два – сзади попонка Дизи лежит, так ты это – подсунь, чтоб не заделать сиденье. О'кэй?

Ира потянулась за собачьим ковриком и послушно подсунула его под себя.

- Какой породы твоя собачка?

- Дохлой, блин, породы! Сдохла, гнида, на той неделе, - отвечала блонда, подкуривая блестящую сигарету. – Слышь, стоко денег, нах, на нее высыпала, так на тебе – копыта кверху! А шмотки эти все никак не выкину... Слышь, любила я эту суку, просто капец. И еду там повкуснее, стрижек с маникюром, нах... И сдохла, падла. Вот шо тут скажешь!

- Жалко. Живая скотинка была...

- Да, была. Стоко денег нах... Ну ничё, куплю еще покрепче суку... Не... Хай любовник покупает. Сдохнет – так я ему скажу, шо ж ты мне, зараза, собаку дерьмовую подсунул? Прально?

- Ну, типа да! – подхватила Ирина новую нить разговора.

- Ну а ты мне вот скажи, чё ты тут голосовала? Куда едешь, вааще?

- В Харьков мне надо. На похороны еду.

- А шо? Мужик помер? Не, ну ты мне скажи, мужик? – оживилась блонда.

- Мужик... Мой мужик...

- Слышь, а ведь это любовник твой? Прально? Не ошибась? Я ж такое за версту чую! Прально? – блонда толкнула Ирину локтем.

- Ну, наверно, любовник...

- Ты шо, не знаешь, любовник он тебе или нет? Ты шо, с ним не спала? Да спала... Точно вижу!

- Спала... Давно только. А потом замуж пошла...

- Прально! Так и надо! Шоб и муж и любовник, а лучше – два! Там - бабла, тут - бабла, машину там, собачку – и, вся в шоколаде, как «Сникерс» ходишь! А эти говнюки вонючие шуршат, бабло зарабатывают, шубы покупают! Маладца!

- Любила я его сильно...

- Ну, ты это, подруга, брось нах! Какие такие любви да в наше время? Наш век короткий, как член у дятла, а надо ж всего попробовать – и бабла, и шубы поносить, и коксу нюхнуть! Всего надо! Кстати, ты коксу хошь?

- Та не, не буду...

- Эт ты зря... Хороший кокс на дороге не валяется... А с утраца его, нах, как дунешь, так еще двое суток прет... Ты не стесняйся, я такая, я угощу подругу!

Блонда довезла Ирину до Полтавы и высадила напротив Мак Дональдса. Отсыпала пару грамм кокаина в пустую пудреницу. Как она сказала, - «Угостила кайфовую подругу! А шо? Мой кокс, кого хочу – того угощаю!». Ира пошла в Мак перекусить и выпить кофе, она еле стояла на ногах, устав от ночных перипетий. На часах в Маке было семь утра. Внутри заведения было хорошо, тепло и уютно. Ира почистилась в туалете, заказала большой завтрак и два кофе. Облокотившись подбородком на сложенные на столе ладони, она стала смотреть телевизор. Вдруг в телевизоре появилась черная змея с микрофоном, улыбнулась Ирине жуткой улыбкой с саблевидными зубами, и запела. Ира в ужасе осмотрелась – никакого Мака не было и в помине. Она стояла посреди огромного стадиона, который был заполнен зрителями под завязку, далеко, возле облаков висел гигантский телевизор с черной змеей. Справа на поле, возле футбольных ворот стояла команда игроков, среди которых была крашенная блонда с повязкой капитана на рукаве. Слева стояла команда, во главе которой был пожилой водитель. В обеих командах мелькали знакомые

лица, только Ира не могла их толком разобрать. Иринина рука против воли поднялась вверх, и Ира увидела в своей руке блестящий свисток, который тут же оказался у нее в губах. Ира заорала: «Нет!!!!», но вместо этого раздался свист. Сверху нахлынул дикий рев зрителей и бодрый голос змеи – «чтоб-вывсесдохлинеможетбыть!». Блонда рванула вперед, неслась она как молния, в красных туфлях на высоченном каблуке, неслась прямо к пожилому водителю, который просто стоял и смотрел на Иру. Блонда одним махом оторвала голову мужчине, и, огромными, выпятившимися покрашенными губами впиалась в обрывок шеи. Ира завизжала от ужаса. Блонда повернулась к Ире и громовым голосом спросила: «Чёт не так, подруга? Это же разрешено правилами!». Высосанное тело мужчины тряпкой упало к ногам блонды. И тут Ирина заметила краем глаза Володю, который стоял в воротах слева. Ира хотела повернуться, но не могла никак пошевелиться. Блонда медленно, вихляя бедрами, подошла к Ире, кровь стекала по ее жуткому лицу с хоботом-ртом. Тихо спросила: «Это он? Там, в воротах? Да я же вижу, подруга...». Ира ничего не была в состоянии ответить, животный ужас сковывал ее. А блонда медленно развернулась и направилась в сторону ворот. Ира безрезультатно рвалась с места, черная ненависть окутала ее облаком, все вокруг трещало и гудело, а блонда медленно приближалась в Володе. И в момент, когда блонда подняла свои когтистые лапы к его горлу, Ира сорвалась с места с диким криком. И упала на кафельный пол. Люди в Маке смотрели на Иру с удивлением и неодобрением. Она встала и вышла. «Сон, что за страшный сон...», - подумала она. Ира повернулась к двери, чтобы поправить волосы в отражении, но то, что она увидела, было страшнее сна. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого. И Ира бросилась на противоположную сторону дороги, на остановку...

Дорога № 3

Милицейский наряд ППС садился в старый «Форд», когда к нему подбежала сильно помятая и растрепанная женщина. Ирина была в отчаянии – никто не хотел везти ее в Харьков, а маршрутка просто не успеет.

- Ребята, милые! – заголосила она, - пожалуйста, довезите до Харькова! Мне в 12 на похороны надо успеть, умоляю...

Один сержант смотрел мимо нее, на поток машин, чему-то улыбался, а второй разглядывал Ирину внимательным и безразличным рыбьим взглядом.

- Вы чего это, гражданочка, в таком виде? А документы при вас имеются?

Ирина сунула ему под нос дипломатический паспорт. Сержант удивленно взял его в руки и стал внимательно рассматривать.

- Ну, Ирина Петровна, мы тут ничем помочь не можем... Мы ж на службе... Нам уже смену сдавать... Так что...

- Очень, очень прошу, сержант... Мне нужно там быть... Обязательно... Он просил приехать, и я приехала, но опаздываю! - Ирина заплакала, и от бессилья осела прямо на асфальт.

- Слышь, Серега! – сказал старший, - ты может ее прокати, ну хоть до Чутово. Все равно по трассе надо проехать, а я пока домой смотаюсь. Свози, видать дело нужное...

- Я заплачу, за бензин – сотка евро пойдет? – прошептала Ирина.

- Не, Петрович, я никуда не поеду, мне еще и в деревню надо и дел столько, - начал загибать пальцы младший.

- Вы это, Ирина Петровна, в машину садитесь, мы сейчас разберемся, – сказал старший.

Ира забралась на заднее сиденье, сдвинула какие-то бумаги, термос переставила в ноги и стала ждать. Она всегда ждала. Ждала момента, когда все станет хорошо. Когда все наладится. Она не знала, как нужно сделать, не любила делать, любила

ждать. Ее ожидание было не ожиданием чуда, а было ожиданием чего-то более светлого, чем просто серая ежедневная рутина. И, как она считала, у нее не было выбора. Ни в учебе, ни в работе, ни в мужчинах, ни в жизни. Она катилась по волнам, подгоняемая ветром, и это ее устраивало. Однажды ветер прибил ее к Николаю, подающему надежды офицеру СБУ³³, который, до кровавых соплей, хотел попасть на дипломатическую работу. Жаль, вот семьи у него не было, а то давно бы где-то в Люксембурге был бы послом. Ирина не очень хотела выходить за него, но родительский пример оказался практически решающим. Она была воспитана в семье, в которой были только хозяйственные отношения, которая строилась не на взаимном (и даже не на одиночном) чувстве, и, тем не менее, эта семья существовала, жила и не причиняла ей особых неудобств. Она привыкла к безразличию и вранью, привыкла к отсутствию целей, привыкла ко всему... И это «все» стало ее нормой жизни. Поэтому на очередное предложение Николая она ответила согласием, быстро, Володя был тогда в Москве. В обеденный перерыв она съездила с Колей в Подольский ЗАГС и получила паспорт со штемпелем. Теперь она стала как все – замужем. И очень скоро она стала как все – с ребенком.

Однако, даже она понимала, что этот брак сильно далек от не только идеального, но и от среднестатистического. Совместное житье людей должно на чем-то базироваться – на любви, на симпатии, уважении, деньгах, желании получить квартиру или машину. Что-то должно стоять за ежедневными обязанностями по стирке грязных трусов, носков, готовке и т.п. А в ее случае... Ира панически боялась что-то изменить – а как она останется с ребенком на руках, без денег, квартиры, машины? Хотя из списка пока присутствовал только ребенок. Ребенок был неким флагом, ради которого она старалась жить – по официальной версии. Вот, все – ради нее, на это иду ради нее, это

³³ Служба Безопасности Украины

делаю ради нее. Но, это все тоже было враньем. Ребенок был обязательным дополнением к браку с Николаем, а этого брака, по большому счету, Ирина не хотела. Она много раз очень тихо задавала себе вопрос – зачем я это сделала? А потом, даже сама не себе признавалась, что такое спрашивала. Это же так не хорошо – такое говорить. А упрямый голос в голове спрашивал – а жить так хорошо?

Ира подняла глаза и обомлела – она снова стояла на стадионе, и снова не одна. Рядом была Оля. Ира точно знала, что это – Оля, хотя дочь выглядела не совсем человеком. Она была крупной птицей. Почему-то на ней были одеты солдатские начищенные сапоги. А маленькая голова с клювом была копией лица Николая. Помимо своей воли Ирина выдергивала у птицы-Оли перья, приговаривая: «Тебе, доченька, перья ни к чему, только мешать будут. Придет злой Петушок, женится на тебе, и ты снесешь ему яичко, не золотое, а простое. А если ты будешь в перьях, то Петушок не придет, и будешь ты сидеть у моря и ждать погоды». Зрители на стадионе скандировали: «Петушок! Петушок!», и Ира с тщательностью часового мастера ощипывала дочь. Толчок в бок выдернул Ирину из бредового сна. Дорога неслась ей в лицо, она сидела в машине, и сержант за рулем что-то оживленно говорил в телефон. Договорив, он отложил трубку на переднее сиденье, взглянул на Ирину ошалевшими глазами и сказал:

- Представляешь, нет, ну ты представляешь, Светка-то моя – беременная! Вот сейчас позвонила и говорит – две полочки! Ну, ни фиги себе, слушай! Вот это так новость! Так ты слышишь?

- Да, поздравляю, - ответила Ирина.

- Ну, ты представляешь, вот это новость! Вот новость, так новость! А я ей говорю, да ты что, Светка? И сколько же по времени? А она мне – ну, шесть недель. А я ей – ну ты даешь!

- Поздравляю, - снова сказала Ирина.

- Да что там поздравлять! Елки палки! Вот это новость! – сержанта просто распирало – Слушай, да мы свадьбу сыграем! Вот блин! И тебя приглашаю! Ты со мной была, когда я узнал – значит, так надо было, значит не чужая ты мне! Приглашаю, блин! Вот же новость! Я же так хотел! Я же ее беременную на руках носить буду, пока ноги до колен не сотру! Вот же новость, так новость! Я же все, что хочешь, сделаю! Из-под земли достану! С неба украду! Лишь бы только родила! Да я, на фиг, уволюсь, дома с ней сидеть буду! Да я в педучилище пойду на вечерний – лишь бы только знать, что и как сделать правильно! Блин! Вот это новость, слышишь, Ирина Петровна, вот новость, так новость! Господи, спасибо!

Сержант схватил телефон и начал названивать, наверное, всем родственникам и рассказывать про «новость». А Ирина вспомнила одно из своих последних писем Володе. Она тогда снова засобиралась вернуться, но так и не вернулась. Ира писала: «Выяснилось, что притворяться, что все нормально, подменять понятия, пытаться заменить их на что-то иное не получается, да и совсем не хочется. В результате получился разговор. Может впервые за все это время, что я здесь... Меня хватило на говорение о нежелании выходить замуж, носить кольцо, об отсутствии элементарного желания заботиться о нем, не говоря уже о физическом неприятии, и всех формальных и неформальных признаках того, что и так уже давно понятно. Это конечно не стало откровением, но точно стоило быть произнесенным вслух. У меня все еще есть огромное желание приехать в Киев. Встретится. Поговорить. Если добавить конкретики, то билета у меня еще нет, но я хочу это сделать без дочки, пока мама будет здесь. Мама летит сюда третьего сентября. Пишу это для того, что может у тебя будет желание что-то передать. Если нет – значит - нет, на мои планы прилететь в Украину это никак не повлияет». И Ира в Киев не прилетела.

- Слышишь, Ирина Петровна, где похороны-то? На каком кладбище?

- Так я сама доберусь...

- Мы уже в Харькове, хоть и поздно, но приехали!

- А который...

- Половина первого!

- Мамочки, опоздала, я опоздала... Что же делать?

- На каком кладбище, я спрашиваю?!

- На семнадцатом.

- А, это на окружной! Мы щас туда кабанчиком – раз, и на месте!

Сержант включил проблесковый маячок, но сирену не включал. Съехал с Киевской трассы на такую же широченную дорогу и помчался вперед. Ире стало страшно. Еще несколько минут – и она, может, увидит его в самый последний раз. Ее начала бить нервная дрожь.

Конец дороги

Въезд на кладбище проходил через лиственную рощицу. Ирина была потрясена – невысокие холмы, покрытые еще зеленой травой, с редкими деревцами, собственно, и были кладбищем.

В самом начале надгробья стояли достаточно густо, а дальше, на холмах, было просторно и свободно, только редкие кресты или памятники были рассыпаны по зеленому фону.

- Да, это его место, - подумала она. Ирина так же решила, что он, наверняка, заранее купил место на кладбище, какое-то хорошее место – возле большого дерева, или на вершине холма. Володя наверняка все приготовил заранее – она была в этом просто уверена. Сержант распрощался и улетел к своей Светке, а Ира поторопилась к зданию управления кладбища. В воротах на въезде, она столкнулась с двумя автобусами. «Служебный» гласила табличка на первом, а второй назывался «По-

хоронный дом «Обелиск». На часах над дверьми управления было тринадцать десять. Ира на подгибающихся ногах вошла в кабинет. За столом сидел пожилой мужчина в офицерской форме без знаков различия, пил чай. Перед ним на столе лежала толстенная конторская книга.

- Здравствуйте, меня зовут Ирина.

- Добрый день вам, Ирина, - отозвался мужчина.

- Я опоздала. Помогите мне, пожалуйста. Тут были похороны Владимира Обревко. Мне бы на могилу попасть к нему.

- Ирина, у меня тут с утра было двенадцать похорон, как говорите фамилия? Обрывко?

- Обревко. Владимир Владимирович. Очень прошу, пожалуйста, я так спешила... Летела... И, опоздала. Мне так надо, вы, уж, пожалуйста, войдите...

- Ирочка, вот я вам нашел. Восьмая аллея, четырнадцатый ряд, сто восьмое место. Вот я вам на бумажке напишу и идите...

Ира схватила бумажку и, рассыпаясь в благодарностях, бросилась к двери. Мужчина же смотрел на нее каким-то странным взглядом, и Ирина остановилась. Игра в гляделки длилась несколько секунд.

- Ваш Обревко популярным был.

- В смысле?

- Раз к нему из Парижа люди летят.

- Откуда? – Ирина обомлела.

- Слушай, деточка, я много разного в жизни видел, но такого еще не встречал. Короче, ждут тебя. Ищут.

- Кто ищет? – прошептала Ира.

- Двое приехали за тобой. Больше не за кем. Машина их за конторой стоит. С киевскими номерами. Меня предупредили, чтоб молчал как рыба. Только вижу, что это не баловство. Для тебя – не баловство. А «встречатели» твои – им, что жука за-

давить, что человека. Я такое сразу вижу. Так что, ты, деточка, не ходи туда. Беда будет.

- Я пойду. Спасибо. Не могу не пойти, нельзя мне туда не пойти, совсем перестану человеком быть, если не пойду. Помогите мне, пожалуйста. Может, это единственное, что я сделаю именно так, как надо в жизни. Я пойду. Не могу не идти.

- Смотри, ты пойдешь сейчас по этой аллее, - работник кладбища показал из окна на дорожку, ведущую на вершину холма. – Потом пойдешь прямо к одинокому дереву на втором холме. Слева от дерева будет ориентир – скульптура девочки белого мрамора. Сонечкой звали ее.

Иру как током ударило от этого имени – Володя хотел ребенка. И будущую их дочь он всегда называл только Сонечкой.

- От Сонечки повернешь направо и будешь идти до конца ряда. И слева, ты увидишь, там новые могилы. Вот там твой Обревко. Там. А я пойду и этих твоих «встречателей» отвлеку. Кто я такой, да и они кто такие, чтобы не давать с человеком проститься. Иди.

И Ира пошла. Пройдя указанным путем, она оказалась в конце ряда, где уже не было оградок, а были три свежих могилы, которые стояли достаточно просторно. У одной из них цветы уже завяли – не он, у второй было буквально три венка и на земле валялись пустые бутылки из-под водки – не он. А у третьей...

Ира рухнула на колени. Как поздно...

- Володенька, милый мой, единственный мой друг... Любимый... Я пришла, ты позвал... Ты позвал, а я опоздала, как всегда опоздала, прости, мой любимый...

Свежая земля, свежие венки, солнце сияет, зеленая трава и черно-красные ленты. Только след, шрам на земле, откуда он вышел и куда вернулся. Ира захотела обнять землю, и

эту малую горсть, и всю-всю землю, закрыть ее собой, закрыть его собой, от боли и страданий, от смерти, от обиды, вобрать в себя, лишь бы... Ей не дали даже посмотреть на него, не дали коснуться в последний раз, не дали поправить волосы, не дали поцеловать ледяной лоб, не дали, не дали... Рыдания сотрясали ее, а черная змея внутри рванулась, меняя движение мыслей: это она не дала ему стать ее мужем, это она не дала ему родить вместе с ней Сонечку, это она не дала ему сыграть с ней свадьбу, это она не дала ему возможности отдать ей себя, это она... Недостойна, проиграла, потеряла, провалила, сломала, не построила, не сделала... Она виновата...

- Ах ты, сука! – злой крик сорвал ее с земли. К ней бежали двое в темных костюмах, сзади, далеко отстав, хромал смотритель в офицерском кителе.

- Не подходи! – закричала Ира, - не подходи ко мне!

Первый бежавший с размаха ударил Иру ногой в живот, она подставила руки, но от удара свалилась на мягкую землю могилы и не смогла быстро подняться. Ударивший поскользнулся на свежей земле и упал, но второй уже подскочил к Ире и ударил ее еще раз ногой. Ира от удара перевернулась со спины на живот, дыханье перехватило, весь мир вспыхнул болью.

- Получи, падла! – закричал первый и ударил Иру снизу под живот. Она сложилась пополам, и, не обращая внимания на новые удары, запричитала:

- Володенька, любимый, нет моих сил, помоги мне, любимый! Я не боюсь уже, но сил нет, любимый мой, забери меня, любимый, спаси меня...

Рот наполнился кровавой кашей из земли и осколков зубов, лицо разбито, правый глаз не видел – его залила кровь из рассеченной брови, дышать невозможно – наверное, сломаны ребра. Она подышала, как сбитая на дороге собака, никчемная и ненужная никому. И вдруг, черная змея ласково шепнула ей:

«Ну, сколько же можно, милая?». И Ирина поняла – уже так нельзя, совсем нельзя, она ощутила что-то страшное, намного страшнее смерти, что-то невероятно жуткое стояло за спиной, сложив дымящиеся когтистые лапы, в ожидании финала. И ее разорванный рот раскрылся в крике:

- Я люблю! Я не предаю тебя! – и Ира, страшная, в грязи, в крови и рвоте, бросилась на нападавшего мужчину. Обжигающий ледяной удар под левую грудь отбросил ее на могилу, но Ира не упала на землю, а провалилась в какие-то листья и мелкий мусор.

Она поднялась и не увидела ни кладбища, ни людей. Никого не было рядом.

- Я потеряла сознание, - решила Ирина. Осмотрелась. Вокруг был редкий лесок или роща с невысокими деревьями. На земле лежал толстый ковер из слежавшихся старых листьев. Пахло осенью и светом. Пахло прелой листвой. На небольшом камушке сидела изумрудная ящерица, рядом с ней на листьях перебирала лапками серая птичка. Оба животных смотрели на Иру. Ира поднялась и медленно пошла вперед к небольшой поляне. Ей было очень тяжело рассмотреть, что именно находится на поляне, но она знала – ей именно туда. Чем ближе она подходила, тем четче проступали детали. На поляне горел небольшой костер, и кто-то стоял возле него. Ира подошла ближе и громко произнесла: «Я пришла!».

Несколько фигур стояли поодаль, одна из них приблизилась к костру. Это был пожилой водитель. Глаза мужчины ярко светились зеленым огнем, он был в грубой черно-коричневой накидке с капюшоном, рукава которой свободно свисали. Ирина поняла, что в рукавах никогда не было ничего похожего на человеческие руки. Там было что-то совсем другое. На сухие листья у ног водителя выскользнуло и растворилось мерцающее белое перо. И он произнес голо-

сом, от которого начали валиться ветки с деревьев: «Ты не справилась!». Рядом с водителем появился сержант. Он был в таком же одеянии, глаза светились. Сержант посмотрел на Иру и сказал: «Ты опоздала!». Третьим у костра стал Володя. Глядя жутким зеленым взглядом на Иру, он сказал: «Ты предала!».

Ирина поняла, что происходящее – уже даже не смерть, это совершенно другое, это персональный Страшный Суд. Она не видела своего тела, не было ни ног, ни рук, ни одежды, ни возможности что-то скрыть, утаить или не сказать, не было чувств, была только возможность просить. И она попросила. Она просила собой, молила всей своей сутью, умоляла дать ее душе возможность сделать все наново. Невозможно объяснить, как можно просить без слов, как это - просить собой, но она смогла это сделать. Ира раскрыла себя как великолепный цветок перед этими хозяевами костра ее судьбы, вывернула себя на изнанку, пролиставла всю себя. И попросила голубым весенним небом, холодной ноябрьской водой, пыльным воздухом июля, она просила своей кровью и потом, своим сладким молоком и черными грозowymi облаками, ревущей морской волной, биением маленького сердца нерожденного ребенка и собственным последним вздохом. Она не унижалась, не юлила. На той поляне нет места для такого рода проявлений. Закончив просить, Ира стала ждать. Долго ничего не происходило, потом огонь в костре медленно угас. Фигуры мужчин расплылись туманом, осевшим на листья. Туман стал темнеть, чернеть. Листья проваливались сквозь него, начали проваливаться и деревья. Небо выцвело, стало сереть, темнеть, чернеть. И эта чернота была наполнена движением, тяжелым, могучим движением, которое стало подбираться к висящей в пустоте Ире.

Эпилог

Невероятная сила сдавила Ирину, смоляная чернота залила ее изнутри.

Ира пыталась вырваться, но ничего не могла сделать. Она бы закричала, но не было воздуха, нечем было кричать. Тем не менее, она продолжала упрямо биться, рваться и задыхаться.

Сила убивала ее, комкала, раздавливала, и, в последнем рывке, Ира смогла освободиться. Очень надо было вдохнуть, она чувствовала, что еще мгновение – она погибнет без глотка воздуха. И она вдохнула, но вместо прохладного, свежего воздуха в нее влился расплавленный металл. Она закричала от непереносимой боли.

Громкий голос над ней произнес: - Поздравляю, вы родили здоровую девочку, мамаша!

Так важно успеть отдать подарок и не испугаться, когда поднимется ветер... Ведь он уже шуршит мертвой листвой и торопит дождь.

Смотри, поднимается ветер!

День первый

- Ты снова лазила в мою коробочку?

- Никуда я не лазила.

- Нет, ты лазила, лазила, зараза мелкая!

- Я не мелкая. Это ты... Ты - как корова! Ты - хуже коровы!

Ты мой рисунок порвала и выкинула, корова! И платье на кукле передела, зараза! Ты - заразная корова!

Старшая девочка крутнулась на месте и вышла из детской спальни. Младшая подошла к окну и стала смотреть, как ветер раскачивает ветви сосны. С седьмого этажа был хороший вид. Просторный и свободный вид. Внизу пестрели частные домики, чуть дальше стояло здание заводского общежития. И еще чуть дальше был лес. Сосны, стоявшие во дворе их дома, мерно покачивали ветвями в такт порывам ветра, несущего колкую ноябрьскую морось. Солнце никак не могло пробиться через низкую пелену серых плюшевых туч. И не смотря на то, что был еще день, и сестры не успели пообедать, но, уже успели поругаться.

Через некоторое время старшая девочка заглянула в комнату:

- Ты собираешься обедать?

- Нет. Я теперь не буду обедать. Это теперь мое новое правило – никогда не обедать. И не ужинать.

- Что, так и будешь тут стоять?

- Буду. Стоять. У меня есть кукла. Вот пусть она и обедает. А я – не буду. Еще одно правило – теперь я буду спать стоя, чтобы ты не трогала мою куклу.

- Ну и я не буду обедать, - примирительно сказала старшая.
- Тебе что обедать, что не обедать, – все равно ты - королева.
- Ах ты, мелкая зараза! Не зли меня!
- А ты куклу мою не трогай!

Старшая снова скрылась в коридоре. Вторая девочка все смотрела в окно, на котором появились мелкие черточки дождя. Она подумала: «Как в тетрадке разлиновано... Бери и пиши». Повернулась к книжным полкам и решила взять тетрадку. И передумала. За окном пролетела пара ворон, влажно поблескивая крыльями. Из коридора раздался голос старшей сестры:

- А ты не помнишь, что мы вчера делали интересного?

- Нет. Вчера ничего не было интересного. Вчера голова у меня болела.

- А вот и не болела! Обманываешь!

- Болела... И сейчас болит...

- Хочешь, я тебе сделаю массаж, как папа учил? Чтобы не болела твоя головёшка?

- Не хочу. Нет, хочу. Сделай.

- А ты попроси хорошо!

- Иди к черту... Сама предложила – сама и проси...

Младшая присела на застеленную кровать. Подвинула немного плюшевую белую собачку.

- Мелкая, давай я тебе массаж сделаю?

- Давай...

Старшая взяла ладошку младшей сестры и начала мягко разминать пальчики. Стоявшая какое-то время рядом с ней девочка, присела на кровать и прижалась к сестре.

- Так болит?

- Нет, не болит. Что-то нет настроения никакого. Хотела порисовать, даже тетрадь не хочу в руки брать. Грустно, как в грустной сказке. Может, я заболела? Потрогай мне лоб. Температура может... Или поспать надо...

- Ложись, поспи. Потом пообедаем. Я тебе приготовлю....

- А бутерброд сделаешь с колбасой?

- Да, сделаю. Поспи. Я не буду трогать куклу.

Младшая легла на кровать, пододвинула белую собачку, потом повернулась к ней лицом и закрыла глаза. Старшая вышла из комнаты. В пустой квартире стало совсем тихо.

День второй

- Что-то я есть не хочу...

- Мелкая, ты не ешь уже второй день. Ты точно заболела. А что, мы с папой поругались? Из-за чего, ты не помнишь?

- Чего поругались? Не ругались. Он на нас обиделся.

- А из-за чего?

- Ну, я не знаю... Этих взрослых фиг поймешь... А что он?

- Утром встал, даже на меня не посмотрел. И завтрак начал делать – кашу варить. Потом выключил кастрюлю и ушел на работу. И слова не сказал. Обидно. А у нас даже постели застелены.

- А чего ты в школу не пошла, раз он пошел на работу?

- А ты в сад тоже не пошла. Почему?

- Может нам взрослеть надо. Самим собраться и идти. А то мы все: «Папа-папа, а математику проверь! А это сделай, а то свари!». Вот ему и надоело. Пошли сами.

- Ну давай собираться. Только поздно уже – одиннадцать утра.

- Ну и не пойдем. Полежу я тогда. Плохо ночью спала. Не как сурок.

- Да и я тоже. Мы ж какое баловство устроили! Мы же постели даже не расстлали! Пусть будет правило! Не расстилать постели и спать на них! А собачек – укрывать!

- Хорошо, отличное правило! И я полежу, хорошо?

- Спи давай, мелкая сестричка...

Младшая полежала с открытыми глазами, и через часа полтора, встала, покружила по комнате, постояла возле книжных

полок, потрогала кончики мягких акварельных кисточек, заглянула в коробку с ракушками. Не хотелось ни спать, ни есть. Она стала у окна. Пейзаж ничем не отличался от вчерашнего – те же тучи, мелкий дождь и ветер. Девочка снова легла и обняла собачку.

Поздно ночью старшая растолкала сестру и зашептала:

- Представляешь, папа пришел пьяный... И сидит за компом. Я проверяла – четвертый час сидит и ничего не делает. Просто сидит, представляешь? А еще по полу какие-то фотографии разбросал. Много! И сидит! Еще он вино, или как его там – коньяк, брал на кухне. И курил в комнате! Ты представляешь? Никогда такого не было! А я зашла глянуть фотку – он так повернулся, посмотрел на меня, потом отвернулся на комп свой. И все! И слова не сказал. Что мы с тобой наделали, что он не хочет с нами говорить?

- Не знаю... Ты уже спрашивала... Зачем будила? Мне такой сон снился про лето... Долгое-долгое лето... Там птица прилетела с цветным хвостом – больше павлина хвост, красивый такой хвост... И рассказала мне, что тебе незачем во сне ходить в волшебную страну. И мне тоже. И рассказывала о другой стране, в которой лето навсегда и постель не надо застилать А ты разбудила...

- Не ворчи... Спи...

День третий

- Вставай! Да вставай же ты!

Старшая трясла сестру за плечо.

- Вставай, пошли!

- Куда пошли, что пошли?

- Давай быстро соберемся – ты в сад, а я в школу, пойдем в машину и подождем папу. И пусть он нас везет. Надоело уже дома сидеть.

- Посиди рядом со мной...

- Зачем?

- Ну посиди минутку, мне так холодно...

- Так укрывалась бы одеялом. Чего спала не укрытая?

- Забыла... Посиди... Мне так теплее... И спокойнее... А то мне кажется, что я стала легкая-легкая и сейчас налетит ветер и унесет меня... Так холодно...

Старшая прилегла рядом:

- Ты и в правду заболела. Я хотела вчера папе сказать... А он не захотел со мной говорить – тогда ночью. Я посидела на диване, подумала – ну, раз не хочет, так не хочет. Сама тебя свожу к школьной медсестре. Давай я тебя обниму, так и мне теплее будет. Мне же тоже холодно. А тебе везет, мелкая, лето во сне видела. А я не могла уснуть. Стояла у окна и темнотищу рассматривала. Ничего не увидела. Замерзла только.

Сестры полежали в обнимку немного. Потом старшая поднялась с застеленной кровати и подошла к окну.

- Давай пойдем в школу. Я отведу тебя к медсестре. Раз уж папа не хочет с нами говорить... А вообще, надо разобраться. Может, что случилось у него? Может, это он заболел? Вставай.

Старшая вышла из комнаты и скоро вернулась.

- Представляешь, он так и сидит как сидел. И курил в комнате. Странно, что я не слышу запаха сигарет. Может он проветрил. Я зашла – он снова на меня глянул и отвернулся. А я хотела ему кофе сварить... Обидно как... Пошли вместе. Давай его спросим, что мы не так сделали, а?

- Давай, спросим.

Девчонки прошли по длинному коридору и зашли в гостиную. На полу были разбросаны фотографии, возле окна за рабочим столом сидел мужчина, положив подбородок на переплетенные пальцы, и смотрел в монитор. Он повернул голову и посмотрел на стоявших возле дивана девочек, порывисто встал, обошел их и направился в ванну.

- Ну вот, видишь! Что за беда такая! Да что же с ним!

- А фотки странные... На них вроде мы, а вроде не мы...
Смотрю на фотку и не вижу, что там... Вот. Посмотри.

- И правда... А еще он, вон – смотри, понаставил картинок каких-то у монитора. Нечем ему заняться. Лучше бы с нами поговорил. Обидно-то как. Что же мы наделали?

- Не знаю... Ты только руку мою не отпускай... Холодно мне...

- Хорошо, мелкота... Дорогая моя мелкота... Я не буду отпускать руку. Я тебя не оставлю. Вот бы папа нас тоже за руки взял. Теплее было бы сразу. И чтобы дождь закончился...

Держась за руки, они прошли по коридору в детскую.

- Слушай, а зачем тут стоит этот пакет с нашей грязной одеждой? Смотри – пакет здоровенный, и там наши куртки, и вот твои джинсы, и мой свитер... Грязное все какое, аж позасыхало. Мы что, в краске измазались? И где такую краску берут и что ею красят? Гляди – то ли черная, то ли коричневая. И почему пакет тут стоит, а не в ванной? Это он что, намекает? Чтобы мы постирали? Так если что, я стираю! Запросто даже стираю! Может он из-за этого дуется?

- Точно! Это мы в краску свалились и не попросили прощения, он обиделся и дуется! Точно!

- А мы молодцы! Мы догадались! Ну, пойдем в школу. Слышишь – папа уже собирается выходить, шуршит там как барсук.

- Папа-барсук, папа-барсук! Наступил ногой на сук!

- Тихо ты!

Девочки вышли в коридор. Отец перебирал ветровки и куртки, висящие на вешалке. Снял куртку старшей, отряхнул ее и снова повесил на место. Они вместе спустились в лифте, сели в машину. За это время отец не проронил ни слова. В машине стало веселее – включился диск с любимой музыкой. И девчонки подпевали вместе и про пилота, и про полковника, и про осень.

- Пап, ты проехал садик! Почему ты проехал садик?

Отец не отвечал.

- Ну, ты хоть у школы остановись!

Машина притормозила у школьного двора. Дождь моросил, затягивая стекла паутинкой мелких капель. Школьный двор был пуст, ветер нагонял рябь на больших лужах.

- Слушай! Так сейчас же каникулы! Как я забыла! Вот я дура! Каникулы же у меня и у тебя!

- Почему?

- Потому, что каникулы! Пап, сейчас же каникулы?

И отец неожиданно ответил:

- Да, теперь у вас каникулы. Жаль, что не лето... Но, каникулы – они и в Африке каникулы. Но, вы не переживайте, все будет у вас хорошо. И лето скоро будет. Большое-пребольшое лето...

Он смотрел сквозь мокрую паутинку на школу.

- Вот видишь! Каникулы! И про лето тебя не обманула птица! И папочка не обижается уже! Ура!

- Ура! – подхватила младшая. – Лето, скоро будет лето!

Машина плавно тронулась, музыка заиграла снова. И теперь все трое подпевали – девочки на заднем сидении - громче, а отец – немного тише. Они скользили через мокрый город и пели. Несколько раз старшая отдергивала разбаловавшуюся младшую сестру, но, в целом, поездка шла легко и приятно. Через некоторое время отец притормозил у длинного глухого забора с единственной зеленой калиткой. Взял в руку какой-то пакет, сунул в рот сигарету и вышел из машины.

- Слушай, а где это мы? Куда это он?

- Не знаю, мелкая, но что-то мне страшно. Пошли за папой.

- Пошли.

Девочки, схватившись за руки, поспешили через калитку за отцом.

- А мы в этом парке ни разу не были!
- Это не парк, мелкая... Это... Страшно-то как...
- А что это?

- Это кладбище. Помнишь, тетю Свету хоронили на таком вот кладбище?

- Нет, не помню. А что такое кладбище?
- Не шути так, сестричка. Идем, идем быстрее за папой.

И они бросились догонять отца. Он шел достаточно быстро, дождь быстро намочил его плечи – темные пятна на свитере постепенно увеличивались, волосы промокли совсем. Мужчина свернул в одну из аллей, потом снова повернул в какой-то боковой проход и остановился.

- Подвинься, мне ничего не видно!

- И мне тоже! Тут какие-то ветки навалены, давай, обойдем...

Они бочком обошли отца и уперлись в куст. Теперь им был виден и папа, и то место, куда он смотрел. Тем временем, он бережно раскрыл пакет и вынул из него две пары ярких футболок и шорт, маленький кулечек с игрушками и еще один с леденцами. Все это он аккуратно и бережно разложил на двух свежих холмиках, сбросив с них множество увядших цветов. Опустился на колени в мутную лужу и сказал:

- Это вам на лето, золотки...

- Нет! – заорала старшая – Нет! Папочка, милый, я тут! И мелкая тоже! Мы тут!

Так же держась за руки, девочки рванулись к отцу, и, хотя до него было два шага, они бежали и никак не могли добежать. Младшая уже тоже поняла, что случилось, рыдала, кричала и бежала за старшей, но они не придвинулись ни на миллиметр к отцу.

- Что делать, мелкая? Что?! Он нас не слышит! Стой, не реви! Вместе, вместе кричим!

И они закричали. Они кричали о том, что они тут и никуда не уйдут, и что будут слушаться, и что нарисуют рисунок, и что никогда не будут перебегать улицу... Сорвав голоса, они замолкли. Отец поднялся с колен, рассеянно отряхнул джинсы и, развернувшись, начал медленно уходить. Мягкая прозрачная стена стояла теперь вокруг девочек, не давая им возможности сдвинуться с места. Младшая заикаясь и торопясь заговорила:

- Помнишь, он нам показывал, говорил, где все самое главное, помнишь? Пальцем показывал? Голова и сердце? Если не получается орать – давай, давай дотянемся сердцем! Ты же можешь! Ты же помнишь! И я! Ты же видишь – он уходит! Надо, чтобы он... Давай, давай быстрее, сестриченька! Обними меня!

Судорожно схватившись друг за друга, они замерли на мгновенье, представив как отец остановился. Мужчина вздрогнул и обернулся. Лицо его побелело.

- Он видит! Видит! Тянись еще! Смотри, Смотри!

Они не увидели - они почувствовали, как их начинает опутывать тончайшая сеточка, сеточка из блестящих нитей. Эта сеточка выпятилась в сторону отца, от нее оторвалась сияющая золотая точка с растущей из нее золотой нитью. Она тянулась в сторону перепуганного и изумленного мужчины, не сводившего глаз с дочерей. Мужчина протянул руку к дрожащему кончику нити, висевшей в воздухе, и коснулся ее указательным пальцем.

Шипящая волна тепла окатила девочек, они вспомнили все. И что было годы тому, и что случилось пять дней назад. Тепла было столько, что его нельзя было удержать внутри, и, работая, как единый сложнейший механизм, они вылепили из этого тепла солнце, нарядили его в лучшее – в море, горячий песок, зеленую лягушку и махаона, в жаркий роллердром, в новый велосипед с фарой, в запах гуаши, сосновые шишки и желуди, яркие цветы, закатные облака, снежных баб, фонари

в тумане... Добавив благодарность и мольбу, протянув руки в бесконечную даль, они подарили это солнце, сияющий любовью шар, бережно и с надеждой подарили отцу. Его лицо просветлело.

- Скоро будет лето. Лето навсегда, папочка! – тихо проговорила младшая. Мужчина кивнул и улыбнулся.

- Спасибо за игрушки. Нам будет, чем заняться, милый! – прошептала старшая.

- Я буду приносить вам только летние игрушки, золотки...

- Спасибо, папочка, нам хватит и этого... Но, если принесешь – мы будем рады. Спасибо тебе, и не переживай – у нас и в правду будет лето... И я знаю, что теперь нам пора. Совсем пора. Извини, папочка, пожалуйста, но тебе тоже пора.

- Тогда я пойду... Вы меня отпускаете?

- Да, папочка...

Как только спина отца скрылась за изгибом аллеи, девочки почувствовали перемены в окружающем мире. Мимолетные и незаметные изменения скользили вокруг, все подернулось жемчужной дымкой, зелень стала ярче, воздух прохладнее.

- Ты ведь не боишься, сестричка?

- Нет. Мне не страшно. Это же за нами?

- Да, за нами. Ты же видишь?

- Да.

- Смотри, сестричка, поднимается ветер!

Нам могут дать отпуск летом. А могут – зимой. Могут – по семейным обстоятельствам. Могут...

Отпуск по любви

Пролог

Очень далеко, в пыльной дали виден тусклый огонек. Если пристально вглядываться в него, то можно рассмотреть фигуру сидящего мужчины. Мужчина склонился над глиняной табличкой и что-то пишет.

В тот момент, когда он дописывает слово, происходит невероятное: слово отрывается от поверхности, медленное покачиваясь, поднимается вверх, вспыхивает по краям мягким оранжевым светом. И со звоном хрустальных колокольчиков исчезает. Мужчина начинает писать новое слово на мягкой глине.

И нет конца его работе. И нет конца его словам.

Гостиница

Огромные серые хлопья снега медленно оседали за окном. Снегопад начался настолько внезапно, что, казалось, земля и небо потерялись и запутались в снеге, измазавшем мутным овсяным киселем все кругом. Женщина стояла у окна, следя за снежными хлопьями, глядя на смутные силуэты зданий, деревьев, отчаянно тонущих в киселе. Горячий воздух от радиатора шевелил гардину, и от этого вся картинка за окном еще сильнее теряла резкость и плыла, как отражение грязного неба в широкой реке.

- Так не бывает.

Она, скорее всего, говорила сама с собой. В тоне было и удивление, и спокойствие, и необыкновенная горечь.

- Вот скажи, мы встретились только вчера днем. В обед. И уже успело произойти все. Я даже умудрилась переспать

с тобой. И уже успела полюбить тебя. За несколько часов ты успел стать чем-то большим, чем просто обычный мужик. Как так может быть? Не перебивай. Пожалуйста. Не смогу я больше. Так говорить. Я ничего не знаю о тебе. Ты появился, и я взорвалась. Внутри все взорвалось. Никогда ничего подобного со мной не происходило. И что-то мне говорит – и не произойдет. Несмотря на то, что я необыкновенно счастлива сейчас, мне не дает покоя ощущение какой-то жути, невыносимой утраты. И я хочу успеть все понять именно сейчас. Почему? Потому, что я понимаю – уже нет времени. Всегда же было так много... А сейчас уже нет нисколечко. Последняя крупинка уже провалилась между пальцев и сейчас коснется ковра. Этого чертового, мягкого, хамски красивого ковра в этом чертовом номере, который будет мне сниться еще сто лет. Сто? Или больше?

Она обернулась. Губы дрожали. Руки скрещены на груди. Слезы скатывались по щекам, подбородку, прокладывали влажные дорожки. Снова зазвучал ее тихий голос.

- Я очень-очень прошу тебя объяснить, что происходит со мной и что происходит сейчас с нами. Умоляю. Пожалуйста. Мне кажется - странное. Мне кажется, что мы всегда были рядом. И то, что мы никогда так и не встретились. Мне кажется, что эта ночь тянулась годами. Мне кажется, что я не увижу тебя, а если и увижу – никогда тебя не узнаю, потому, что тебя даже сейчас нет рядом и мне некого узнавать. Я чувствую твой запах. Но, я точно знаю, что так пахну я. Почему я стою тут голая у окна, но шею сдавливают высокий ворот какого-то платья? Почему оно цвета ванильного молока? Откуда у меня эти вопросы? Кто ты? Что ты сделал со мной? Почему я знаю, что люблю тебя настолько сильно, что не смогу жить без тебя, и что мне придется жить именно так - без тебя? Откуда взялись Соня и Боря? Кто эти люди? Что происходит?

Ее голос сорвался на хрип, она закашлялась. Кашель согнул ее пополам, и она мягко осела на ковер. Мужчина опустился рядом и подал стакан воды. Выпив и нервно закашлявшись, она поставила стакан около радиатора на ковер, как-то внутренне поджалась и стала смотреть на халтурный пейзаж в позолоченной раме.

- Я не могу ответить на эти вопросы. Мне очень жаль. Его рука скользнула по волосам женщины, ладонью по затылку. Сухие и теплые пальцы остановились в том месте, где заканчивается череп и начинается шея, мягко обхватив ее. Мелкая дрожь, вползшая в ее тело и сердце, сразу исчезла. Она немного расслабила шею, чтобы ее затылок лег в его ладонь, и перевела взгляд на собеседника. Или кто он там? Обычный. Средний. Ничего выдающегося. Обломки мыслей плыли в снежном киселе тумана, эмоциональная вспышка сошла на нет, женщину охватывало безразличие.

- Но, хоть что-то ты скажешь?

- Да, конечно. Мне очень жаль...

- Ты уже это сказал. Это уже не новость.

- Ты просила не перебивать? Сделай то же и для меня. Но, для начала, ответь мне на вопрос – хочешь ли ты помнить о том, что произошло сегодня? Я могу сделать так, что через несколько дней ты ничего уже не вспомнишь. Да или нет?

- Ты гипнотизер, что ли? Так и результат получил? Со всеми так делаешь, скотина?

- Ты не ответила на вопрос. Хочешь или нет?

- Да! Я все запомню, чтобы всегда помнить твою скотскую рожу!

- Ответ принят. Не бесись и не злись. Незачем обвинять меня в том, чего не было и не могло быть в принципе. Вот. Повторюсь – очень жаль, но уже действительно нет времени. Ты оказалась намного более чувствительной, чем я предполагал. Но, я не смогу тебе ничего объяснить детально, в под-

робностях. Ты чувствуешь то, что мало кто может почуять. Наверное, это хорошо. Я ничего с тобой не сделал. Мы знакомы. Да, мы знакомы. Но не здесь и не сейчас. Да, мы долго были рядом. А то, что ты чувствуешь – это куски вероятностей. В моем присутствии эти вероятности ведут себя более уверенно, вот ты и замечаешь «хвосты» возможных событий, замечаешь кусочки несобранной мозаики жизни. А может, все проще – ты наверняка хотела платье с высоким воротом. Вот ты его и чувствуешь.

Мужчина глянул на часы и заговорил быстрее:

- У меня остается совсем мало времени – около минуты, надо торопиться. Слушай и не перебивай. Я был в отпуске ровно тридцать суток. Меня отпустили именно к тебе – я очень долго просил. Тридцать суток – очень мало, а их было ровно столько. Тридцать только сегодняшних одинаковых дней. Ты заметишь, что в ноябре у тебя появился загар. Мы летали на юг. Ровно тридцать дней подряд я встречал тебя у выхода из офиса, каждый день знакомился с тобой заново, мы пили кофе, ехали в аэропорт, летели на два часа к морю, возвращались в гостиницу. Когда сюда, когда я отвозил тебя домой, чтобы встретиться тебе на следующий же день у офиса. Ты же смотрела «День сурка» с Белуши? Получился твой и мой день. Вернее, тридцать наших дней. Сейчас мне страшно, мне тяжело, больно, но, уже надо идти. Мы не сможем больше увидеться, может разве через лет шестьсот. Совсем нет этого чертового времени... Знай! – мужчина заговорил громче, чеканя слова, вкладывая в них огромный эмоциональный заряд: – Знай! Я любил тебя всегда и буду любить вечно! Это не метафора, ты потом поймешь. Я так ждал... Любил и люблю. Прощай, золотко.

Он порывисто обнял женщину, встал и, не оборачиваясь, вышел из гостиничного номера. Дверь захлопнулась, за окном со всплеском упал на карниз снег. Женщина, сидящая на ковре,

смотрела перед собой, ничего не видя. Через мгновение она встрепенулась, с каким-то утробным рыком поползла на четвереньках к двери. По пути она два раза упала, неловко завалившись на бок, хрипела, из глаз лились слезы. С огромным трудом она поднялась у двери, судорожно хватаясь за косяк и ручку. Пальцы ее скользили, слезы застилали все вокруг. Женщина толкнула ручку, дверь распахнулась в пустой коридор. Мужчина, сидевший рядом с ней на бежевом ковре несколько секунд назад, пропал.

Хорошая идея

В ноябре следующего года по улочке в одном из районов старого города шла молодая женщина. В воздухе висела холодная киевская морось – смесь тумана и мельчайших капель дождя. Асфальт тротуара был чист и блестел от воды, отражая массивные стены жилых домов. На брусчатке мостовой по центру улицы плыли отражения автомобилей,двигающихся к светофору.

Женщина подняла голову, легкие частички тумана остудили кожу лица. И она улыбнулась замечательной мысли – сегодня она непременно пойдет в кафе. Сегодня. Именно сегодня. Закажет бокал шампанского и маленькую вазочку настоящего крем-брюле. Она выберет стол у окна и попросит не включать небольшую настольную лампу. Официант принесет шампанское первым, и она, делая крохотные глотки, будет ощущать, как маленькие пузырьки лопаются на языке. А если оставить чуточку шампанского под языком, эти пузырьки будут приятно щекотать, проползая изнутри по деснам и щекам. Официант принесет крем-брюле с коричневой хрустящей корочкой карамели, кивнет ей и улыбнется. Она улыбнется в ответ только самыми уголками губ. И эта незначительная улыбка обозначит небольшую ямочку на левой щеке.

Официант уйдет, оставив посетительницу одну за столиком у окна. И вот тогда она станет смотреть на двери гостиницы на противоположной стороне улицы. Поглядывая на часы и потягивая шампанское, она дождется девятнадцати часов двадцати минут. И тогда, только для нее, откроется дверь, из нее выйдет коротко стриженный мужчина среднего роста и средних лет. Не останавливаясь ни на мгновение, мужчина подойдет к краю проезжей части. И исчезнет. Просто растворится в воздухе. А ровно через две минуты из все той же двери выйдет, немного пошатываясь, молодая очень бледная женщина. Она остановится, осмотрит улицу и заплачет. Шампанское в бокале подойдет к концу. Звонко хрустнет карамельная корочка. И фигуры из прошлого растекутся туманом. Посетительница подумает: «Туман съел меня. И тебя. Туман съел весь мир». Она расплатится, мельком глянет на запертые двери гостиницы и пойдет домой.

Вот такое замечательное приключение она придумала для себя сегодня. Снова улыбнувшись своим мыслям, женщина с копной русых волос вошла в лифт, поднялась на шестой этаж, где находился офис ее работодателя. Уже давно она перешла с терминов «работа, компания, фирма» на «работодателя». Когда-то ей очень нравился и офис, и сотрудники, ее работа юриста, но... Однажды она поняла, что происходящее вокруг не имеет к ней отношения, не имеет отношения к той ее части, которая лежит глубоко внутри. К ее сердцу. К ее душе. На работе ей было скучно и грустно, как в гостях у чужих и незнакомых людей.

Заканчивающийся рабочий день для Натальи Сергеевны, а будущую посетительницу кафе звали именно так, не оказался каким-то необычным. Рутинка, документы, нотариально заверенные копии договоров, письма... Она аккуратно сложила документы, выключила компьютер и, одевшись, пошла к лифту. Его пришлось ждать достаточно долго. Но, раздался

мелодичный звон, двери лифта разъехались, представив картину, никогда прежде не наблюдавшуюся в офисе. Кабина была засыпана какими-то рекламными листовками с требованиями купить разнообразный строительный хлам. Наталья Сергеевна осторожно сдвинула рекламные листки носком сапога и вошла в кабину. Лифт не сразу отозвался на нажатие кнопки, но все же довез пассажирку до первого этажа. Она попрощалась с охранниками, сидящими за стеклянной перегородкой и вышла в лиловую темноту ноябрьского вечера.

И тут же, у нее перед лицом заплясала кипа рекламных листовок, которыми наглый продавец пытался привлечь ее внимание. Наташа отшатнулась и посмотрела на распространителя рекламной заразы. Им оказался высокий совершенно рыжий парень с карими глазами и фальшивой улыбкой во все лицо.

- Девушка! – обратился он к ней с наигранной веселостью и бодростью. - Девушка, вам срочно нужны двери! А они, опаньки, и – тут!

Рыжий вложил в раскрытую ладонь Наташи какой-то глянцевого листок.

- Двери! Только наши двери станут залогом счастья и успеха! – он заговорщицки подмигнул и оскابился. - Если надо что-то спрятать, или более – найти, то наши двери к вам в пути!

- Дурак. – беззлобно сказала девушка. – Вы не только дрянные стихи сочиняете, но и в лифтах мусорите. Совести у вас нет, молодой человек.

Наталья обошла продавца и двинулась в сторону остановки. Ветер мел по асфальту яркие листки, которые бросил рыжий. Его голос прозвучал ей вслед:

- Двери гостиницы, что напротив кафе, устанавливал я. Тебе нужна дверь, золотко.

Наташа обернулась, но возле освещенного выхода из здания уже никого не было – рыжий успел исчезнуть. Крайне не-

приятный холодок вполз в центр живота Натальи Сергеевны. Появление рыжего, его фраза о дверях гостиницы выбили ее из колеи. Она не знала, что и думать. Тем не менее, она доехала до кафе, в котором планировала тот самый бокал шампанского, и обнаружила кафе закрытым. Табличка гласила «Ремонт». С этим точно не поспоришь. Она разволновалась и расстроилась – красивый план провалился, оставалось ехать домой. Но, сначала она решила немного пройтись, прогуляться.

Лиловый вечер

Шагая по мокрому асфальту Наташа сравнивала этот вечер с другим похожим вечером. Только тот бы на расстоянии года от нее. И не только. Тот снежный вечер разрубил ее жизнь на две, вернее – на три части. Часть первая состояла в жизни без *него* и без знания о *нем*. Вторая, самая незначительная по времени и самая значительная по важности часть была длиною в сутки. Хотя он говорил о тридцати днях, для Натальи в памяти были живы лишь сутки. Эти двадцать четыре часа пылали фантастическим огнем, светили ярче всех звезд и они были самыми жуткими в конце. Ведь хлопок двери, которую устанавливал, с его же слов, рыжий наглец, ознаменовал начало самого тяжелого третьего этапа. Жизнь без *него*, только вот в отличие от первого этапа – она знала об этом человеке. Она помнила его запах, его осторожные касания, цвет глаз, форму скул. И, если первый кусок жизни Наталья Сергеевна назвала «глупостью», то второй назвала «Счастьем» с одной заглавной буквы, а третий назвала «ГОРЕМ» со всех заглавных.

Она брела в лиловых сумерках и сгущающемся тумане, размышляя о произошедшем с ней. Как он мог оставить ее в горе? Тот, которого так и не смогли найти. А его искали, но след был потерян в самом начале – оказалось, что номер в гостинице был снят ею же. Никакого мужчины камеры видеонаблюдения не зафиксировали. А те, кто по ее просьбе искали незнакомца,

участливо советовали ей съездить на море, взять отпуск, отдохнуть. А она, стоя перед зеркалом в своей ванной комнате, рассматривала сквозь слезы белые полосы от бретелек лифчика на своих загорелых плечах. Она-то знала, что загореть ей было негде, на море она была за год до событий и в солярий не ходила. Был след на теле, был след в сердце и в душе. А в окружающем мире такого следа не было. Как он мог? Как он посмел уничтожить все, все обесценить? Почему-то она вспомнила тонкую серую книжицу с красной надписью «Любовь к жизни»³⁴. На обложке был изображен человек, душащий волка. Она читала ее в детстве, в школе. И была потрясена тем, как бродяга-золотоискатель съедает живьем птенцов куропатки, с хрустом пережевывая с перьями и костями. Потом она вспомнила, как герой, погибающий от голода, продолжает нести с собой мешочек с найденным золотом. И вскоре выбрасывает его. Для него котелок и спички стали важнее золотых самородков. Что стало важнее для *него*? Чем занимается он? Она-то знает, чем занимается она. Думает о нем. И она не может, не сможет и не захочет забыть произошедшее никогда.

Год назад, давным-давно, сидя на мягком ковре в гостинице, она поняла суть. Смысл и значение слов. Первое слово, затертое и опошленное, оболганное и изгаженное, скрывшееся под скользкими телами порнозвезд и их гибких партнеров, было слово «люблю». В тот страшный момент потери она осознала необыкновенный смысл этого простого слова. Слова-смысла. Слова-действия. Слова-жизни. Теперь она несет это слово бережнее, чем раненную птицу в ладонях. Это слово наполнило ее великим порывом к жизни, к движению, к развитию.

Вместе. Теперь настал черед слова «вместе». Первое великое слово требовало второго. И именно слово «вместе» стало тем вторым. Ведь только потеряв самое главное, самого главного, можно понять смысл этого простого слова. Потому,

³⁴ «Любовь к жизни», Дж. Лондон

что только вместе можно создать, только так удержать и только так поддерживать третье слово. «Счастье» стало третьим. Величайшее счастье любить, попытка отдать часть себя, попытка закрыть собой от боли и невзгод. Успеть выпить каждое мгновение вместе, ценя каждый вдох, каждое движение, даже легкое сужение зрачка того, с кем вместе, того, кто дороже золота. Человека, ради которого можно с улыбкой взойти на лютый костер и смеяться от счастья сквозь пламя. Теперь она знала и имя Великого Инквизитора, который стоит рядом с этим костром.

Его имя – Время. Именно время раскаленным добела тавром клеймит каждое мгновение с того момента, как он вышел за дверь. Эти мгновения обжигают, просачиваясь сквозь пальцы, оставляя боль от невозможности сделать хоть что-то для него. Ведь именно он и есть смысл. Ключ. К той единственной двери в мир, которого она недостойна. И это мучение будет длиться вечно.

Слово «вечно» она поняла заново – она знала, что можно, а скорее и нужно, любить вечно. И она знала, что любила незнакомца всегда. И будет любить его именно вечно. Она будет гордо шагать по пустыне безвременья, неся на вытянутых руках флагшток с нанизанным на него собственным окровавленным сердцем. Трепещущим и живым, рвущимся от боли счастья. С сердцем, которому уже не страшны ни боль, ни время, ни отчаянье. Ведь это сердце горит вечным огнем любви.

Кафе

Она остановилась у пешеходного перехода в ожидании зеленого сигнала. Через освещенный перекресток медленно ехал троллейбус с огромной надписью на борту «Ты еще ждешь?». Наташа прошептала: «Да, жду». Раздался резкий сигнал маршрутки, обгонявшей троллейбус. На желтом боку заскрипевшей тормозами развалюхи было написано «Ищи

дверь!» Наташа подумала: «И где искать эту дверь?» По противоположной стороне улицы проехал автобус с огромной надписью «Оглянись!». И она обернулась. В трех шагах за ее спиной на стене дома разноцветно светилась веселая вывеска «Кафе Дверь». Онемев от внутреннего напряжения, она взялась за ледяную дверную ручку и рванула ее на себя. Дверь не поддавалась. Тогда Наталья сделала глубокий вдох, плавный выдох, и толкнула дверь от себя. Та открылась, пропуская ее в микроскопический зал с тремя столиками и барной стойкой. За ней стояли двое в черных фраках и белоснежных манишках. Она узнала одного из двоих барменов - рыжего, наглого продавца дверей. Он стоял и смотрел ей в глаза очень спокойным взглядом. Чуть улыбнулся и подмигнул ей. От этого Наташа вздрогнула и перевела взгляд на второго бармена. Иссиня черные волосы, бледная кожа, острый нос и острые скулы. Немигающий взгляд черных глаз дополнял картину. Двое стояли и ждали. Рыжий взглянул на Наталью еще раз, взял со стойки бокал и начал его демонстративно протирать негнушимся накрахмаленным полотенцем. Тогда она решила первой нарушить тишину.

- Я пришла.

Рыжий усмехнулся, помолчал и ответил:

- Да уж, видим, что не прилетела. Что долго так?

- Долго?

- Ну да. Год прошел. Я тут и рекламу напечатал и все автобусы обклеил. Неужто так они нужны?

- Двери? – спросила она.

- Двери? – удивленно переспросил Рыжий и рассмеялся.

Черный внезапно встрепенулся, повернулся к Рыжему, глянул мельком на Наташу и произнес бесцветным голосом:

- Гони ее.

- Почему? – спросил Рыжий.

- Почему? – шепотом вторила ему Наташа.

- Потому, что рано ей. Не готова, – ответил Черный и замер.

- Э-э-э... Поглядим-поглядим... - как бы сам себе протянул Рыжий. – Вы, Наталья Сергеевна, хотите кофе? Двойной эспрессо с кардамоном и черным перцем?

- Я... Да... Да, конечно, спасибо, буду.

Рыжий вынул из-за стойки белую чашку на блюдце. От чашки поднимался пар, все помещение заполнил аромат свежесваренного кофе и кардамона.

Наташа приняла чашку из рук Рыжего, попутно удивилась возникновению чашки. А еще ее удивила кисть Рыжего. Как ей показалось у него было больше пальцев, чем обычно бывает у людей. Хотя, ей теперь не покажется странным, если бы у него нашлась еще одна дополнительная пара рук. Рыжий усмехнулся.

- За кофе платить не надо. А вот рук у меня две. И пальцев – по пять. Все как у вас. Но, дело не в этом. Кофе понравился?

Кофе был горяч, ароматен и горек. Она кивнула. Рыжий выставлял на стойку прозрачную посудинку с темно-коричневым, почти черным медом.

- Вы же любите мед? С гречишным будет еще вкуснее. Попробуйте.

Она осторожно взяла немного меда на край ложечки, облизнула его и запила кофе. Было невероятно вкусно. И сразу стало очень спокойно. Резко ушли все страхи, нервная дрожь, всякие «а что, если...».

- Спасибо за отличный кофе. Лучше я и не пила. И с медом...

Она помолчала.

- Гречишный говорите? Почти что вересковый³⁵...

Ей стало грустно. Она потупилась и немного растерялась от того, что не знала, что делать дальше.

³⁵ Имеется ввиду стихотворение Р. Стивенсона

- А если не знаете – спросите.

Она покраснела. Рыжий Наверняка мог читать ее мысли, подумала она.

- Вы будете спрашивать?

Черный снова ожил, моргнул, повернулся к Рыжему и сказал:

- Она не готова. Гони ее.

И снова замер.

- К чему я не готова? И что он так меня гонит?

- Считает, что вы не готовы. А вы сами как думаете?

- Я не понимаю, о чем вы спрашиваете. Я не знаю, к чему должна быть готова.

- Тогда, сформулируйте цель вашего визита сюда.

- Я попробую. Хотя, тут уже столько всякой мистики намешано. Более чем. Коротко – я хочу найти человека. Все.

- Какого?

- Мужчину. Я однажды его встретила. Потом он пропал.

- А почему вы ищите именно его?

- Потому, что очень нужен.

- Именно он?

- Да.

- А почему именно он?

- Нужен и все тут.

- Вы отвечайте на вопросы. Это мой совет. Итак?

- Я люблю его.

- Послушайте, любовь – замечательная штука. Но, разве это повод? Чем вас не устраивает секс с Денисом из производственного отдела?

Она вздрогнула как от пощечины. Рыжий продолжал.

- Парень замечательный, как все. Деньги есть. Перспективный. Выйдете за него замуж, родите. Все будет, как у людей. Потом, правда, окажется, что он преступник. Но, это же сейчас в порядке вещей? Слова «совесть» и «честь» уже давно пропали из лексикона вашего поколения. А вы...

- Зачем вы мне говорите гадости? Я не тургеневская девушка, но это не значит, что надо мной можно издеваться. Я встретила человека. Полюбила. Мне надо найти его. Понимаете? Именно его. Я не знаю, кто вы и кто этот вот второй, но я знаю, что вы мне можете помочь. Поэтому, очень вас прошу, помогите мне. Так плохо... Мне так плохо без него. Такая мука жить и знать, что ничего не можешь сделать...

- Что сделать?

- Ничего не могу сделать. – Она заплакала, и продолжила сквозь слезы: - Ничегошеньки не могу сделать. Счастье, сияющее, красивое... Не могу увидеть... Не могу за руку взять... А вы тут мерзости всякие говорите.

Она взяла салфетку со стойки, вытерла слезы.

- Вы можете помочь мне? Только честно отвечайте. Можете?

- Да.

- Тогда, пожалуйста, помогите мне. Очень люблю... Хоть увидеть...

- Я хочу знать, что для вас значат слова. Если значат.

- Слова? Для меня есть несколько значимых слов. Например – вечность.

- И что такое «вечность»?

- Я буду любить его вечно. Это и есть «вечность».

- Вы часто употребляете слово «люблю». Что оно для вас?

- Любить? Любить и любовь – это тяжелая внутренняя работа, направленная на другого человека. Вы можете?

- Интересное определение... И образ сердца на флагштоке мне, вернее – нам, понравился. Даже очень. Ну хорошо... Давайте тогда завтра придете, возьмете с собой удобную одежду, бутерброды... Свитер теплый. И приходите.

- Я никуда не уйду! Я не уйду! Вы лжете! Нет никакого завтра! Если вы можете, а вы – можете, сделайте это сейчас! Сейчас же!

- Не наклейте, девушка.

- А вы, вы... Это вы не наклейте, продавец дверей! Дверь для того и придумана, чтобы проходить через нее!

- А может, чтобы не пройти туда, куда не надо ходить?

- Так мне надо! Очень надо, поверьте. Раз уж я сюда дошла, я тут, можно же что-то сделать? Вам же взятку не предложишь? Оплату какую-то...

- Ну, почему же... Можно предложить. Вряд ли только у вас есть что-то, что мы можем принять...

Черный снова ожил:

- Восемьсот шестьдесят пять писем мы можем принять.

- Каких писем? – Изумилась она.

- Триста шесть написанных, сто девять порванных и четырехста пятьдесят ненаписанных писем. Это – хорошая оплата. Нам – нравится. Нам нравится, что есть те, кто пишет письма.

- Пожалуйста... Берите письма. Только как? Ведь я их все помню...

- А вы схватываете суть. – Сказал Рыжий.

- О чем вы?

- О том, что есть что-то, которое невозможно отнять у человека. А этот человек, даже если отдаст все, приобретет на много больше. Вы же обрели надежду?

- Да.

- Тогда, как думаешь? – Рыжий обратился к Черному. – Пусть идет?

- Мне понравились подарки. Пусть. Только предупреди ее.

- Хорошо. Наталья Сергеевна, перед началом пути вы должны знать, что ваш поход обречен на провал.

- Почему???

- Вы все сами увидите.

- Его увижу?

- Может быть. Наверное, да. Но, вряд ли вы его увидите таким, как его запомнили.

- Что это значит?

- Все сами увидите. Я не могу пояснять детально. Дальше... Вы должны знать, что вряд ли сможете вернуться из путешествия. По крайней мере, вы очень сильно изменитесь. В пути вы не должны ничего бояться. Вот, пожалуй, и все. Вам страшно?

- Да.

- Не бойтесь. Там где есть страх – нет места для любви. Посмотрите на свои руки.

Ключи от всех дверей

Она опустила взгляд и обомлела - кончики пальцев чуть светились мягким оранжевым светом.

- Что со мной?

- Вы же брались руками за дверь, когда вошли сюда?

- Да.

- Эти двери ставил я... Если это вам что-то говорит...

- Как в гостинице... Я поняла! Двери оставляют след на том, кто прошел через них! Так?

- Да, вы не ошиблись. А дальше?

- Думаю, что я стала ключом. Ключом, который сможет открыть еще хотя бы одну дверь. Я человек-ключ?

- Вы еще придумайте человека-дверь. – Рыжий усмехнулся. – Вы просто сможете открыть дверь из этого места в совершенно другое.

Черный чуть оживился и спросил:

- А можно я еще и восемьсот шестьдесят шестое письмо возьму?

Рыжий удивленно посмотрел на коллегу.

- Ну ладно, я потом заберу...

Рыжий помолчал несколько секунд и спросил Наталью:

- Вы готовы?

- Нет. Да. Да, я готова.

- Тогда – в путь!

- Куда мне идти?
- В дверь, куда же еще!
- Там же улица...
- А вы проверьте! Рецепт кофе запомнили хоть?
- А мне еще придется варить кофе?
- Почему бы и нет. Лично я не вижу никаких причин не варить кофе. Пора! Вам пора! Не заставляйте меня выходить из-за стойки, чтобы вытолкать вас!
- Иду. Спасибо. Никогда не забуду...
Она подошла к двери, взялась за ручку. Постояла секунду. И распахнула ее.

За дверью была сырая ночь. И в этой ночи не было ни автобусов, ни асфальта. А был только лес. Огромный, темный, хмурый, пугающий лес скрипел голыми ветвями и шуршал опавшей листвой. Собравшись с силами и закусив губу, Наташа упрямо шагнула на тропинку, начинавшуюся от порога двери. Сзади она услышала голос Рыжего:

- Не оборачивайтесь, идите, вам пора.

Лес

И Наталья Сергеевна зашагала по сырой земле, потом не выдержала и обернулась. Сзади не было никакой двери. Страх накатиł холодной липкой волной. Она потеряется! Нет, она уже потерялась! Скрип ветвей могучих деревьев, шорох листьев, неярные движения в темноте сильно напугали ее. Наташе показалось, что рядом с ней, вот тут, есть кто-то или что-то пугающее, страшное, всесильное, живущее в этих местах всегда. И это «всегда» было значительно длилельнее, чем любые мыслимые значения этого слова. Это что-то, или кто-то, было абсолютно безразличным, холодным и совершенным в своем могуществе. Оно позволяло сейчас ей пройти. В первый и последний раз. Так маленький мальчик может безразлично наблюдать за попыткой мошки выползти из капли варенья.

Так... И тут Наташа остановила себя. Перестала придумывать сравнения, чтобы не кормить свой страх. Она шла по тропинке, а лес жил своей совершенно непостижимой жизнью. Наташа знала, что ей уже никто не поможет, не придет на помощь.

Ей стало грустно от сознания невозможности вернуться домой. Тогда она стала размышлять о том, что же для нее значит «дом», из чего он состоит. Наталья начала «инвентаризировать» имущество. Были учтены вещи – дорогая легкая шуба, пара колец с бриллиантами, три «золотые» кредитки, два счета в банках, плановый кредит на покупку внедорожника и хорошая квартира в хорошем районе. Были учтены. И выброшены. В этом лесу они не имели ценности. Ни горные лыжи, ни отпуск в Египте, ни деньги в банке не могли ей помочь. А Наташа отчаянно нуждалась в помощи. Она уже не увидит ни знакомых, ни родных. Медленной тягучей рекой в нее втягивалось отчаянье. Зачем? Зачем она пошла? И куда она пошла? Зачем она слушала Рыжего? Кто мешал ей спокойно жить дальше, летать в Египет, спать с мужиками в свое удовольствие, пить шампанское? Никто не мешал! Что она скажет на работе? Что скажет маме? Хотя, стоп! Мама умерла полгода назад – ее сбила машина. Не сильно сбила, но она очень неудачно упала. Пролежала в реанимации три дня. А потом были скромные похороны. Наташа тоже пострадала в той аварии – они вместе с мамой шли по пешеходному переходу, по «зебре», а тут этот придурок... Она помнит, как лежала лицом вниз на горячем асфальте. И не было сил ни крикнуть, ни шевельнуться.

Зачем же она куда-то идет? Что за бредни она выдумала о «нем», который неизвестно кто и неизвестно где? Ну, какой нормальный человек будет бежать сломя голову в неизвестном направлении? Нормальная женщина должна быть дома, жарить сёмгу на ужин детям и мужу. Путь он трижды не любим, но он – есть. И дети есть. Ходят как он, склочничают как он. Обманывают, что не они съели вот те конфеты. Пусть! И вдруг,

в ходе этого внутреннего монолога, Наташа почувствовала, как ложь, скользкая и мерзкая, цвета болотной гнилой воды, отвратная, как старые тряпки под растаявшим снегом, начинает облеплять ее, душить, тянуть в темную чащу. Наташа в ужасе увидела эту дрянь, которая как слои гнилых тряпок, покрывала ее с ног до головы.

Да! Так можно жить, так живут миллионы, но... Есть одно небольшое «но». Она так не хочет и не будет. И не сделает. Потому, что если не нести свое окровавленное сердце на флажке, если не светить, если не гореть – то она уже проиграла. Проиграла все – и то, что было и то, что будет. И то, что с ней уже случилось, – та встреча – тоже была зря, все зря, мимо кассы, впустую. А так – нельзя! Наталья тряхнула головой и улыбнулась. Пусть она проиграла, пусть она не дойдет, но – она шла, она пыталась. И будет идти по этому лесу, по жизни, пусть – даже по смерти! Но, она не предаст. Кого? Не предаст того мужчину, который сказал «я буду любить тебя вечно». И, если, она не предаст его – она не предаст и сохранит себя. Не внешний вид половозрелой человеческой самки, а душу, чистоту намерения, свой свет, свое сердце. И в результате – свою судьбу и жизнь.

Пока Наташа спорила и боролась сама с собой, окружающий мир изменился. Стало значительно светлее – небо из черного превратилось в темно-серое, стали различимы яркие краски опавшей осенней листвы. Пугающие доисторические деревья-великаны стали огромными древними дубами. В подлеске уже никто не шуршал и не пугал путешественницу.

Наташа прибодрилась и прибавила шаг. Тропинка начала немного подниматься в гору, но идти было по-прежнему легко. Как будто она шла не в осенних сапогах, а в легких парусиновых туфлях на низком ходу. Наталья посмотрела вниз и не увидела своих ног. Она не испугалась и не удивилась. Она просто знала, и это чужое знание прорастало изнутри, что именно

так и должно быть. В этом месте так и надо. Она потеряла свое тело тогда, когда вышла из двери кафе. И по-другому быть не могло. По-другому ей не дойти. Дойти куда? К цели. А зачем идти, если можно лететь?

И в то же мгновение она оказалась в небе. Движение было столь стремительным, что Наташа почти не ощутила его. Раз! И она в небе. Летунья хотела осмотреться, но в этом не было необходимости – она и так видела все. Видела небо, тучи изнутри, падающие капли дождя и ощущала сырость тучевых громад, чувствовала, что где-то собирается гроза, а снежинки в тучах очень хотят выпасть на землю. Одновременно она видела звездное, холодное небо далеко вверху и черную землю. Она удивила Наташу – земля была живой. Черные валы медленно схлестывались, двигались, свивались в жгуты. Там не было зелени, там была только фантастическая мощь чужой далекой жизни. Где-то очень далеко Наталья заметила слабый огонек, маленького светлячка на черном фоне. И она рванулась туда. Перемещение было таким же стремительным, как и в первый раз.

Наташа оказалась стоящей на улице, на знакомой улице, в знакомом месте. Рекламные щиты были написаны на каком-то незнакомом языке, вместо кленов у проезжей части стояли пальмы. Наташа обратила внимание на дверь в стене – ржавую дверь, которая явно выбивалась из общей картины. Чуть толкнув ее, она вошла в огромное помещение. Стены пол и потолок были выложенными большими мраморными плитами. Вдоль стен тянулись сотни арок с проходами в какие-то темные коридоры. Перед нею был небольшой фонтан и мраморным скамьями рядом с ним. На удивление, фонтан работал, мелодичный плеск воды успокаивал и отвлекал. Наташа присела на скамью. Да, у нее снова появилось тело. Старое и усталое тело. Она подняла ладони – узловатые бледные пальцы были оплетены крупными венами, мозолистые ладони, старческие

коричневые пятна на запястьях. Так и должно быть тут – снова подумала она. Чужое спокойное знание с уверенностью овладевало ею. Теперь надо подняться и идти в первый левый боковой коридор. А после – во второй, в третий... Давайте же ноги, шаркайте, шагайте по древнему мрамору! Она с трудом дошла до провала арки. И шагнула в темноту.

Маскарад

Яркие солнечные лучи прорубали сумрак комнаты. Пылающие пылинки кружили в фонтанах света. Все вокруг было огромное, незнакомое, но – не страшное, не пугающее. Для всего вокруг пока нет названий, есть только ощущения тела. Ощущения было два – тепло и добро. Они объединились и дополнились став третьим – любовью. Тепло, добро и любовь окутали ее, только они и удерживают ее в этой комнате. Нет, не только они. Есть еще кто-то, есть источник, откуда идет и любовь и тепло. Она чуть поворачивает голову и видит очень большую белую полную руку. Она лежит на ней, а вторая огромная рука нежно гладит ее по голове. Слышны непонятные громкие звуки, и в ее рот стекают несколько капель сладчайшего, вкуснейшего, самого лучшего в мире молока. И тогда Наташа вспыхивает знанием – это мама! Счастье разливается в маленькой худенькой новорожденной девочке, которую так бережно держит на руках усталая мать.

Резкое движение и Наташа снова в мраморном зале. Слезы счастья текут у нее из глаз – она снова увидела свою маму. И пусть та женщина жила тысячи лет назад, она всегда будет ее помнить. Потому что она – ее мама, та кто подарил возможность дышать, пить молоко, любить и жить. Она не забудет теплоту ее рук, вкус молока и нежность прикосновений. Ее любовь, которую во что бы то ни стало надо передать дальше. Получив однажды отдать навсегда. Но, не потерять, а только обрести. И без страха Наташа шагнула в следующую арку.

Ей четырнадцать. Она держит на плече тяжелый синий кувшин с водой. Перед ней центральная и единственная площадь ее родного городка, которая заполнена веселящимися людьми. Все правильно – сегодня праздник! Весь городок гуляет и веселится. Она смеется, ей весело, солнце льется в лицо, теплый воздух омывает ее. А еще напротив нее стоит мальчишка, худой и нескладный. Тот, который уже стал для нее самым важным человеком. Стал ее героем, ее любимым мужчиной. Тем, ради которого...

С грохотом распахиваются городские ворота и на площадь, прорубая толпу, врывается конный отряд. Всадники в сияющих на солнце доспехах рубят бегущих людей короткими мечами. Вместо смеха над площадью плывет крик. Медленно, как во сне, на нее надвигается конь с всадником. Рука с мечом занесена и Наташа знает - кто следующая цель. С острия меча срываются и медленно летят в воздухе капли чей-то крови, конь уже рядом и она может рассмотреть оскаленные морды львов на бляхах упряжи. Мальчишка бросается под руку всадника в попытке остановить удар, но не успевает. Меч разрубает кувшин, вгрызается в ее тело, разламывая ключицу, как в масло входит в грудную клетку. И Наташа падает. Силы и жизнь вытекают из нее, как вода из кувшина, толчками выплескиваясь алым на мальчишку. А он с побелевшими от ужаса и злости глазами все пытается ладонями закрыть страшную рану. Потом он затаскивает ее волоком в какую-то щель между домами.

Она лежит у него на коленях, а он гладит слипшиеся окровавленные волосы, прикрывая другой ладонью запекшиеся края раны. Из нее уже намного реже слабыми толчками идет кровь. Он что-то обещает ей, заливаясь слезами от того, что не успел. Обещает мстить, клянет богов, снова ревет от того, что первыми должны уходить мужчины, а не любимые девушки. Несет околесицу о том как «мы» будем жить, о том, как

он назовет детей. Девушка чуть поворачивает голову, чтобы было видно маленькое белое облачко в голубом небе и чтобы было видно заплаканное лицо мальчишки. Слипшиеся от крови уголки губ чуть растягиваются в улыбке ему. Именно ему. Не страшно, что он не успел. Он же пробовал. С последним ударом сердца закрываются глаза и прохлада мраморного зала окутывает Наталью.

Тяжело дышать. Черная муть перед глазами, но надо встать и идти к следующему проходу в арку. Попав сюда однажды, уже невозможно просто так уйти. Да и не уйдешь. Вода струится в фонтане, узкие окна-бойницы пропускают тонкие лезвия солнечного света, которые не в силах развеять мрак. Она с трудом поднимается со скамьи и медленно идет в следующий распахнутый для нее проход в прошлое. Мысли плывут в голове, они необычны и просты. Их даже нельзя назвать мыслями – это образы, куски, осколки какого-то знания. Однажды они сложатся в картину, всеобъемлющую и великолепную. А пока она идет к арке, прорастая пониманием единства самой себя «там» - в греческом городке без названия и «здесь» - в мраморном зале. Она видит мерцающие нити, связывающие ее «тогда» и «сейчас», понимает и принимает происходящее, наваливающееся на нее лавиной сбывшегося и несбывшегося. Еще один шаг. Только один. Или это только начало?

Наталья скользила в видениях прошлых жизней, выхватывая только ключевые моменты. Очень редко он встречала его, но все же встречала. И практически во всех случаях они теряли друг друга. Было всего два-три момента счастья, когда они были рядом достаточно долго. Она уже понимала, что окружающий ее маскарад тел, времен и событий не имеет отношения к ее душе, к ее внутренней сути, которая остается неизменной. Эта неизменная часть движется во времени в попытке реализовать себя через другого человека, другую душу. И она тоже не-

изменна. Наташа вспомнила легенду об андрогенах³⁶, двойных существах, разделенных богами на части. Этот миф ей казался грустным.

Теперь же она почувствовала бесконечное отчаяние и невозполнимость потери этих фантастических существ, которые продолжают кружить по свету в поиске потерянной части себя. Она очень устала, но не давала себе никакой возможности остановиться – шла и шла через темные арки, всматриваясь в прошлое, пытаясь понять, как можно изменить настоящее и будущее. Видения уже начали окрашиваться в вероятностный оттенок. Однажды она оказалась в том античном городке, который во время праздника штурмом взял отряд римской кавалерии. И она не была убита – мальчишка погиб вместо нее. Она держала его голову на коленях и он улыбнулся ей в последний миг своей жизни.

Наталья поняла, что круг замкнулся и надо искать другой путь. Все перемешалось – времена, тела, жизнь и смерть. Осталось только горящее сердце, желание дотянуться рукой, стать второй кожей, закрыть собой от боли, болезни. Умереть, отдав свою жизнь за или вместо него. Ведь это так просто. Потому, что она живет вечно. Так же как и он. Так же как и все. Задача лишь в том, чтобы найти и успеть сказать правильные слова.

Внутри поднималась уверенность в том, что ее мысли услышаны кем-то важным. И надо делать следующий шаг. Она стала в центре зала на колени и произнесла:

- Спасибо. Я увидела и поняла. Я знаю цену и готова. Куда мне идти?

Немая тишина сгущалась в зале. Никто не собирался ей отвечать или вести ее за руку. Тогда Наташа поднялась с пола и собрав все силы прокричала:

- Я хочу видеть его!

³⁶ Древнегреческая легенда о счастливых «двойных» существах, разделенных богами.

Слова и голос прозвучали неубедительно в мрачном зале. Крик утонул в пустоте, его заглушил плеск воды в фонтане. И тут она поняла, что хоть и стоит одна на мраморных плитах, но рядом с ней всегда были и сейчас стоят плечо к плечу все ее прошлые «Наташи» - малютка на руках у матери, девушка с кувшином, все те, кем она когда-то была. И тут же иллюзорным войском выстроились все «будущие Наташи», те которым еще суждено родиться и отправиться в трудную человеческую дорогу.

И тогда она закричала. Это был крик без слов – она забыла все слова, это был крик мощи, поднимающийся из глубины времен крик рождающейся человеческой души. Стены зала лопнули, пол и потолок развалились на ошметки. Все вспыхнуло и пропало в одно мгновение.

Страшное место

Наташа стояла босиком на пустыре. Под босыми ногами было мелкое каменное крошево и редкие островки засохшей травы. Все вокруг окутал плотный мутный туман. Она знала куда ей идти и что до цели не далеко. Шагая по камушкам, она не думала ни о чем, просто двигалась. Наталья поднялась на небольшой холмик и увидела впереди светящуюся точку. Через два-три десятка шагов стало возможным разглядеть контуры фигуры сидящего человека. А уже совсем скоро Наташа узнала мужчину. Она нашла. Наконец-то, она нашла его. Мужчина, никого не замечая, склонился над глиняной табличкой и что-то писал. В тот момент, когда он дописывал слово, происходило невероятное: слово отрывалось от поверхности, медленное покачиваясь, поднималось вверх, вспыхивало по краям мягким оранжевым светом. И со звоном хрустальных колокольчиков исчезало. И мужчина начинал писать новое слово на мягкой глине.

Она бросилась к мужчине, который, не замечая ее, чертил фантастические знаки на табличке. Наташа схватила его за руки, но вместо теплых и мягких ладоней она почувствовала

ледяной холод камня. Она отпрянула с криком ужаса и поняла, что мужчина сросся с землей. Его стопы плавно переходили в каменистую почву, накидка на плечах превращалась в скалу, в камень, на котором он сидел. Да и не сидел он – он рос из скалы, он был частью этого мира.

Сзади послышался шорох, Наташа обернулась и увидела Рыжего. Бармен-продавец невероятно изменился: когтистые дымящиеся лапы вместо рук, текущее, меняющееся тело человека-зверя, ежесекундно менялось и его лицо. То мужское, то женский лик, то оскал зверя – все вращалось в жутком круговороте. Неизменными оставались только глаза – черные обжигающие дыры, ведущие в неизвестность. Он заговорил, речь его была странной – он выговаривал слова, - нет, он выплевывал их из пасти одновременно на всех языках, при этом, не произнося ни слова. Вылетающие из его пасти слова клубились черным дымом вокруг его жуткой личины.

Наталья ощутила новый кусок знания, часть внутренней мозаики мира, - нет никаких языков. Их нет, и не было никогда. Это обман. Есть только смыслы, голые, острые смыслы. А слова нужны только если ты хочешь спрятать смысл, смягчить его. Она начала разбирать значения смыслов Рыжего. Он обращался к ней:

- Он не уйдет. Он – часть мира. Ты еще можешь уйти. Я разрешаю.

- Я не уйду без него! – зло и упрямо произнесла Наталья. Слова-смыслы вылетали из ее рта чудными цветными знаками и вились вокруг нее.

- Человек, ты не понял! Он никогда не уйдет. У него контракт, работа.

- Что же это за работа такая, ради которой надо убить любовь?

- Он сказочник.

- Он может продолжить писать сказки, когда уйдет со мной!

- Нет, его работа важна тут.

- Отпусти его, пожалуйста. Он нужен и важен там. Мы уйдем, и он будет писать дальше.

- Нет, он должен быть здесь. Он хороший сказочник, но однажды его действия привели к смерти. Теперь он пишет сказки детям. Тем, кто никогда не родится, тем, кому никто не прочтет ни одной сказки. Он пишет и читает сказки нерожденных детей. Ты понимаешь важность?

Наталья обомлела от той страшной ледяной черноты ночи, одинокой и лишенной любви, бесконечной ночи. Ночи в которой звучит только один голос, читающий бесконечную сказку.

- А он?

- Что он? Оставь его. Пусть работает.

- Пусть так...

Эпилог

Наташа отступила на несколько шагов и остановилась точно между Сказочником и Рыжим. На одной линии. Посмотрела на каменного писателя, повернулась к тому, кто когда-то был Рыжим:

- Я поняла. Все поняла.

- Молодец. И?

- Только, боюсь, я не могу позволить такого финала.

- Кто ты такой, человек, чтобы что-то позволять богам? – усмехнулся Рыжий. Наталья смотрела уверенно и бесстрашно в черные провалы зрачков.

- Кто я? Я – человек. Ты поняла, тварь?

Она не знала, что делать дальше, и, видя поднимающиеся в ее сторону когтистые дымящиеся лапы, просто закричала. Не от страха – его уже не было. Не от боли – она еще не пришла. Наташа звала на помощь, он пыталась достучаться до Сказочника, который ничего не видел и не слышал. Она протестовала против воли чудовища, назвавшего себя богом. Ее

крик рос, превращаясь в ураган, который не мог пошевелить даже волоска на голове Сказочника. Ураган раздираал окружающий мир, срывал скалы с мест, казалось, небо покрылось трещинами. Но, Рыжий так и стоял с поднятыми лапами, а Сказочник не спешил к ней на помощь. Рыжий сжигал ее своими черными провалами зрачков. Ветер стал стихать, пыль и песок оседали на почву. И тогда Рыжий начал медленно открывать пасть. Внутри него что-то клокотало, бурлило, невероятные челюсти распахивались все шире и шире. И вот, раздирая глотку чудовища, наружу начало вырываться слово. Это Слово было древнее пустынного мира Сказочника, и того мира, в котором жила Наталья. Форма и вид Слова были до такой степени необычными, что она поняла – это Слово намного старше Рыжего и что оно ему не принадлежит. Скорее он, незадачливый рыжий божок, был частью этого Слова. Оно было могучим, совершенным знаком, формой действия и одним из видов фантастической силы. Слово сияло чистотой и совершенством. Слово рождалось из Рыжего, разрывая его, оранжевая кровь лилась ручьями. Вырвавшись наружу, Слово вспыхнуло, а Рыжий начал валиться на почву, по пути превращаясь в мелкий серый песок. И волна этого песка ринулась на Наталью, которая успела только прикрыть глаза рукой в ожидании удара. Но, ничего не произошло. Открыв глаза, Наташа увидела прямо перед собой на песке крашенный зеленой краской табурет. А чуть поодаль – стол с прозрачным графином и стаканом, накрытый скатертью. За столом сидел Черный любитель чужих писем из кафе и что-то писал в объемистой канцелярской книге. Она обернулась – Сказочник был тоже на месте. И Наташа обратилась к сидящему за столом:

- Здравствуйте. Что тут у вас происходит?

Черный поправил галстук-бабочку, вынул из кармана очки и неловко, как в первый раз, нацепил их на нос. Только тогда он посмотрел на Наталью.

- А я был уверен, что ты не дойдешь, что не готова... А вон как получилось. Удивительно, но дошла. Должна была еще в лесу остаться. Но – дошла. И что теперь?

- Как что? Заберу его, - она кивнула в сторону Сказочника, - и домой.

- Но ты же в курсе, что это не получится. Да и нам надо немного поговорить.

- Как не получится?

- Ты же слышала про контракт. Про сказки, которые он пишет.

- Ну, так он может писать их там, в другом месте.

- Ты не понимаешь. Только тут его слова могут освещать и согревать тех, кто не сумел дойти до Мира. Он не уйдет.

- Ужасно. Это ужасно. Я так долго шла...

- Мы все в пути. Далеко не всегда мы, вернее – вы, можете достигнуть цели. Ты же видела свое прошлое? Все ли получилось?

- Нет, далеко не все. Можно сказать – ничего.

- Могу тебя только успокоить – не больше и не меньше, чем у всех. Хотя, тут у нас другая конкретика.

- Но, тогда получается, что я действительно шла зря. Я не могу забрать Сказочника, я не могу вернуться, не могу ничего. Даже подраться с вами я толком не могу.

- Пожалуй, драться со мной, девушка, вам будет крайне неудобно и затруднительно. Идея не больно хороша. А вот шли вы не зря. Скорее всего, вы не достигнете своих целей, но с одной из задач вы справились блестяще.

- С какой?

- Вы поняли значение одного из слов. И не только поняли, но и доказали действием это понимание. Хотя... Без нашей помощи вы бы не смогли. Видите ли, наша, моя задача, - создание Мира. А Мир нельзя создать из злости. Мир создается только любовью. В этом мы схожи с вами. И по сути – ведь вы часть

нас, часть мира, дети, наследники. Конечно, мы схожи не тем, что называется «телом». И не разумом. А вот третья составляющая часть вас – душа. Именно она отличает вас от прочих живых существ. И душа – это и есть та часть, но не разделяющая, а объединяющая нас с вами. Сложно?

- Да нет, все логично.

- Хорошо, если так – тогда еще пару слов Вернее, начну с вопроса – ты хотела бы создать Мир?

- Я никогда не думала о таком...

- Думала, думала. Только не совсем поняла, о чем я спросил. Я не о создании галактик или звездного скопления. Ну да ладно.

- Извините, а можно я спрошу?

- Да.

- А что случилось с Рыжим? Он умер?

- Ну что ты! Он не может... Он сказал Слово, меняющее Мир, миры. И отдыхает. В отпуске. Как и твой Сказочник. Мы ему давали отпуск, он очень просил.

- Да, когда-то давно он мне говорил про отпуск длиной в день...

- Было, было. Замечательная была формулировка – «Предоставить отпуск по любви...». И что важно – не впустую. Вот и вы здесь. Просто замечательно вышло. Но, как вы поняли, он не может уйти. Мы решений не меняем. А вот вам уйти придется. Не ваше это место и время.

- Но...

- Никаких «но». В Мире нам нужны люди, понимающие задачу, понимающие суть.

- А я что, понимаю?

- Да. Не смотря на все, что вы там творите, Мир не удержится без цемента, скрепляющего его. Без него – он рухнет. И как бы ни было тяжело, но тебе, вам, придется уйти. И нести в себе зерно понимания, знания о том, что составляет первоо-

снову. Даже у вас там в одной книге написано «сначала было слово». Ты увидела сегодня часть этого слова. И если это слово очень приблизительно пересказать – это слово «любовь».

- Вы сказали «вам придется уйти». Значит, Сказочник свободен?

- Он не уйдет. Уйдешь ты. Вы. Пора прощаться. Все сказано. Все сделано. Помни – любовь одна на всех и одна для всех. Прощай.

Черный сдернул скатерть со стола в бок, и за нею с огромной скоростью устремилась пустыня, небо, скалы. Все скользило с бешеной скоростью, захлестывая вязкой чернотой Наташу. Чернота свилась в смерч, втянула ее вихрем, Наталья летела все быстрее и быстрее. Через несколько мгновений Наташа начала разваливаться на куски, все проваливалось в бесконечную вращающуюся крошечную точку.

Отчаянно кричащие от боли куски сознания Натальи летели в бесконечность. Полет продолжался в безвременьи, чернота изредка вспыхивала изнутри, озаряясь ярким белым светом. Вспышки следовали все чаще, если это слово можно применить к месту, в котором не времени. С каждой вспышкой, кусочки Наташи соединялись, скреплялись, и вот ее сознание начало фиксировать происходящее. Во время очередной вспышки она увидела светящуюся схему, которой было исчерчено все пространство. Тонкие нити связывали между собой разнородные элементы, события, понятия. Схема охватывала все. Весь Мир. И не только охватывала, но и скрепляла его. Фантастическая сложность элементов и их взаимосвязей не могла быть передана словами, так как они были только нижним, базовым уровнем представления и передачи информации. Наталья уже ждала следующую вспышку, чтобы суметь увидеть больше, суметь осознать больше. Вспыхнул свет, и Наташа обомлела – она поняла, она осознала структуру Мира, суть и цели, необыкновенную сложность задач, на выполнение которых отводятся миллиарды лет. Мир был наполнен нечелове-

ческой силой и нечеловеческой логикой действий, в которой, как ни странно, ей тоже было отведено место. Она поняла, что ее существование было исполнено смысла изначально, что она – связующая нить событий, смыслов и целей. Она – звено цепочки, тянущейся из пыльных прошлых веков к грядущим тысячелетиям. И это звено важно и нужно для тех, кто придет. И для всех, кто уже ушел. Следующая вспышка озарила схему Мира, и Наташа увидела микроскопическую неточность, пробел, разрыв в схеме. И сообразила, что это и есть то место, которое она оставила, отправившись в дорогу за Сказочником. Она рванулась туда, к этой неточности, нарушающей сияющую логичность и великолепие схемы, и стала на свое место.

Мир взорвался.

Сознание медленно, пульсирующими толчками, возвращалось к ней. Перед глазами плыли бледные пятна. У нее появились глаза? Откуда-то пришла ноющая боль. В тело? Она попыталась открыть глаза. Попытка удалась. Неузнаваемые размытые предметы кружились перед ней, накладывались один на другой. Светлые предметы начали двигаться быстрее и беспорядочней, один из них наплыл на все поле зрения Наташи. Послышался звук. Звуки. Они складывались в слова. Но в них пока еще не было смысла. И вдруг, резко, слова и смысл сложились воедино.

- Закрой один глаз! Как тебя зовут?

Наталья закрыла один глаз, и бледное пятно стало обретать очертания. Кто-то в белом склонился над ней, ощупывал какие-то части ее тела, прикасался к ней. Наташа еще не могла связать эти ощущения с собственным телом, которое болело, ныло и не хотело работать.

- Нат.. Аш..

Горло не могло создать связный звук, но она старалась. Старалась. И ничего не получалось. Чужие же слова стали понятными и навалились волной.

- Ну вот и умница. Вы в больнице. Понимаете? Давно в больнице. Но, вы пришли в себя и теперь все будет хорошо. Ты понимаешь?

- Да, - прохрипела она.

Появилось еще одно белое пятно и громким дискомфортным голосом произнесло:

- Да вы идете на поправку! Все замечательно!

И, обращаясь, к первому пятну этот же голос проговорил:

- Ты сказала?

- Еще нет.

- Ну, тогда я побежал, а ты скажи.

Картинка обрела четкость, и Наташа рассмотрела одним глазом женщину, девушку, в белой шапочке и белом халате. Девушка улыбалась, радостно глядя на пациентку.

- Вы у нас давно. Провалились в коме месяца два, но страховка покрыла. И знаете, что?

- Где я?

- Вы в больнице. Все в порядке, уже переживать не надо. И есть еще новость для вас.

- Какая?

- С вашим ребенком все тоже будет в порядке.

- С каким?

- С мальчиком. У вас будет мальчик. А вы не знали?

- Нет...

Медсестра сняла белую шапочку и из-под нее огненно-рыжим водопадом рассыпались волосы. Совершенно другим голосом она произнесла:

- Научишь Сказочника пользоваться дверями. Это важно. Ты поняла?

- Да. А он тут?

- Да, теперь он тут. С тобой. Береги его.

Холодные серые волны Балтики, да и всех ледяных океанов вместе взятых, не могут заставить нас сказать, что мы чужие. Никогда... Я буду рядом. Ветром. Звуком. И никогда не буду лгать...

А мы знакомы?

- А мы знакомы?

Венок, свитый умелой рукой, упал в штормовую черно-зеленую воду. Ветер рвет лепестки, раздирает сплетенные стебли.

- Нет, что вы, конечно, мы не знакомы. Уже. Венок сплетён из разных, казалось бы – несовместимых цветов. Вот белый влажный крокус, прикрывающий лепестками нежную глубину.

- Ты помнишь список? Тот список «дел для двоих», который ты написал?

Рядом оцетинилась желтая роза, переплелась с запахом чердака старого дома. Того, что напротив. Со сломанной старой антенной и разбитым чердачным окном.

- Я ведь не писал никакого списка. Не додумался. Даже до той фразы – «просыпаться с четким ощущением счастья» просто не додумался бы.

Хризантема и ландыш. Герберы жгут волны. Волны злятся, пенят пасть и не отступают.

Она сидит в кафе. Чашка эспрессо пуста. И тут в отражении на хромированной емкости для сахара начинают расплываться чашки и чашечки, кружки и кофе-маги, филижанки и прочие их братья и сестры, заполненные свежесваренным кофе. С карамельной. Или черной. Или коричневой пеной. А мокрый булыжник мостовой отражает позеленевший шпиль с приколотым маленьким облачком. Вздрагивает от крика чайки.

Бабушка умела плести кружево из тонких белых ниток. А она старается вплести в кружево луч солнца, неожиданно

проникший в сумрак сонной спальни, прохладу блюдца в ладони, шорох листьев, пену волн. Вплести жемчужины его глаз, обернуть хрустящими льдинками и хриплым звонком старого телефона. Разложить это кружево на влажном песке. Кружево редкостной красоты. И волна, нагло скручиваясь, с застывшей рыбкой внутри, замрет на месте от страха повредить этот ранимый фантастический венок.

- У тебя кровь на лице.

- Мне кажется, что я так выгляжу лучше. С прокушенной губой.

А кровь сочится. Она проступает, как в детстве, на сбитом колене. Мельчайшими капельками сквозь содранную кожу, рисуя капиллярную сеть, рисуя сладко пахнувшей красной гуашью на стенах. Красной масляной краской на облаках. Кровью из сердца на волнах океана.

- А что там, за дверью? Ты же уже была там?

- Там ты.

Жадно схватить мгновенье, затолкать в сумку, огромную, неподъемную сумку памяти. Осенней ночью просеивать тяжелый груз через дрожащую от напряжения сердечную мышцу. Чтобы потом вплести в нервное, голое кружево аксонов и дендритов все то, что так надо отдать. Полив кровью венок, свитый умелой рукой, бросить его в штормовое море. И спросить:

- А мы знакомы?

И я не стану врать. Я отвечу

- Да, конечно. Еще нет.

Содержание

Книга первая. Ключ

Предисловие	5
А мы знакомы?	9
Суть новеллы	11
Пасха	12
Золотых дел мастер	14
Барьеры	15
Клей для карусели	16
Почка	20
Снова не дали аванс!	21
Встречи	23
Коэффициент Николаева	24
Герой нашего времени	29
Качели	31
Творцы	37
Сказка о белой жабке	38
Числа	41
Трясогузочка	43
Ожидание	45
С Новым Годом!	46
Ключ	49
Линия Мойры	54
Цель	56
Ситуация успеха	58
2007	58
2029	60
Контрадикторные корреляты	61
Ко мне привязался тигр	63
Небо	66
Киевский торт	71
Бисер	77
Домой!	79
Алхимик	80
Размен	82

Шьют	84
Концерт для флейты	87
Курва	90
Наблюдательная вышка	94
Едет	96
Два гончара	101
Две точки	104
Точка первая. Ирочка	104
Точка вторая. Костя	111
Структура вложенности	114
Суббота	114
Ожидание	117
Сон	118
Утро	120
Армия	120
Знание	121
Болезнь	122
Больница	123
Лужа	124
Лето навсегда	125
Дарвинизм	126
Жаль	127
Стекаю	128
Суицид	129
Можно?	130
Да хранит нас Бог!	132
Зачем?	137
Обучающий процесс	139
Коридор	143
Дженни	146
Сопот	154
Трудно ли быть богом?	155
Всего лишь...	158
Знай!	159
Слово	162
Вы на следующей выходите?	163

Ракушка	165
Скоро поезд	166
Гданьск	167
Я - любовь!	169
Седьмой	171
Пролог	173
Актер	174
Лето навсегда	176

Книга вторая. Пора в дорогу!

Пора в дорогу!	180
Подготовка к дороге	180
Начало дороги	186
Дорога № 1	188
Дорога № 2	206
Дорога № 3	213
Конец дороги	217
Эпилог	223
Смотри, поднимается ветер!	224
День первый	224
День второй	226
День третий	227
Отпуск по любви	234
Пролог	234
Гостиница	234
Хорошая идея	238
Лиловый вечер	241
Кафе	243
Ключи от всех дверей	249
Лес	250
Маскарад	254
Страшное место	258
Эпилог	260
А мы знакомы?	267

Литературно-художественное издание

Олег Мащенко

Сказки нерожденных детей

Литературный редактор – Александра Гончаренко

Компьютерная верстка – И.А. Бедарева

Фото на обложке – из архива автора

Подписано в печать 28.10.2014 г.

Формат 84x108 1/16. 272 с.

Тираж 500 экз. Заказ №369.

Отпечатано в ООО «Форма».

95000, г. Симферополь,

ул. Сергеева-Ценского, 3, оф 6.